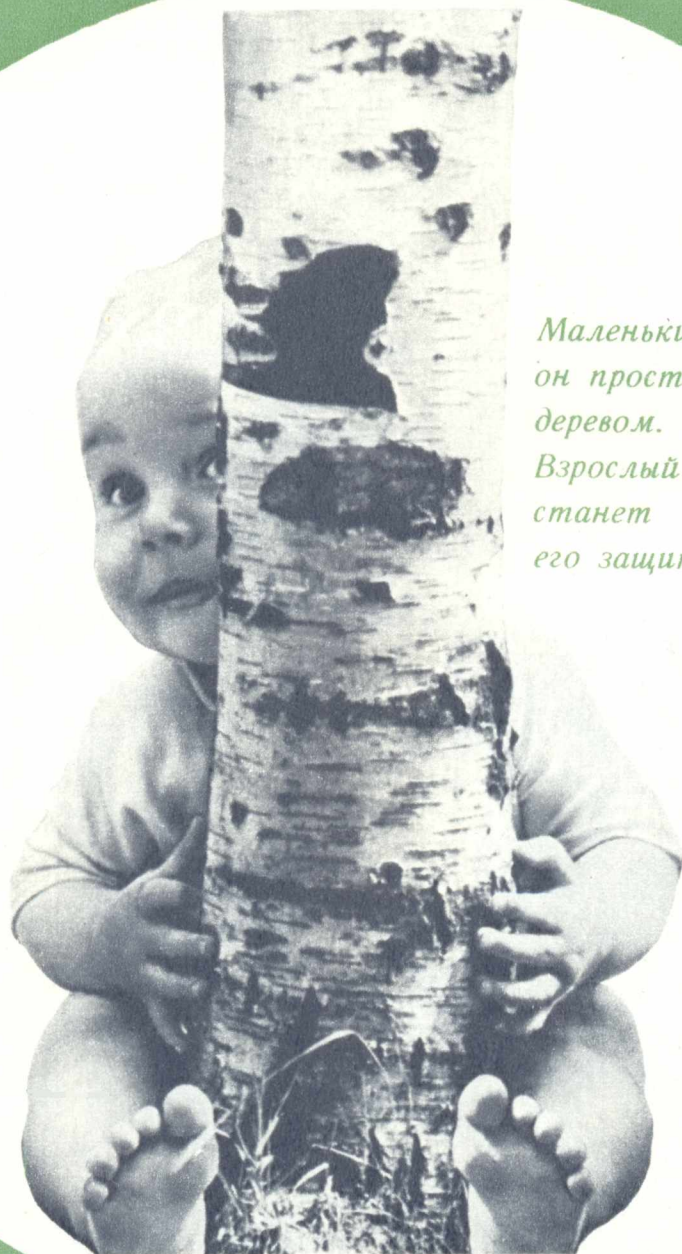

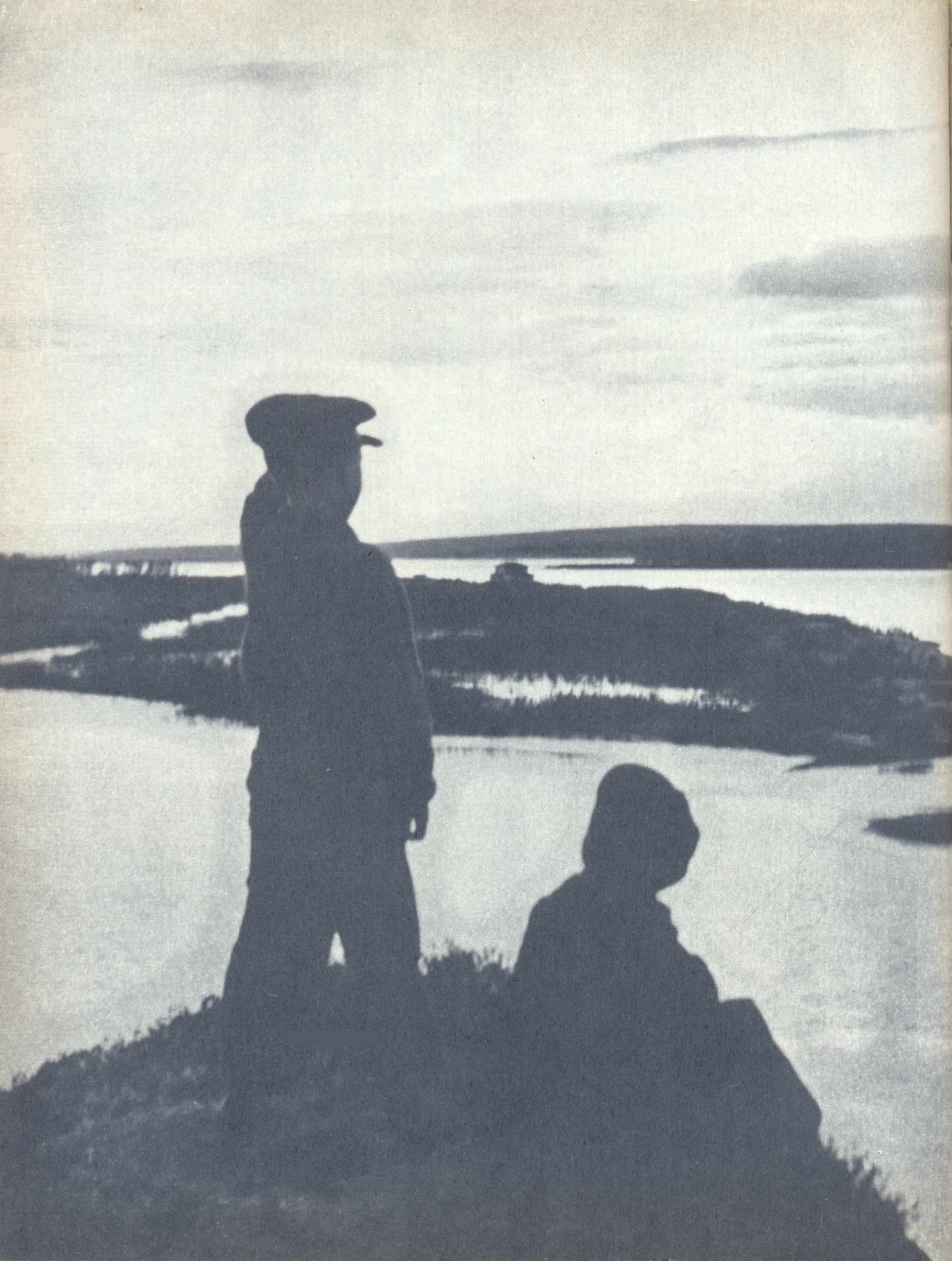
СЕМЬЯ И ШКОЛА

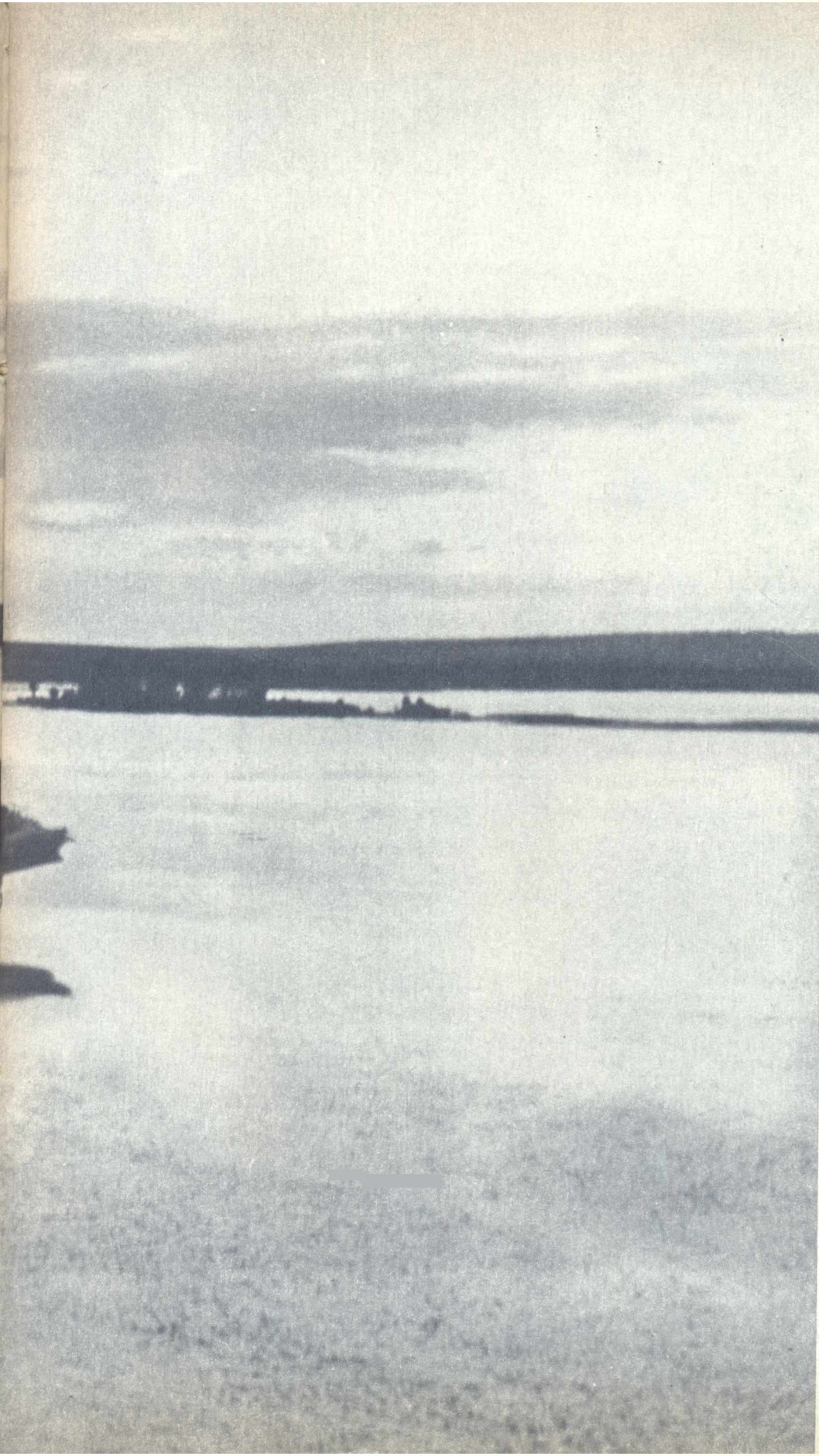
7/1970

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

*Маленький —
он просто любит
дерево.
Взрослый —
станет
его защитником.*

„А воля,
а простор,
природа,
прекрасные
окрестности
города,
а эти
душистые
овраги
и колыхающиеся
поля,
а розовая
весна
и золотистая
осень
разве не были
нашими
воспитателями?

К. Д. УШИНСКИЙ

Чем больше
привязаны дети
к родной природе,
чем охотнее узнают
ее мудрую жизнь,
тем богаче
становится для них мир.
Многое пойдет
с этой малости:
спасенный птенец
рождает в ребенке
сознание своей доброй силы.

содержание

<i>природа</i>	
и. гончаров ● чувство родины, чувство красоты	2
п. смолин ● в июле	5
г. анненкова ● попробуйте определить...	6
а. иорданский ● вода	8
дм. кайгородов ● как вороны сад спасли: васильки	11
дж. даррелл ● моя семья и другие звери	14
и. гамаюнов ● такая ребятня	16
письма. ответы. комментарии	18
<i>психологический семинар: „свойства человеческой личности“</i>	
в. пушкин ● мышление	20
консультации „семья и школа“	24
<i>телевидение и дети</i>	
е. глушкова ● найдите свою программу!	26
строки из писем	27
<i>путь и профессии</i>	
в. левин ● кем работать подростку?	28
д. миронова ● узнайте нас	29
а. кондратенков ● толя и его братья	30
<i>что за правило?</i>	
с. файнберг ● „не давши слова, крепись, а давши, держись...“	32
и. кон ● возраст и общество	34
говорят дети	37
дж. холт ● тирания тестов	38
г. кистенева ● летний стол	41
г. герасимов ● демографическое путешествие	42
м. бондарюк ● светкин гость	45
детство замечательных людей	47
<i>книжки</i>	
е. аксенова ● добрый сеятель	48
з. кузьмина ● его скала, его твердыня	49
л. гордин ● хотеть — значит стремиться	51
недавно выпущено ...	52
<i>музыка</i>	
е. зайцева ● творчество, излившееся в жизнь	52
<i>давайте поиграем</i>	
ф. ипполитов ● час потехе — важный час	55
в. шатчинин ● погремушка юпитера	58
е. гельфан ● овладеваем вниманием	59
с. глязер ● народные игры	60
на 64 клетках	62
конкурс „расскажите о своей жизни“	63
<i>история одной картины</i>	
л. осипова ● „сквозь жар души, сивозь холод ума...“	64
на вкладки фото о. романова: на последней странице обложки фото б. раскина.	

семья и школа

ежемесячный журнал для родителей
Академии педагогических наук СССР
июль 1970 года № 7 25-й год издания

природа

природа

ЧУВСТВО РОДИНЫ, ЧУВСТВО КРАСОТЫ

Наш век динамичен, напряжен. Повседневные бытовые заботы, работа, общественная деятельность, стремление вкусить блага цивилизации заполняют жизнь взрослых. Широкие школьные программы, доступность удовлетворения различных интересов делают чрезвычайно насыщенной и детскую жизнь. Современному человеку, особенно горожанину, некогда взглянуть на природу, рассмотреть синеву неба, зелень трав, разноцветность камней. Мы по существу не видим землю, по которой ходим. И это дурно сказывается на нашей духовной жизни.

Да, природа для человека — это прежде всего кормилица, арена труда, его колыбель и место жизни. Однако наше отношение к ней не ограничивается этой деловой направленностью.

Природа, являясь постоянным условием существования людей, вместе с тем дарит им непреходящие и ничем не заменимые эстетические ценности.

Красота природы обогащает внутренний мир человека: развивает эмоциональную отзывчивость, возбуждает новые чувства, заставляет ощутить радостное волнение или удовольствие покоя.

Природа — великая школа жизни. Она нравственно возвышает нас, учит отзывчивости. Природа — не стена, отгораживающая человека от социальной действительности, а окно в эту действительность, через которое лучше видна жизнь. Это точно подмечено: среди природы человек еще сильнее сознает свою близость

к людям, охотнее разделяет их радости. Любящий природу — более чуток и к чужому горю.

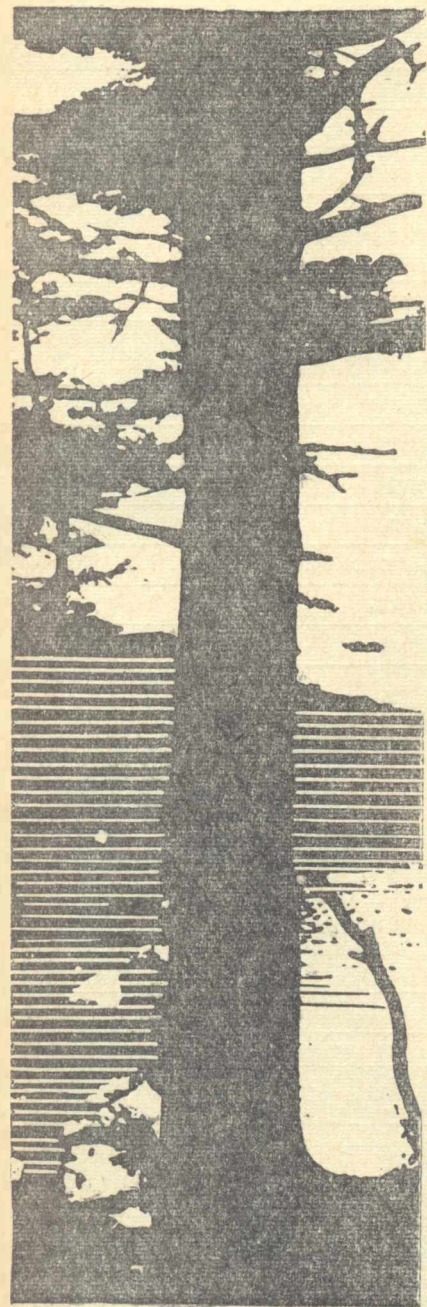
Нерасторжима любовь к природе и любовь к Родине.

Ощущение Родины входит в нас очень рано, — когда мы только сделали первые шаги по земле, увидели небо, реку, услышали шум леса. Уже в эту раннюю пору нас охватывает безотчетное чувство родства с землей, раскинувшей вокруг свои богатства, с землей, которая дружелюбно открывает свои дали, одну прекраснее другой. И тобой овладевает мысль: да ведь и я сам, как эти деревья и травы, — сын этой милой неслыханной земли, ее питомец и ее защитник... Патриот рождается в ребенке, когда ему удастся проникнуться волнующей прелестью родных полей, лесов, вод.

Нам порой некогда разобраться в себе, обсудить склад своей жизни. Каждый день приносит новые заботы. Иногда их накапливается столько, что человек не успевает выполнить все необходимое. Но вот он оказывается на лоне природы. У него появляется возможность побыть с самим собой. Никто его не отвлекает, ничто ему не мешает. Природа способствует сосредоточенности, недоступной или трудно доступной среди шума городского. Общение с природой дает совершенно неподозреваемую силу для самопознания. Человек невольно начинает прислушиваться к своему внутреннему голосу, слышать самого себя. Окружающая красота, ощущение простора вызывают спокойное и уравновешенное состояние.

Естественность обстановки зовет человека к полноценной жизни. М. М. Пришвин мудро заметил: «Чем краше день, тем настойчивей вызывает и дразнит нас природа: день-то хорош, а ты какой!» Может быть, тут и есть начало важнейшего процесса самовоспитания...

Наивно думать, что, показывая ребенку изредка луга и леса, мы воспитываем его эстетически чутким. Так не бывает, чтобы природа сразу излила на человека всю свою благодать. Однажды нас может волшебным поразить восход солнца, игра морских волн, особенно гармонический пейзаж. Но природа многолика и

чувствовать ее, не будучи постоянно с нею, — невозможно.

Непременное условие приобщения ребенка к природе — развитие наблюдательности. Совершенно та наблюдательность, которая в одинаковой степени глубока и тогда, когда обращена на краски, и когда улавливает звуки, и когда различает запахи. В природе все как будто ясно и видно. Глаза есть — смотри! И все увидишь. Нет, это не так. «Не так?» — переспросит, пожалуй, кто-нибудь. — Видеть природу — дело простое. Разве это такая премудрая штука? А между тем — премудрая. ...Ясный морозный день на исходе. Тени голубые, переливчатые. Какое наслаждение видеть эту красоту! Художник расставляет этюдник. Если бы передать все это на холсте! Но вот подошла группа подростков и начала обсуждать — похоже или непохоже.

— А почему, дяденька, у вас снег голубой?

— А какой же он, по-вашему?

— Белый!

— В тени или на солнце?

— Везде белый. Только в тени темнее. Сероватый.

— Неужели вы не видите, что в тени он голубой, а на солнце розовый, золотой?

— Нет, это снег. Все знают, что он белый.

Художнику стало обидно, что никто не открыл этим ребятам наслаждение красками жизни. И потому снег для них всегда белый — и только, трава зеленая, асфальт серый, а кирпичи кирпичные.

Человек получит наслаждение красотой лишь тогда, когда научится как следует видеть окружающий мир.

К. Э. Циолковский, будучи уже пожилым человеком, вспомнил эпизод из своего детства. Когда он научился читать и писать, мать изредка диктовала ему отдельные места из Чехова, Тургенева и Толстого. Начав как-то диктовать, она резко оборвала это занятие и сказала:

— Лучше сделаем так. Пиши-ка, милый, сочинение, ну, скажем, на тему «Весна».

Над первым сочинением К. Э. Циолковский корпел долго. Написал. Перечел написанное. Оно показалось ему очень складным и, главное, кра-

сивым. Он побежал к матери. Она взяла тетрадь и углубилась в чтение. Сын ждал похвалы и не сводил с нее глаз. Сначала она почему-то хмурилась брови, потом, по мере чтения, на губах у нее появилась улыбка и, наконец, она захохотала. Став серьезной, мать сказала:

— Не огорчайся. Это твое первое сочинение. А первый блин почти всегда комом. Ты такое тут нагородил, что нарочно не придумаешь.

Потом скомандовала:

— Собирайся!

Циолковский оделся, и они пошли в огород. Мать подняла голову к небу:

— Видишь небо? Какого оно цвета?

— Голубое.

— А точнее?

— Не совсем голубое.

— Вот именно. Оно скорее серое. Голубизны в нем сегодня мало. А к западу небо и совсем мутное. А ты написал: «небо агатовое». Агат — минерал черного цвета. Ты описываешь весенний день. Почему же небо называл агатовым?

— Так красивее.

— Красота — это прежде всего правда. Почему ты считаешь наше милое серенькое рязанское небо некрасивым? Оно и ночью-то черным не бывает. А теперь скажи: ты слышишь, чем пахнет?

Циолковский молчал.

— Хорошо. Я тебе скажу. Талой водой. Землей. Немножко навозом, его принесли сюда для огородных грядок. Горькой корой ветлы, ее отогрело солнышко. Так я говорю?

— Так.

— А у тебя «благоухают розы». Где ты взял розы в апреле? Их в цветочном магазине и то не сыщешь. Значит, ты снова привираешь для красоты. Допустим, что аромат роз действительно хорош. Но почему ты думаешь, что талая вода, кора ветлы, вот эта капелька смолы на заборе пахнут плохо? Это запахи родной земли. Что там за птицы?

— Воробы.

— Смотри, как они радуются весне. Встопорщили перья, прыгают. Ищут зернышки. Купаются в лужах. Чирикают. Трудно подыскать более верную примету весны, чем эти пичуги. А у тебя: «Лебеди отражаются в

зеркале вод». Как будто ты побывал в Царскосельском парке, да не в апреле, а в августе. Выдуманы у тебя, Костя, лебеди, взяты из книг. А сейчас посмотри на ручеек. Какой он?

— Мутный, — произнес Циолковский.

— Да, мутный. Видишь, даже с коричневым оттенком, а в сочинении он бриллиантовый. А ведь настоящий ручеек мне кажется куда лучше вымышленного, бриллиантового.

Вот какой урок преподавала мать сыну — урок правдивости, верности жизни и простоты, урок внимательно-го отыскивания прелести природы.

Большое значение мы придаем краскам природы: вместе с детьми всматриваемся в светло-зеленую ряску, затянувшую реку; в солнечные лучи, «пойманные» подорожником в свои широкие ладошки; в бело-розовые головки кашек, светящиеся маленькими фонариками; в залитую солнцем поляну и в лесной сумрак, в закат солнца и в лунное сияние.

Раскрываем и музыку природы: трепет листьев, шум верхушек деревьев, пение птиц, жужжание насекомых, плеск воды, гудение ветра, жужжание пчел. Дети получают наслаждение от богатства музыкальной жизни природы.

Однажды я гулял с группой ребят. Над озером и дальним лесом тихо опускался вечер. Под ногами — золотое многоцветье. Земля пахла осенним листом. Мы шли медленно. Я чувствовал себя необыкновенно счастливым. Как хорошо, что я вижу эти листья, этот закат, эту воду. И мне захотелось поговорить об этом с ребятами. Они с интересом выслушали мой монолог, но, по-видимому, не прониклись моими переживаниями. Тогда я предложил: «Помолчим, посмотрим, послушаем».

Все насторожились. И ребята увидели, как заходящее солнце посыпало на землю, на озеро, на лес багряные отсветы. Где-то рядом шуршали падающие листья. Множество звуков рождалось вокруг. Не каждый мой спутник воспринял красоту, окружавшую нас. Для этого нужен некоторый опыт, тонкая наблюдательность, хороший слух, развитое обоняние. Но некоторые почувствовали ее.

В другой раз, летом, спрашиваю:

природа

природа

— Вы чувствуете, какой аромат у кашек?

Все тянут носами.

— Да, вкусный! — говорят ребята, улыбаясь.

Какое гордое чувство испытывает взрослый человек, приобщая детей к открытию прекрасного в жизни. Как много при этом дает взрослый молодым сердцам. Как много и как долго, иногда, заметьте, на всю жизнь. И как общее восхищение природой сближает нас.

«Когда я была маленькой, отец часто брал меня с собой в длительные поездки по Онежскому озеру. Особенно хорошо помню закат солнца в июльскую ночь. Дальний берег, заросший густым лесом, солнце, исчезающее за ним, и яркая световая дорожка голубовато-синей глади воды. Кругом разлита та звонкая предвечерняя тишина, когда слышны всплески играющих рыб. Прошло уже много лет, а виденная картина не стирается в памяти. Может, я тогда и полюбила природу?»

Дети подрастают, и становится все труднее и труднее удержать их возле себя. Они рвутся на простор. Отпустите! Не бойтесь! Неужели ваш более, чем десятилетний добрый труд пропал даром? Вы, надеюсь, успели внушить сыну уважение к вашим тревогам и ответственность за свое поведение. Это очень хорошо, очень ценно, если детей тянет к природе. Там легче мечтается, звонче поется. Вспомните, и вам приятно помолчать наедине с полем, с лесом, с речкой. Дайте же подростку попить из этой живительной чаши. Пусть же и дети временами остаются наедине с природой, без нас. Пусть набираются они, находясь лицом к лицу с ней, физического и душевного здоровья.

А как радостно и умно можно играть на природе!

Однажды писатели Пришвин и Яшин вместе со своей спутницей Златой Константиновной пошли в лес. Впереди них на деревьях уселись сорока с вороной. Сорока-непоседа перепрыгивала с ветки на ветку, а ворона как опустилась на сучок, так ни разу и не передвинулась на нем. Только сучок от ее грузной посадки раскачивался, и ворона показывалась то в тени, то на солнце, да изредка для равновесия чуть взмахи-

вала хвостом, вверх-вниз, вверх-вниз. Пока ворона раскачивалась на одном и том же сучке из света в тень, из света в тень, сорока на своем дереве пять или шесть ветвей переменила. Злата Константиновна пригляделась к ним и сказала:

— Михаил Михайлович, примите от меня в подарок этих птиц. Они не простые.

Пришвин поддержал эту игру, принял подарок и начал внимательно осматриваться вокруг. Когда уже выходили из леса к полю, и за бугорком показалась крыша амбара с двумя скрещенными над коньком жердочками, как с усиками, он обрадовался:

— А я вам дарю вот этого жука! — и указал на выдвигавшуюся из-за холма крышу с усиками, в которой спутники, приглядевшись, действительно признали сходство с каким-то большим сказочным жуком.

Ликовала Злата Константиновна, и довольно улыбался в усы Михаил Михайлович. Той порой ворона и сорока снялись и улетели, а жук стал амбаром. Но подарки уже были сделаны друг другу — поэзия посетила людей.

Поведение человека в природе в какой-то мере зеркало его души.

Важен вопрос, кем осознают себя дети среди природы: друзьями всего живого или варварами, втыкающими палки в муравейники, выбирающими яйца из птичьих гнезд, ломающими деревья. Ребенок, чуткий к природе, не станет убивать птиц, вырезать на стволах имена и даты, пугать лесную живность.

Я был свидетелем того, как воспитанники 40-й петрозаводской школы бережно выращивали птенцов, выпавших из гнезд. С каким старанием «лечили» они меловой замаской поврежденные деревья. Лечили и вспоминали стихи А. К. Толстого:

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатились

Ты не плачь, береза, бедная,

Рана не смертельна, вылезит

После того, как дети увидят красоту реальной природы, целесообразно познакомить их с пейзажным ис-

кусством. Тогда их эстетические ощущения станут еще более тонкими.

Распространенный случай: многие не понимают И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, К. Г. Паустовского и других певцов природы, при чтении пропускают их изумительные описания. Происходит это потому, что такие читатели не видят и не любят настоящую природу.

В чьей душе красота природы не оставляет следа, тот ничего не поймет и в искусстве.

Когда мы ведем ребенка от природы к пейзажному искусству, он полностью воспринимает это искусство.

Но, может быть, можно обойтись и без пейзажного искусства? Нет, нельзя! Еще в прошлом веке доказывался справедливый тезис: действительность прекрасна сама по себе, прекрасна по своей сущности, по своим элементам, по своему содержанию. Действительность — чистое золото, но не очищенное, в куче руды и земли. Наука и искусство очищают золото действительности, перетопляют его в изящные формы. Искусство помогает человеку проникательнее подойти к природе, обратить внимание на то, что ускользало от его взгляда. Духовная жизнь ребенка не может ограничиться кругом фактов и явлений, непосредственным свидетелем которых он был. Что представлял бы его внутренний мир, если бы его наблюдения жизни были замкнуты пространством и временем, лично им духовно и физически освоенным? Видеть жизнь со многих сторон может лишь тот, кто сверх собственного опыта вобрал в себя опыт других. Этот опыт собирается художниками. Поэтому искусством ширится и углубляется познавательная деятельность людей.

...Не созерцателем, не туристом, не потребителем должен входить в храм природы наш ребенок. Он наследник, будущий заботливый и бережный хозяин богатств и красоты родной земли. Внушим ему это великое чувство, поддержим и разовьем его!

И. ГОНЧАРОВ,
кандидат педагогических наук,
доцент

Ленинградского института культуры
имени Н. К. Крупской

В июле

Июль — середина лета, его макушка, когда жизнь в природе достигает расцвета. Очень активны в эту пору муравьи. Их личинки требуют так много корма, что муравьи работают с наибольшей «производительностью».

В Москве в сравнительно недавние времена жил замечательный натуралист — Борис Сергеевич Щербаков, и его любимцами были... насекомые. Помогавшим ему юным натуралистам Борис Сергеевич дал интересное задание. Ребята сели в лесу около большой муравьиной дороги и превратились в... «грабителей»: они отбирали у пробегающих по дороге муравьев их ноши. Были у ребят две коробочки. В одну они складывали все, что муравьи выносили из муравейника, а в другую — то, что муравьи тащили в муравейник. Просмотр первой коробочки показал, что в муравейнике идет настоящая санитарная работа — выносятся мертвые куколки, испорченные остатки корма, весь мусор. Еще более интересные результаты дал просмотр другой коробочки: оказалось, что в муравейник непрерывным потоком поступает пища. Насекомые и другие мелкие беспозвоночные приносятся целиком, а более крупные — разорванными на куски. Подсчеты и расчеты показывают, что в удачные для охоты дни такой «поток» может доставить в муравейник до десяти тысяч насекомых и других беспозвоночных.

Но ведь насекомые бывают разные — есть среди них и друзья и враги. Кого же уничтожают муравьи?

Результаты изучения численных отношений шестиногого населения леса показывают, что врагов леса среди них больше, чем друзей, особенно если не принимать в расчет муравьев. В добыче муравьев вредные насекомые преобладают над полезными. Кроме того, есть и другие наблюдения. Возьмем хотя бы листовёрток. У дубов, сильно поврежденных гусеницами этой бабочки,

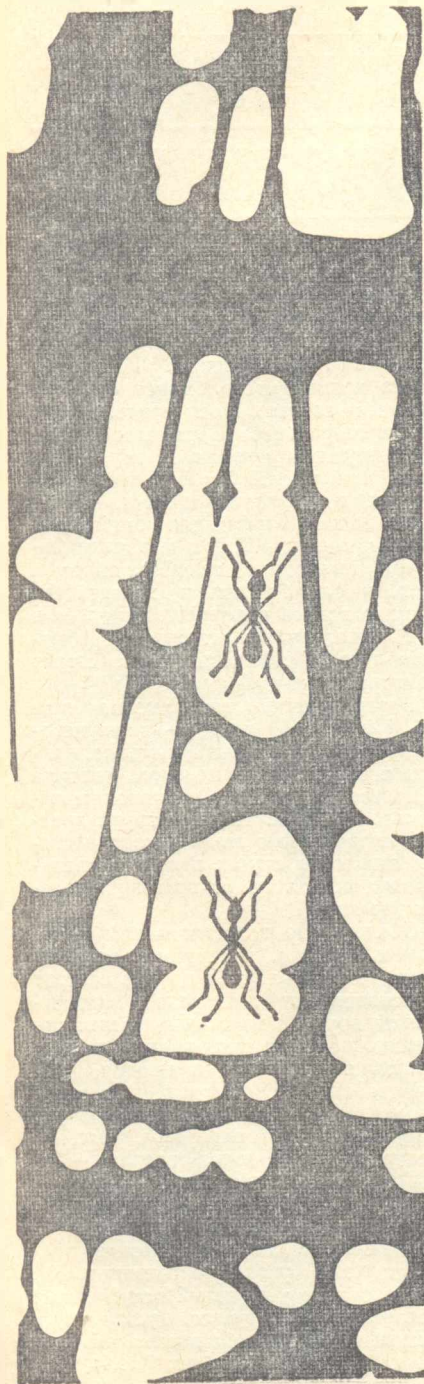
листва съедается полностью или почти полностью. Но, если около дуба в радиусе десяти метров от его основания находится муравейник рыжих лесных муравьев, листва спасена. Энтомологами подсчитано, что деятельность одного муравейника по уничтожению лесных вредителей соответствует такой же деятельности четырех пар гнездящихся синиц. А ведь именно синицы считаются самыми надежными охранителями леса. Вот и выходит, что муравьи — одни из наиболее верных и надежных защитников леса.

А можно ли их приспособить для защиты плодовых садов? Казалось бы, чего проще — переселили муравейники, и будут муравьи так же надежно охранять наши урожаи, как наши леса. Не тут-то было, так просто не выходит.

В чем дело? Во-первых, урожаи страдают не только от насекомых, но в такой же, а иногда и в большей степени от грибов-вредителей, и пока что люди не умеют бороться с ними иначе, чем при помощи ядохимикатов, а как помирить муравьев с ядохимикатами — неизвестно.

Есть и другая серьезная помеха — дружба муравьев с тлями: «падь» — сладкие выделения тлей — существенная часть пищи муравьев. Тли — своего рода «дойные коровки» муравьев, и они «пастут» тлей — отгоняют от них врагов, переносят самок тлей на зимовку в муравейники, а весной обратно выносят их «на выпас» на кормовые участки. Многочисленные точные и детальные наблюдения показали, что «пастьба» муравьиных «дойных коровок» не приносит сколько-нибудь существенного вреда лесным деревьям и кустарникам. Иное дело — плодовые сады и парки: у ценных плодовых деревьев — яблонь, груш, цитрусовых — есть немало серьезных вредителей среди различных тлей и их родственников — червецов. Особенно опасны вредители, завезенные из других стран, — ведь у них нет своих природных естественных врагов.

Из этой области можно вспомнить один интересный факт. В 1924 году с саженцами цитрусовых деревьев завезли личинки родственного тлям желобчатого червеца ицерии —

природа

природа

опасного вредителя citrusовых культур. Через три года — в 1927 году — два энтомолога обнаружили этого вредителя в сухумском парке на ветвях его излюбленного дерева — австралийской акации (мимозы). Зная, какой громадный вред причинило это насекомое citrusовым культурам в Калифорнии и как безуспешно боролись с ней калифорнийские citrusоводы, кавказские специалисты по борьбе с вредителями провели самые радикальные мероприятия по уничтожению ицерии, и ее полностью уничтожили в сухумском парке. Но на следующий год ее колонии появились в пригородных лесах. Над мандариновыми садами Черноморского побережья нависла опасность. К счастью, к этому времени специалисты уже знали главного врага ицерии — родственного нашим «божьем коровкам» австралийского жучка новюса, называемого также родолией. Жучков выписали из Каира, где уже было налажено использование родолии в борьбе против ицерии. Жучков размножили в лабораторных и полувольных условиях и выпустили в районе, где были найдены колонии ицерии. Массовое размножение ицерии было предотвращено, была отведена угроза, нависшая над мандариновыми садами.

«Все это очень интересно, — скажут читатели, — но при чем же здесь муравьи?» Оказывается, что во всей этой истории они сыграли и до сих пор играют существенную роль: именно благодаря им специалистам не удалось окончательно разделаться с ицерией. Один из муравьев Черноморского побережья взял ицерию под свою защиту! Он стал отгонять жучков от колоний ицерии, а когда и это не помогло, стал сооружать над колониями особые навесы — своего рода муравьиные «скотные дворы». А переселенные в парки и плодовые сады муравьи могут оказаться непрощенными защитниками тлей. Однако наше муравьиное население состоит из многих видов, очень разнообразных по своему образу жизни, и, может статься, специальные наблюдения могут обнаружить также виды и формы муравьев, которым можно будет «поручить» охрану плодовых садов и парков.

Теперь об охране и практическом использовании муравьев. Существует глупая, бессмысленная и вредная «забава» — тыканье палкой в муравейник, чтобы посмотреть, «как они забегают». Нужно всячески разяснить, что в результате этой «забавы» все мало-мальски посещаемые людьми леса остались либо совсем без муравьев, либо с жалкими остатками муравьиной «армии». А это значит: леса эти живы до первого массового размножения лесных вредителей.

Существует и другая менее бессмысленная, но в достаточной мере вредная вещь — использование муравьев для получения муравьиного спирта и муравьиной кислоты. И то и другое может быть получено синтетически. А использование муравьиных куколок — так называемых муравьиных яиц — в качестве корма для цыплят и комнатных птиц может быть заменено «мучными червями», мотылем и другими животными кормами.

Сейчас ученые, специалисты по муравьям, разрабатывают технику расселения муравьев, впереди практические работы, и вот тут-то понадобится ребячья помощь. А пока что «зеленые патрули», школьные лесничества, да и все ребята могут охранять муравейники своего леса, выравнивать те, что разорены, чтобы в ямки не текла вода и не началось гниение, рассказывать младшим ребятам о замечательных умных шестиногах.

П. СМОЛИН

советуем прочесть

К. В. Арнольди. Муравьи. (В сборнике «Определитель насекомых»). М., Издательство АН СССР, 1950).

«Рекомендации по использованию муравьев для борьбы с вредителями леса». М., «Лесная промышленность», 1968.

И. А. Халифман. Пароль скрепленных антенн. М., «Детская литература», 1967.

И. А. Халифман. Муравьи. М., «Молодая гвардия», 1963.

попробуйте определить...

Летним днем вы с сынишкой пробираетесь по лесной тропинке. На глаза попался бурый плотный камешек. Ба! Да это старый знакомый — кремнь, которым вы в детстве играли, пытаясь высечь искры. Наружная корка кремня часто бывает белой от примеси глины. Посмотрите, какие глубокие раковистые сколы с острыми режущими краями образует кремнь при ударе. Острые кремневые пластинки служили ножами, скребками, наконечниками для копий древнему человеку. Дайте мальчику самому изготовить такой кремневый нож, и он убедится и в свойстве кремня давать раковистый скол, и в том, какого труда стоила первобытным людям обработка даже самых нехитрых орудий.

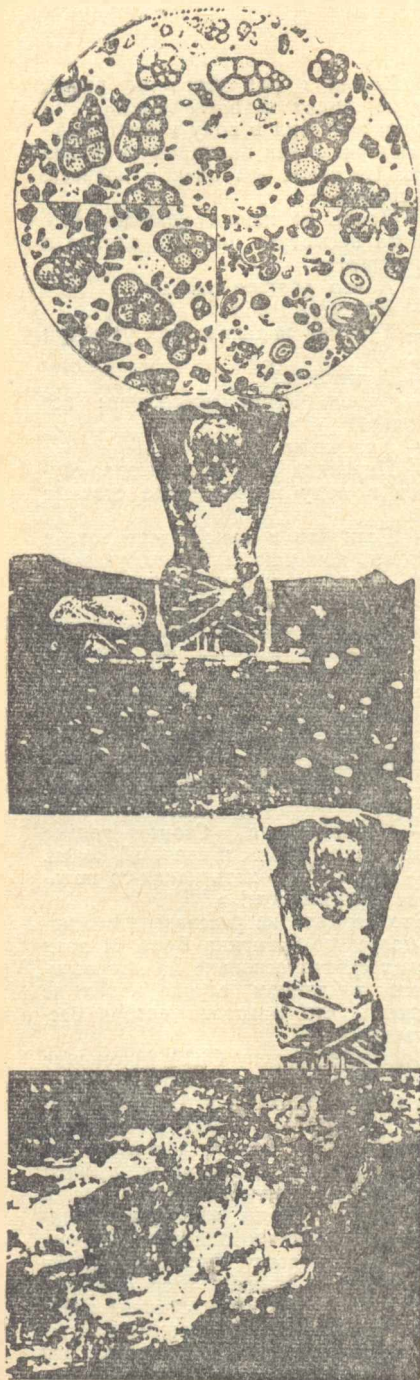
В овраге ничем не приметная глина. Ничем? А цветом — коричнево-желтым? Это охристый лимонит, желтые и бурые массы которого издавна использовались как природная минеральная краска. Именно такой краской первобытные люди рисовали сцены охоты на стенах пещер и расписывали свои тела во время ритуальных танцев.

Обязательно встретятся вам и обломки гранита, занесенные великим ледником. Эта горная порода состоит в основном из трех резко отличающихся друг от друга минералов: полевого шпата, слюды и кварца. Зерна полевого шпата и кварца, пластинки слюды образуют пятнистую неоднородную массу. Размеры зерен могут быть то более крупными, то более мелкими; цвет гранита — белый, серый — зависит от окраски полевого шпата. Попробуйте сами его определить: он царапает стекло и при раскалывании образует четкие плоскости под углом, близким к 90°. Именно этот увиденный вами гранит прекрасно полируется, устойчив к атмосферным колебаниям, и поэтому вы встретите его в облицовке зданий, набережных, памятников.

природа

природа

Вдоволь накупавшись, вы с ребятами лежите на берегу, лениво пересыпая песок между пальцами. Горсточка обычного, тысячу раз виденного песка. А знает ли ваш ребенок, что песок образовался при разрушении твердого гранита, что эти прозрачные крупинки называют кварцем, а тоненькие блестящие пластинки — слюдой? Иногда слюды в песке бывает очень много и ее золотистые искорки принимают за золото. Но достаточно бросить в стакан с водой щепотку песка — и крупинки кварца опустятся на дно, а белые и золотистые пластинки слюды будут плавать. Упругие листочки слюды легко расщепляются на все более тонкие чешуйки. Вы убедитесь в этом, извлекая кончиком ножа слюду из гальки и гранита. В коренных месторождениях слюда встречается подчас в виде пластин до одного метра в поперечнике. Такую слюду в старину, когда еще не было стекла, разделяли на отдельные пластинки и вставляли в окна. В нашем веке в слюде обнаружили и другие «таланты» — она обладает прекрасными электроизоляционными свойствами, поэтому и используется на линиях электропередач высокого напряжения.

В том же прибрежном песке наверняка найдется крупная галька кварца. Если ее расколоть, то она покажется вам очень похожей на стекло — такая же полупрозрачная, со стеклянным блеском на неровном изломе. Ее острый край оставит четкие царапины даже на лезвии перочинного ножа, что говорит о высокой твердости — важном признаке кварца. В крупной гальке молочно-белого кварца вы можете обнаружить пустотку с прозрачными кристалликами в виде вытянутых шестигранных призм, увенчанных шестигранной пирамидой. Конечно, совершенно прозрачные кристаллы кварца, так называемый горный хрусталь или лиловый кварц — аметист, встречаются довольно редко. Зато широко распространены такие разновидности кварца, как плотный непрозрачный кремнь, разноцветные полупросвечивающие халцедоны, полосчатые агаты, пестроцветные яшмы.

Река в том месте, где берега ее круто обрываются, обнажит слои известняка. Эта плотная на вид по-

рода легко чертится стеклом. Цвет ее бывает различным — белым, бурым, даже черным, но черта, оставленная стеклом на известняке, всегда белая. Под действием уксуса известняк как бы закипает — из него начинает бурно выделяться углекислый газ.

В трещинках и пустотках известняка иногда находят кристаллы кальцита. Они прозрачны, бесцветны, со стеклянным блеском. От кварца они отличаются гораздо меньшей твердостью и тем, что при ударе раскалываются на кусочки с ромбическим сечением. С использованием одной особенности кальцита ребята столкнутся при знакомстве с микроскопом: прозрачные кристаллы кальцита обладают удивительной способностью двупреломлять луч света, и если положить пластинку кальцита на эти строки, то буквы удвоятся.

Многие ребята проведут лето в пионерских здравницах Крыма, Кавказа, Прибалтики. Расскажите им, какие интересные находки ожидают их каждый день на морском пляже, где можно встретить камни, принесенные волнами за сотни километров. Знаменитая крымская галька — это в основном красочные халцедоны — нежно-розовые, перламутрово-серые, красные, голубоватые. На Кавказском побережье привлекут внимание причудливые переплетения тонких прожилков кальцита на плоских галечках серого сланца. Ну, а тот, кто поедет в Прибалтику, конечно же, станет искать янтарь. Интересно найти самому этот солнечно-желтый камень в полосе морского прибоя! Напомните ребятам, что янтарь — ископаемая смола хвойных деревьев, которые росли около 30 000 000 лет назад. В эту смолу когда-то попали насекомые (муравьи, мухи), семена растений и так, в смоле, сохранились до наших дней. Янтарь с включениями встречается довольно редко, и потому о такой находке мечтают многие любители этого камня.

Вернувшись домой, ребята с увлечением будут рассказывать о своих находках, показывать образцы. Пусть на первых порах будут собраны только яркие, разноцветные камни. Настоящий интерес к камню, его особенностям придет позднее. Однако даже самая первая коллекция не должна быть кучей случайных и бе-

природа

природа

зымянных образцов. Помогите ребятам определить минерал и оформить коллекцию. Посоветуйте, чтобы к каждому образцу была выписана этикетка с названием минерала и подробным указанием места находки. Делать это желательно сразу, так как подробности быстро забываются и находка будет обесценена. Хорошо, если для каждого образца по размеру будет подобрана подходящая открытая коробочка. Для этих целей нетрудно переделать аптекарские, спичечные, папиросные коробки. На дно коробки кладется этикетка, а чтобы она не пачкалась и не обдиралась минералом, ее можно завернуть в полиэтилен или целлофан. Сыпучие и очень мелкие образцы лучше хранить в стеклянной пробирке или в полиэтиленовом мешочке. Так же хранятся и окаменелости, которые составят палеонтологическую коллекцию.

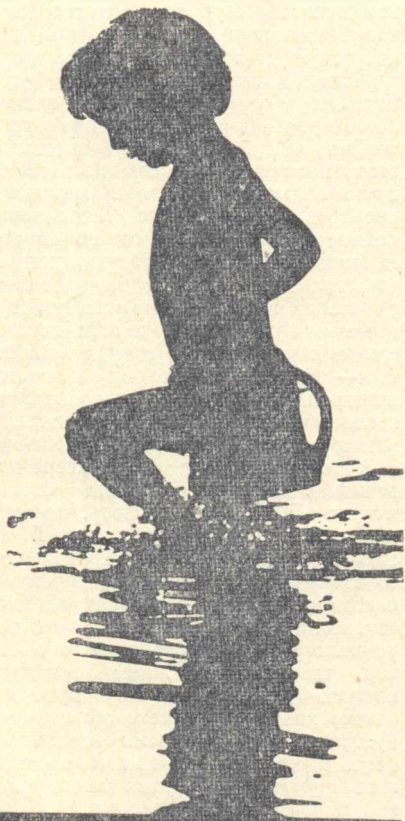
Когда коллекция станет многочисленной, хорошо бы завести специальную тетрадь-каталог, куда вносятся порядковый номер образца, название и подробный адрес места находки.

Большую пользу принесут ребятам специально подобранные коллекции, например руд, строительного камня, полезных ископаемых вашего района. Каждую такую коллекцию лучше хранить отдельно в большой коробке или специальном ящике, вместе с каталогом или описанием тематической коллекции. Если у вас возникнут трудности с определением минералов, обращайтесь в Минералогический музей АН СССР, мы вам поможем.

Г. АННЕНКОВА,

научный сотрудник

Минералогического музея АН СССР

советуем прочесть

В. Г. Музафаров. Определитель минералов и горных пород. М., Учпедгиз, 1953.

Н. К. Разумовский. Как определить минерал? М.-Л., Детгиз, 1953.

А. Е. Ферсман. Занимательная минералогия. М., Издательство АН СССР, 1959.

А. А. Яковлев. В мире камня. М.-Л., Детгиз, 1951.

ВОДА

«...Вышел я раз утром на речку, смотрю, сидит какой-то лысый. Три удочки запустил в воду и мечтательно смотрит в так называемую синюю даль. Посидели мы эдак с полчаса, я и говорю:

— Вроде не клюет, уважаемый.

А он посмотрел на меня злобно и спрашивает:

— А что должно клевать?

— Как что? Рыба.

— Тут нет никаких рыб уже три года.

— А что есть?

— Фенол. Рыбы истреблены все до одной.

— Кто же их истребил?

— Дирекция фабрики, которая спускает в воду неочищенные сточные воды.

— Если это в самом деле так, я не очень понимаю, для чего, уважаемый, вы здесь удочки расставили.

— Сельди вымачиваю.

Я невольно отодвинулся от лысого на несколько метров, но все-таки осторожно заметил:

— Ну, хорошо, но ведь их нельзя будет есть после этой воды.

— А это не для еды, это чтобы крыс травить.

— А отравы в этой воде получается?

— Первосортная. Стоит только крысе попробовать, и сразу ей конец.

— Ну, значит, хоть какая-то польза от реки имеется!..»

Это отрывок из рассказа известного польского сатирика Веха. И хотя всякая сатира основана на преувеличении, в данном случае никак не скажешь, что фантазия автора беспочвенна.

Величайшую реку США Миссисипи давно уже называют сточной канавой Северной Америки. В реке Потомак, на которой стоит Вашингтон, запрещено не только купаться, но даже кататься на водных лыжах: того гляди, брызги попадут в рот, а вода кишмя кишит опаснейшими микробами из канализационных стоков. Серьезную тревогу вызывает судьба американских Великих озер, особенно Эри и Мичигана: близлежащие крупные города и промышленные центры все в большей степени отравляют эти озера своими стоками, угрожая превратить их в мертвые водоемы. Не так давно ядовитые вещества, спу-

природа

природа

щенные в Рейн, вызвали гибель рыбы на всем протяжении реки. Случай, конечно, редкий, но и без этого реки Западной и Центральной Европы несут огромные количества промышленных загрязнений.

Нельзя сказать, что в этом отношении все обстоит благополучно в нашей стране. Сильно загрязнена Волга, особенно в среднем и нижнем течении; молевой сплав леса приносит огромный вред северным рекам, ухудшается положение на реках Сибири; под угрозой чистота Байкала — крупнейшего в мире пресноводного водоема...

Каждый из нас с детства помнит картинку из учебника географии, изображающую круговорот воды в природе. Слева — море, справа — суша; над морем поднимаются волнистые линии испарений, облака плывут над материками, косой дождь омывает леса и луга и собирается в реки, возвращающие воду в океаны. Сколько где отнимется, столько в другом месте прибавится...

К сожалению, на самом деле все не так просто. Действительно, с дождями на земную поверхность выпадает воды в 60—70 раз больше, чем нужно, чтобы напоить все человечество, обеспечить все его заводы и фабрики, оросить все поля. Но ведь дождь идет не там и не тогда, где и когда это нам нужно. И 60 процентов суши занимает на Земле зона недостаточного увлажнения.

Чем больше территория страны, тем острее неравномерность распределения водных ресурсов. В СССР 80 процентов их расположены за Уралом, а ведь до последнего времени подавляющее большинство промышленных предприятий было сконцентрировано в Европейской части страны. Уже сейчас можно назвать районы, постоянно испытывающие недостаток воды. Это Прикаспий, Южная Украина, Казахстан, Средняя Азия. Проект переброски в волжский бассейн части стока северных вод — Печоры и Вычегды — рассматривается уже не как безудержная фантазия, а как серьезное плановое предложение, как необходимая мера.

Потребность в воде растет от года к году. Мы увеличиваем производство стали — но на выплавку каждой ее тонны уходит 265 кубометров

воды. Нам предстоит резко расширить выпуск бумаги — но каждая тонна ее требует воды более 400 кубометров. Тонна каустической соды — это 300 кубометров воды, тонна никеля — 800 кубометров, тонна аммиака — до 1000...

Сотни кубометров воды, которые уходят на производство каждой тонны продукции, возвращаются в реку не в своем первоначальном виде. Что только не попадает в воду на этом коротеньком кусочке ее глобального круговорота — от заводского водозабора до выходного отверстия канализационного спуска! Кислоты и щелочи, нефть и нефтепродукты, тяжелые металлы, ядовитые органические соединения... У каждого производства — своя специфика, своя технология, свой букет загрязнений.

А ведь есть еще сельское хозяйство, где все шире применяются химические средства защиты растений. Дождевые воды, питающие реки, приносят с собой смывы с полей ядохимикатов, удобрений, ил. А есть еще водный транспорт, который сбрасывает в реки и моря тысячи тонн нефти. Есть бытовые сточные воды — пока далеко не во всех городах канализационные системы заканчиваются достаточно мощными и эффективными очистными сооружениями.

На одном дизельстроительном заводе есть гальваническое производство — там хромируют готовые детали. Сточные воды этого завода сбрасываются в реку. Ими заинтересовались специалисты по водоочистке. Когда были сделаны все анализы и расчеты, то оказалось, что из 1100 килограммов дорогого и дефицитного хрома, которые завод получает каждый месяц, 900 килограммов... утекают в канализацию!

По данным Научно-исследовательской лаборатории экономики и организации водного хозяйства промышленности Московского инженерно-экономического института, только машиностроительная промышленность (а это не самая водоемкая отрасль — на ее долю приходится всего 16 процентов общего сброса сточных вод) каждый год спускает в канализацию на 5 миллионов рублей хрома, на 10 миллионов — сернокислого никеля. Только в РСФСР за прошлый год было потеряно со сточ-

ными водами 330 тысяч тонн кислот, 200 тысяч тонн щелочей и щелочных продуктов...

Сбрасываемые заводами кислоты, щелочи и прочие ядовитые отходы загрязняют реки и озера, убивают рыбу, наносят огромный ущерб природе. Но ведь, с другой стороны, эти же кислоты и щелочи, те же хром и никель — ценные, а нередко и дефицитные продукты! И если опустевшие пляжи и отравленные плесы трудно перевести на рубли, то здесь потери очевидны. В канализацию уходят целые месторождения полезных ископаемых, продукция целых заводов. Страдает природа, страдает и экономика...

Ущерб, который причиняют сточные воды, не ограничивается только вредными примесями, которые они несут в природные бассейны. Вот, например, теплоэнергетика — с этой точки зрения совсем безобидная отрасль. Правда, воды она потребляет много — примерно столько же, сколько черная металлургия, химическая промышленность и машиностроение вместе взятые. Но вода, прошедшая через ТЭЦ, возвращается в реку чистой. Она не участвует ни в каких технологических процессах, ничего не растворяет и не смывает.

Недавно на Волжском водохранилище была построена Конаковская ГРЭС — мощная современная тепловая электростанция. Она уже введена в строй и доведена до проектной мощности. Но из-за этой электростанции прибавилось серьезных работ у работников... московского водопровода.

Волжская вода отработала свое в турбинах ГРЭС. Не утратив своей чистоты, она возвращается в Волгу. Изменилось только одно — ее температура. А так как воды забирается и сбрасывается много, то она заметно подогревает близлежащие участки водохранилища. Казалось бы, пустяк? Но повышение температуры воды создает особо благоприятные условия для развития разнообразной водной живности. Водохранилище начинает бурно «цвести». А несколькими десятками километров ниже по течению расположены головные сооружения канала имени Москвы — по нему в столицу идет волжская вода, которая питает московский водопро-

природа

природа

вод. Эта вода всегда славилась своей чистотой и прозрачностью — мало какие из крупных городов мира могут похвастаться таким замечательным источником водоснабжения. Но после пуска Конаковской ГРЭС мутность воды, поступающей на очистные станции Москвы, во много раз увеличилась. А ведь эту воду нужно осветлить, очистить до питьевых кондиций, до уровня строгого ГОСТа...

В последнее время, с развитием атомной энергетики, опасность «перегрева» гидросферы Земли вызывает все большую тревогу у ученых всего мира. «Термальное загрязнение» — новый термин, которым обогатил науку бурный рост современной промышленности.

Но вернемся к промышленным загрязнениям. Что делается для того, чтобы их обезвредить?

В нашей стране сброс промышленных сточных вод жестко регламентирован. Содержание в них вредных веществ не должно превышать определенных величин — так называемых ПДК, предельно допустимых концентраций. Эти нормы разрабатываются специальными научными учреждениями, с учетом интересов всех потребителей воды — от рыбоводов до купальщиков. За соблюдением норм следят санитарные врачи, облеченные самыми широкими полномочиями — вплоть до права остановить предприятие, если оно нарушает правила очистки стоков. Гарантирует ли все это чистоту наших рек?

В принципе — конечно. Практически — не очень. К сожалению, еще есть такие хозяйственные руководители, которые проявляют в этом вопросе, мягко выражаясь, недостаточную дальновидность. Сегодняшние заботы предприятий («Нужно план выполнять, а не ерундой заниматься!», «Какие очистные сооружения? А себестоимость?») заслоняют от них интересы общегосударственные.

Но таких людей становится все меньше. К вопросам охраны рек и озер от загрязнения привлечено сейчас пристальное внимание общественности. Все чаще в газетах и журналах можно встретить призывы к бережению природных вод. Совершенствуются существующие инструкции, правила, законы. Недавно был опубликован проект Основ вод-

ного законодательства СССР и Союзных республик — законопроект, который после широкого обсуждения будет поставлен в повестку дня Верховного Совета. Проект полагает воспретить ввод в эксплуатацию мелиоративных систем до готовности устройств и проведения мероприятий, предотвращающих заболачивание, засоление и эрозию почв; водозаборных сооружений без рыбозащитных устройств; гидротехнических сооружений без устройств для пропуска паводковых вод; наполнение водохранилищ без надлежащей подготовки ложа. Этот проект, в разработке которого участвовали представители всех заинтересованных министерств и ведомств, географы и экономисты, гидрологи и мелиораторы, предусматривает эффективную систему охраны вод от загрязнения.

Вода — достояние народное. И все мы, где бы ни работали, должны заботиться о защите наших рек, озер и морей. И не только потому, что это предписано законом, а потому, что это отвечает нашим советским моральным нормам. Это толкает людей к активным поискам способов охраны водных ресурсов.

Сумели же на Сумгаитском заводе синтетического каучука за последние два года без всяких капитальных затрат сократить химическое загрязнение сточных вод в 20 раз! Там пошли путем поиска технических решений, которые позволяли бы предотвращать сбросы в зародыше, путем повседневной борьбы с мелкими нарушениями проекта, инструкций, технологических регламентов.

Инициативу сумгаитцев одобрил Комитет народного контроля СССР, специально занимавшийся положением на заводе. Сейчас такие же меры принимаются на других предприятиях Сумгаита и Баку. И очень важно, чтобы этот опыт распространялся как можно шире.

Резко сократить сброс загрязненных стоков помогает предприятиям введение водооборота. Это значит, что сточные воды после очистки не направляются в реку, а используются на том же заводе снова и снова, циркулируя по замкнутому циклу. В идеале водооборот позволяет забирать из реки лишь ровно столько

чистой воды, сколько нужно, чтобы восполнить безвозвратные ее потери, например на испарение.

Оборотные системы водоснабжения должны стать обязательной составной частью всех предприятий будущего. Но и на существующих заводах водооборот — не утопия. Несколько лет назад в газете «Известия» было опубликовано открытое письмо коллектива Нозогорьковского нефтеперерабатывающего завода, который добился того, что его стоки безвредны для живых организмов и не загрязняют Волгу. В числе других мероприятий на заводе была разработана технология использования оборотной воды. В результате общее количество стоков уменьшилось сразу на 40 процентов...

Пока что из всей воды, потребляемой нашей промышленностью, на долю оборотной приходится две трети. Много? Нет, еще мало: ведь остающаяся треть — это уже сейчас 86 миллионов кубометров в сутки, 31 000 миллионов кубометров в год, то есть почти полуторамесячный сток всей Волги.

Над проблемой очистки стоков работают сотни институтов и лабораторий во всех развитых странах мира. Разными путями пробиваются они к решению одной важнейшей проблемы — проблемы спасения водных ресурсов нашей планеты от количественного и качественного истощения.

Речь ведь идет о будущем человечества, о наших дтях и внуках. Не помянут ли они недобрым словом нас, своих отцов и дедов, оставивших им в наследство сточные канавы вместо рек и мертвые отстойники вместо озер? Хватит ли воды их заводам и фабрикам, водопроводам и полям? Будет ли им где выкупаться? Ответ на эти вопросы предстоит дать нам сегодня.

А. ИОРДАНСКИЙ

природа

природа

Русскую науку в ее вершинных
высших проявлениях
всегда отличало стремление
и (умение) говорить
с самым широким читателем.
Достаточно припомнить имена
Тимирязева, Ферсмана, Обручева —
не одному поколению
молодых людей открыли их
книги поэзию научного поиска,
окрыляющую радость познания.
В том же ряду стоят и работы
замечательного русского натуралиста

Дмитрия Никифоровича
Кайгородова (1846—1924).

К его трудам по фенологии,
лесному делу, орнитологии
до сих пор

обращаются специалисты;
а «просто читателю»,
стремящемуся открыть для себя
мир русской природы,
не найти, пожалуй,
лучшего путеводителя,
чем книги Кайгородова
«Беседы о русском лесе»,
«Из зеленого царства»,
«О наших перелетных птицах»,
«Из родной природы».

Несколько очерков из этой
последней книги мы и предлагаем
сегодня нашим читателям.

Кайгородов назвал ее
«хрестоматией для чтения
в школе и семье».

А по справедливости,
заслуживала бы она иного,
более высокого названия —
«учебник любви к родной природе».

О том же, что чувству этому
надо учить, кратко и прекрасно
сказал сам Д. Н. Кайгородов:

«...Есть люди,
которые рождаются

с душою, открытой к природе —
с сильным чувством природы;
точно так же, как рождаются люди
с душой музыкальной,
художественной, поэтической...»

Эти счастливые дары неба —
удел немногих.

Но в зародыше эти чувства
присущи всякой душе человеческой,
и дело воспитания —
не дать им заглохнуть.

Это — дело семьи и школы».

ИЗ СТАРЫХ ХРЕСТОМАТИЙ

Дм. КАЙГОРДОВ

как вороны сад спасли

Много лет тому назад мне пришлось провести весну в одном из подгородных имений Варшавы. При помещицьем доме этого имения находился прекрасный довольно старый сад, вроде небольшого парка. Возвращаясь домой, усталый, после военной службы, я любил отдыхать по вечерам на скамейках этого сада под живописными, раскидистыми ясенями и кленами. С наслаждением вдыхал я в себя аромат цветущей белой акации и любовался игрой вечерних солнечных лучей по вершинам красивых деревьев, покрывавшихся почти на моих глазах свежей, сочной зеленью.

В один из прекрасных майских вечеров, когда я, по обыкновению, прийдя в сад, уселся на одну из любимых мной скамеек, внимание мое было приятно привлечено большим количеством майских жуков (хрущей), внезапно объявившихся в саду и в изобилии летавших по разным направлениям. Говорю «приятно», потому что в последние годы, живя в Петербурге, мне не приходилось видеть майских жуков и я про них почти забыл; а между тем в детстве любимым нашим с братьями занятием в весеннее время была ловля этих жуков. Мы их стряхивали со

сливовых и кленовых деревьев отцовского сада, строили для них картонные домики, с дверями и окошками, устраивали разные миниатюрные гимнастики и затем подолгу любовались, как жуки эти лазали по нашим постройкам и неуклюже выделяли разные гимнастические штуки. О том же, какое злобное существо представлял собой этот майский жук, я до того времени, с которого начинается этот рассказ, не имел еще никакого понятия.

Итак, в этот вечер мне было очень приятно встретиться с этими «друзьями детства», и я даже не замедлил поймать несколько жуков и позабыться с ними, вспоминая на далекой чужбине отцовский сад и детские годы.

Однако приятность возобновления знакомства с майскими жуками только и ограничилась одним этим вечером. Далее началось нечто совсем уже неприятное и дотоле мне вовсе неизвестное...

Придя на другой день вечером в сад и подойдя к моей скамейке, я нашел ее всю засыпанную чем-то темным и липким... Недоумение мое продолжалось недолго, так как я тотчас же почувствовал и увидел, что на мою фуражку и на мой белый офицерский китель сыплетсся сверху что-то совсем не хорошее; стоявший же в воздухе гул от множества летавших по всем направлениям и кружившихся около деревьев и кустарников майских жуков объяснил мне, в чем дело: сад, очевидно, подвергся нападению несметного количества майских жуков, поедавших молодые листья деревьев и сыпавших сверху целый дождь своего помета.

Такое хозяйничанье майских жуков в этом прекрасном саду продолжалось целых три дня. Бедный сад — на что он стал похож!.. От свежей, так роскошно было развернувшейся зелени кленов и ясеней остались только жалкие, загрязненные остатки; и не только все скамейки сада, но даже трава и дорожки были покрыты пометом жуков, так что в сад было даже противно войти...

На четвертый день я был разбужен рано утром необычайным шумом в саду. (Окно моей комнаты выходило в сад и на ночь остава-

природа

природа

лось открытым.) Соскочив с постели и подойдя к окну, я увидел следующее зрелище: все деревья сада были буквально усыпаны вороньем — грачами, галками и воронами; на земле, под деревьями, их также копошилось немалое количество, да немалое количество кружилось над деревьями и вокруг них, не находя себе места на ветках. Шум, гам и карканье стояли невообразимые!

Так продолжалось почти в течение всего дня.

На другой день повторилось то же самое, но только воронья набралось еще более. Очевидно, что весть о лакомой и обильной поживе разнеслась между птицами далеко по окрестности.

На третий день, с утра, в нашем саду все было уже тихо... Вечером лишь изредка можно было видеть

одиночно пролетавшего майского жука.

В следующую ночь разразилась жестокая гроза, с проливным дождем, омывшим деревья с остатками уцелевшей листвы, а равно траву, скамейки и дорожки.

Недели через две я снова любовался с моей любимой скамейки вновь распустившейся свежей листвою деревьев сада, благополучно перенесшего благодаря воронам жестокое неприятельское нашествие. На всякое кое-когда пролетавшего мимо меня майского жука я смотрел теперь уже как на врага, а каждое доносившееся до моего слуха карканье вороны напоминало мне о присутствии невдалеке доброго друга...

высоты доносится серебристая, в душу западающая трель жаворонка...

Хорошо, чудо как хорошо!..

Вдруг мимо промгнул мышонок... Вскочишь как угорелый, а потом и совестно станет: какого, подумаешь, зверя испугался!

Однако мышонок явился очень кстати: из сырой ложины потянуло холодком. Солнышко собирается на покой. Незаметно пролетело время. Наберешь поскорее побольше васильков да и пустишься бегом домой, усыпая оброненными цветами милую тропинку во ржи...

С тех пор прошло много лет...

Передо мной стоит букет полевых васильков. Он вызвал в моей душе дорогие воспоминания... Я с наслаждением вдыхаю свежий, слегка миндальный запах лазоревых цветов и не могу на них налюбоваться.

Теперь они привлекают меня еще более, чем в детстве. Ребенком я любовался красивым, ласкающим глаза цветком, теперь же, любуясь по-прежнему общим видом василька, я, кроме того, восхищаюсь и всеми его прелестными подробностями. Прежде, держа василек в руках, я видел в нем, конечно, один только цветок, теперь же я вижу в одном цветке василька целый букет прелестных цветочков, собранных в изящном порт-букете...

Но, прежде чем читать дальше, прошу вас, читатель, раздобыть себе несколько васильков (их можно найти цветущими с конца мая почти до конца августа — даже после того, как рожь уже убрана, — по межам и капавкам); захватите также лупу или увеличительное стекло и давайте любоваться вместе.

Посмотрите, что за прелесть эти небесно-голубые зубчатые вороночки, составляющие главную, бросающуюся в глаза красоту василька! Как красиво вырезаны их зубчики, как изящны их мелкие складочки и как мило смотрят эти вороночки во все стороны, образуя из себя маленький восхитительный веночек! Каждая такая зубчатая вороночка есть отдельный цветочек, в чем вы легко убедитесь, осторожно расщипав один василек. На узком нижнем конце такого воронкообразного цветочка вы найдете не вполне развитую за-

василёк

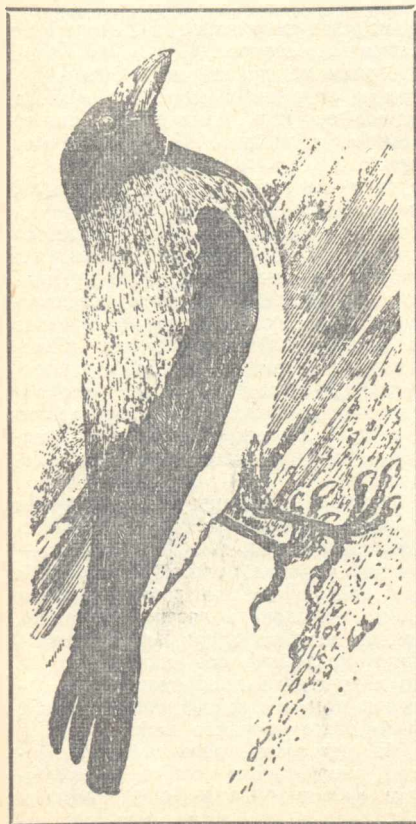
*На ниве рожь колыхается
Июльским ветерком,
И тихий шепот слышится
Колосьев с васильком...*

Тропинка узкая во ржи — не правда ли, ведь это прелесть! Я в детстве страстно любил такие тропинки: идешь, бывало, а рожь выше твоей головы, с обеих сторон тебе кланяется, и лазоревые васильки ласково улыбаются, к себе манят... Сорвешь один, другой, третий — около тропинки, четвертый, пятый, шестой заманили уже в самую рожь, которая так и подмывает прилечь. Ляжешь — и встать не хочется...

В тени колосьев прохладно, шелест их навевает грезы, глаза ласкает небесная лазурь...

Вдруг крикнет чуть не под ухом перепел, так что даже вздрогнешь. Затем начинаешь пристально всматриваться в ту сторону, откуда доносится звук, стараясь отыскать глазами пестрого крикуна. Но, конечно, напрасно: быстроногая чуткая птица успела заметить непрошеного гостя и выкрикивает свое «пить-подать» уже за несколько десятков шагов...

Опять все тихо... только шелестят наливающиеся колосья да с лазурной

природа

природа

вязь (без семенного яичка), окруженную довольно длинными серебристо-шелковыми волосками — так называемым хохолком. У этих краевых воронкообразных цветочков василька нет органов размножения; вы не найдете в них ни пестика, ни тычинок, почему они и не способны приносить семена. Это цветы бесплодные, пустоцветы, служащие лишь для украшения, для приманки насекомых.

Теперь направьте увеличительное стекло на середину василька, и, я уверен, вы долго будете любоваться...

Не правда ли, как хорошо?! Как ни красивы краевые зубчатые коронки, но эти срединные цветочки еще красивее.

Отделите осторожно булавкой или иголкой один такой срединный цветочек, наколите его на острие булавки и, поворачивая во все стороны, рассмотрите хорошенько. Вы здесь увидите довольно длинную серебристую трубочку, на нижнем конце которой находится желтоватая завязь, увенчанная хохолком из серебристо-шелковистых волосков. Верхний конец трубочки переходит в красивое граненое вздутие бледно-фиолетового цвета, разделяющееся по верхнему краю на 6 узеньких и довольно длинных лепестков, при основании — фиолетовых, а на концах — ярко-голубых, с постепенным переходом от фиолетового цвета к голубому. Эта трубочка со вздутием и лепестками составляет венчик срединного цветочка. Внутри этого трубочкообразного венчика находится нежный фиолетовый пестик. Верхняя его часть, крючком выдвигающаяся из середины венчика, плотно охвачена темно-фиолетовой трубочкой сросшихся между собой пяти тычинок. На конце пестика, у вполне распустившегося цветочка, ясно видно двураздельное рыльце.

Таких срединных плодородных цветочков почти вдвое больше, чем бесплодных краевых, хотя они в совокупности занимают гораздо меньше места в сложном цветке василька, чем голубые вороночки.

Все эти отдельные цветочки, бесплодные и плодородные, составляющие в своей совокупности один так называемый цветок василька, собраны в одном общем порт-букетике,

или, как говорят ботаники, образуют соцветие, заключенное в одной общей обертке.

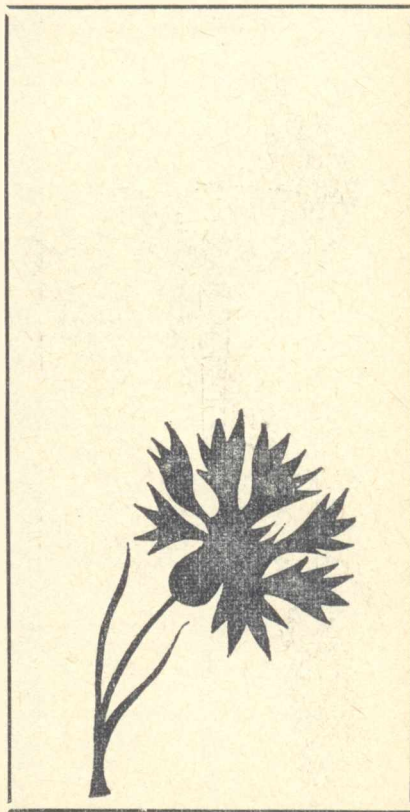
Рассмотрите также в увеличительное стекло и этот порт-букетик. Он тоже красив. Лучше всего, если вы возьмете для этого только что начинающий распускаться бутон василька, из вершинки которого едва показалась голубенькая точка. Такой бутончик, с зелеными чешуйчатыми листочками обертки, отороченными серебристо-бурой бахромой и к вершинке бутона принимающими фиолетовую окраску, чрезвычайно изящен и напоминает своим видом крошечный ананасик или артишок.

В народной медицине васильковая вода употребляется для примочки от слабости глаз. Отвар из васильков пьют также от сердцебиения. Но самое обширное употребление васильков — это, конечно, на венки! Свежий венок из васильков на красивой белокурой детской головке — может ли быть что-нибудь восхитительнее! Жаль только, что он так скоро увядает!..

Голубые васильки, голубые глазки ребенка, голубое небо — ими можно любоваться вечно...

У нашего василька имеется очень обширная родня, в числе которой есть немало очень известных и даже знаменитых растений: известный подсолнечник, родом из жарких стран Америки; ромашка — известное лекарственное растение; известный ранневесенний желтый цветок — мать-и-мачеха; еще более известный желтый одуванчик, с отцветших головок которого так весело сдувать пушистые семена; салат, листья которого употребляют в пищу; цикорий с голубыми цветами, жженные корни которого подмешивают в кофе; артишок, цветочные бутоны которого употребляются в пищу; колючий чертополох, георгины, астры, маргаритки, ноготки, бархатцы, скабиозы и многие другие цветы наших полей, садов и цветников — все они имеют, как и василек, цветы сложные, состоящие из многих мелких цветочков, собранных в одной общей обертке; все они являются членами обширной и важной для человека семьи сложноцветных растений.

Мы надеемся, что эта небольшая, из двух очерков подборка, вызовет у вас, дорогой читатель, желание подробнее познакомиться с книгами Кайгородова. Правда, сделать это не так-то просто: большинство его работ не переиздавалось с 20-х годов. Но в последнее время эта беда отчасти поправлена: в 1967 году издательство «Лесная промышленность» выпустило книгу Д. Н. Кайгородова «Родная природа (очерки натуралиста)». Это своего рода «избранное»; сюда вошли очерки из книг «Черная семья», «Из родной природы», «Из царства пернатых». Есть в этом издании и подробный, содержательный биографический очерк о Д. Н. Кайгородове, написанный кандидатом географических наук В. Залетаевым. Эту книгу мы и рекомендуем вашему вниманию.

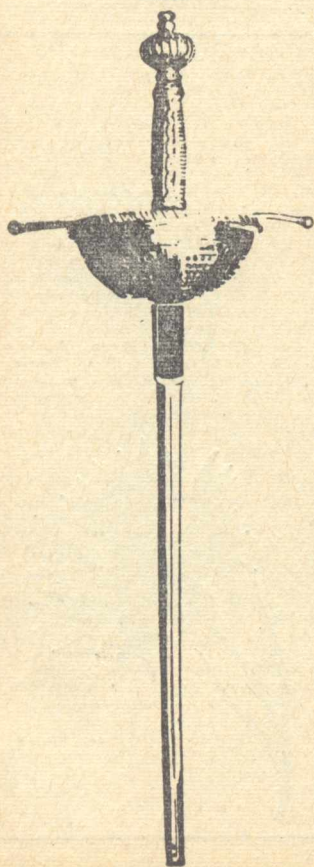
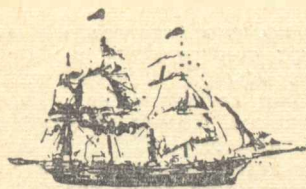
природа

природа

Дж. ДАРРЕЛЛ

МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ

«В отличие от нас животные не властны над своим будущим. Они не могут добиваться автономии, у них нет членов парламента, которых они могли бы засыпать жалобами, они не могут даже заставить свои профсоюзы объявить забастовку и потребовать лучших условий. Их будущее, само их существование — в наших руках». В том, что такая тревога уже не кажется большинству людей «причитаниями старой девы над любимым мопсиком», что люди, занятые самыми разными делами, начинают осознавать, как важно охранять диких животных и их среду обитания, есть и большая заслуга автора этих взволнованных слов — английского писателя Джеральда Даррелла.

Зоолог по образованию, по призванию, он пишет о животных вот уже более двадцати с лишним лет. Его книги принесли ему популярность во всем мире — они достоверны, занимательны и пронизаны доброжелательным и тонким юмором.

В отрывке из книги «Моя семья и другие звери», который мы предлагаем читателю, писатель с мягкой иронией вспоминает о своем детстве, когда все считали, что его любовь к зверю — всего лишь «период». Сколько настойчивости у маленького естествоиспытателя, сколько терпения и наблюдательности, как очаровательны в его описании даже такие неприметные существа, как черепахи! И в то же время как уважительны и терпимы взрослые к его увлечению, причиняющему им немало хлопот.

Моя черепашна оказалась очень умным и милым созданием с необычайным чувством юмора. Имя ей дали Ахиллес. Сперва мы привязывали ее за ногу в саду, но потом, когда черепаха стала совсем ручной, она могла идти куда ей заблагорассудится. Очень скоро Ахиллес научился узнавать свое имя. Стоило только раза два-три окликнуть его, немного подождать — и он обязательно появлялся откуда-нибудь, новылая на цыпочках по узкой мощеной дорожке и с волнением вытягивал шею. Ему очень нравилось, чтоб его кормили из рук, он усаживался тогда, словно принц, на солнышке, а мы по очереди протягивали ему листья салата, одуванчика или кисточку винограда.

Но еще больше, чем виноград, Ахиллес любил землянику и становился просто неменяемым при одном только ее виде. Он начинал метаться из стороны в сторону, умоляюще смотрел на вас своими маленькими, как пуговки, глазами и поворачивал вслед за вами голову, проверяя, собираетесь ли вы давать ему ягоды или нет. Мелкую землянику, размером с горошину, Ахиллес мог проглотить сразу, но, если вы предлагали ему ягоду величиной, скажем, с лесной орех, поведение его становилось необычным для черепахи. Схватив ягоду и крепко зажав ее во рту, он торопливо новылаивал в какое-нибудь укромное, надежное местечко среди цветочных клумб, опускал там ягоду на землю, не спеша съедал ее, а потом возвращался за другой.

Вместе с неодолимой страстью к землянике у Ахиллеса появилась страсть и человеческому обществу. Стоило только войти в сад, чтобы позагорать, почтить или с каким-нибудь другим намерением, как среди турецкой гвоздики раздавался шорох и потом оттуда высовывалась морщинистая серьезная мордочка Ахиллеса. Если вы сидели на стуле, Ахиллес просто подползал как можно ближе к вашим ногам и погружался в крепкий, мирный сон — голова его вываливалась из панциря, нос утыкался в землю. Но если вы ложились на коврик загорать, Ахиллес нисколько не сомневался, что растянется вы на земле просто ради его удовольствия. Он устремлялся к вам по дорожке, забирался на коврик и, сияя от счастья, останавливался на минутку, чтобы прининуть, какую часть вашего тела надо выбрать для восхождения. И тут вы вдруг чувствовали, как вам в ногу вливаются острые коготки черепахи — это она приступила к решительному штурму вашего живота. Вам, конечно, не по нраву такой отдых, вы стягиваете черепаху и перетаскиваете подстилку в другую часть сада. Но это всего лишь временная передышка. Ахиллес будет упорно кружиться по саду до тех пор, пока не отыщет вас снова.

В конце концов это всем так надоело и на меня стало сыпаться столько жалоб и угроз, что мне пришлось сажать черепаху под замок всякий раз, как в сад что-нибудь выходил. Но вот в один прекрасный день кто-то бро-

природа

природа

сил садовую калитку открытой и Ахиллеса в саду не оказалось. Не медля ни секунды, все бросились на его поиски, хотя до этого целыми днями повсюду только и слышались угрозы прикончить черепаху. Теперь же все рыскали по оливковым рощам и кричали:

— Ахиллес... земляника, Ахиллес... Ахиллес... земляника...

Наконец мы нашли его. Разгуливая со своей обычной отрешенностью, Ахиллес свалился в старый колодец, давно разрушенный и заросший папоротником. К нашему великому огорчению, он был мертв. Ни попытки Лесли сделать искусственное дыхание, ни предложение Марго записать ему в горло землянику (чтобы дать черепахе, как она выразилась, жизненный стимул) не могли вернуть Ахиллеса к жизни. Печально и торжественно мы погребли его тело под кустиком земляники (мамина идея).

Это печальное событие навело маму на мысль, что я слишком много воюсь со зверьем и надо бы мне заняться чем-то более серьезным. Она решила, что пора позаботиться о моем образовании. Был устроен семейный совет. Каждый знал, какое занятие было бы для меня самым подходящим, и каждый отстаивал свою точку зрения.

— Времени у него хоть отбавляй, — говорил Лесли. — В конце концов он сам может читать книжки. Разве не так? Я могу обучить его стрельбе, а если мы купим лодку, научу, как управлять с ней.

— Но, милый, будет ли для него от этого какой-нибудь прок в будущем? — спрашивала мама и рассеянно добавляла: — Разве что он пойдет в торговый флот или еще куда-нибудь.

— Я думаю, ему непременно надо научиться танцевать, — говорила Марго, — иначе он вырастет таким вот неотесанным увальнем.

— Конечно, милая, но ведь это совсем не к спеху. Сначала ему надо освоить такие предметы, как математика, французский... да и с орфографией у него очень неважно.

— Литература, — убежденно произнес Ларри. — Вот что ему необходимо. Хорошие, твердые знания по литературе. Остальное приложится само собой. Я всегда стараюсь давать ему хорошие книги.

— Что ему надо, так это побольше упражнений на открытом воздухе. Если он научится стрелять и ставить парус... — начал Лесли.

— У него, кажется, только одна склонность, — едно вставил Ларри, — а именно стремление забыть все в доме зверьем. Эта его склонность, я думаю, в развитии не нуждается. Нам и так отовсюду грозит опасность. Не далее как сегодня утром я пошел за чашечкой сигареты и из коробки выскочил здоровенный шмель.

— А у меня кузнечик, — проворчал Лесли.

— Да, этому надо положить конец, — заявила Марго. Не где-нибудь, а у себя на туалетном столике я на-

шла отвратительную банну с какими-то червяками.

— Бедный мальчик, ведь у него не было дурных намерений, — миролюбиво проговорила мама. — Он так увлекается всем этим.

— Я бы еще мог вынести нападение шмелей, — рассуждал Ларри, — если бы это к чему-нибудь привело. А то ведь сейчас у него просто такой период... к четырнадцати годам он закончится.

— Этот период начался у него с двух лет, и что-то не заметно, чтобы он кончился.

— Ну что ж, — сказал Ларри. — Если тебе угодно набивать его всякими ненужными сведениями, думаю, что Джордж возьмется его обучать.

— Вот замечательно! — обрадовалась мама. — Пожалуйста, сходи к нему. Чем раньше он начнет, тем лучше.

Заниматься со мной Джордж взялся серьезно. Сосредоточенно и терпеливо он обучал меня начаткам географии по картам на обороте обложки старого тома энциклопедии, английскому языку — по самым разнообразным книгам, от Уайльда до Гиббона, французскому — по толстой яркой книжке с названием «Малый Лярус» и арифметике — по памяткам. Однако, с моей точки зрения, важнее всего было уделять какое-то время естествознанию, и Джордж стал добросовестно учить меня, как вести наблюдения и как записывать их в дневник. И вот тогда мое восторженное, но бесплодное увлечение природой вошло в определенное русло. Я увидел, что записи дают мне возможность узнать и запомнить всего гораздо больше...

— Посмотрим, посмотрим, — бормотал Джордж, водя длинным указательным пальцем по нашему тщательно составленному расписанию. — Тен, так, арифметика. Если я правильно запомнил, мы трудились над грандиозной задачей, пытались определить, в какой срок могут шесть рабочих построить стену, если трое из них справились с этим за неделю. Кажется, мы потратили на эту задачу почти столько же времени, сколько рабочие на стену. Ну ладно, препояшем чресла и попробуем еще раз. Может, тебе не нравятся содержание задачи? Посмотрим, нельзя ли его сделать поинтереснее.

Он склонился над заданием, в задумчивости пощипывал бородку, потом, переделав задачу на новый лад, выписывал ее своим крупным, ясным почерком.

— Две гусеницы съедают за неделю восемь листьев. Сколько времени потребуется четверем гусеницам, чтобы съесть такое же количество листьев? Ну вот, попробуй решить теперь.

В математике мы так и не добились больших успехов.

Гораздо лучше обстояло дело с географией, потому что Джордж сумел придать этому предмету зоологическую окраску. Мы вычерчивали с ним огромные карты, изборожденные горами, и потом наносили в определенных местах условные знаки вместе с изображением самых интересных животных, которые там водились. Таким

образом у меня выходило, что основная продукция Цейлона — тапиры и чай, Индии — тигры и рис, Австралии — кенгуру и овцы, а в океанах голубые плавные линии морских течений несли с собой не только ураганы, пассаты, хорошую и плохую погоду, но также китов, альбатросов, пингвинов и моржей. Карты наши были настоящими произведениями искусства. Главные вулканы на них извергали целые потоки огненных струй и искр, заставляя вас опасаться, как бы от этого не вспыхнули бумажные континенты, а самые высокие горные цепи мира сияли такой синевой и белизной ото льда и снега, что, глядя на них, вы невольно поеживались от холода.

Это были карты, живущие своей жизнью, их можно было изучать, обдумывать, кое-что добавлять к ним. Короче говоря, эти карты действительно что-то обозначали.

Уроки по истории сначала проходили у нас без заметных успехов, пока Джордж не сообразил, что, если к унылым фактам прибавить чуточку зоологии и привлечь какие-нибудь совсем посторонние подробности, можно вполне завладеть моим вниманием. Таким образом мне стали известны некоторые исторические данные, которые, насколько я знаю, нигде раньше не были зафиксированы. От урока к уроку я следил за затаенным дыханием, как Ганнибал переходит через Альпы. Меня мало беспокоили причины, толкнувшие его на такой подвиг, и я совсем не интересовался, что он думал делать на той стороне. Зато в этой экспедиции, очень плохо, на мой взгляд, организованной, меня привлекала возможность узнать имена всех до одного слонов. Мне также стало известно, что Ганнибал специально назначил человека не только кормить и оберегать слонов, но и давать им в холодную погоду бутылки с горячей водой. Этот интересный факт, очевидно, остался неизвестен большинству серьезных историков. Еще одна подробность, о которой не упоминают книги по истории, касалась Колумба. Когда он спустился на землю Америки, первые его слова были: «Боже мой, глядите... ягуар!» После такого введения как можно было не заинтересоваться историей этого континента? Таким вот образом Джордж, имея на руках нерадивого ученика и совсем неподходящие книги, старался оживить свое преподавание и сделать уроки интересными.

И все-таки мне трудно было сосредоточиться, когда сквозя щели в ставнях в комнату лился солнечный свет и протягивался полосками на столе и полу, напоминая мне о множестве всяческих дел, которыми я мог бы теперь заняться.

Учитывая все это, Джордж благоразумно учредил особые уроки на открытом воздухе.

Мы собирали новые ракушки для моей коллекции или пускались в долгие дискуссии по поводу найденных нами животных. Иногда Джордж вдруг спохватывался, что все эти занятия, как бы увлекательны они ни были,

природа

природа

все же нельзя назвать образованием в строгом смысле слова. Тогда мы переходили ближе к берегу и устраивались на мелком месте. Пока продолжался урок, вокруг нас собирались стайки мелких рыбок и легонько пощипывали наши ноги.

— Итак, французская и английская флотилии сходились для решительного сражения. Когда показался враг, Нельсон стоял на мостике и смотрел в подзорную трубу... О приближении французов он уже был предупрежден дружественной чайкой... что?.. о, я думаю, что это была большая морская чайка... так вот, корабли разворачивались друг перед другом... разумеется, в те дни они не могли двигаться с большой скоростью, они ведь были парусные... ни одного мотора, даже подводного. Английские моряки немного нервничали, потому что французы казались очень сильными. Но когда они заметили, что Нельсон даже не обращает на них внимания, а спокойно сидит на мостике и возится со своей коллекцией птичьих яиц, они решили, что бояться им просто нечего...

...и они поспешили унести Нельсона с палубы, чтобы никто из команды ничего не заметил... Он был смертельно ранен и лежал теперь тут, внизу, а над ним все еще кипела битва. «Поцелуй меня, Харди», — произнес Нельсон свои последние слова и умер. Что? Ах да. Он уже предупредил Харди, что тот может взять себе коллекцию птичьих яиц, если что-нибудь случится... так вот, хотя Англия потеряла своего лучшего моряка, битва была выиграна, и это имело важные последствия для Европы...

Мимо залива проплывала облезлая лодка, на корме ее стоял загорелый рыбак в рваных штанах и взмывал веслом. Подняв руку, рыбак посылал нам приветствие, а весло его, словно рыбий хвост, рассекало спокойное синее море, жалобно поскрипывало в воздухе и с легким чмоканьем погружалось в воду.

Перевод Л. ДЕРЕВЯНКИНОЙ

советуем прочесть

Книги Дж. Даррелла, выпущенные в последние годы в наших издательствах:

Перегруженный ковчег. М., Географгиз, 1958; М., «Мысль», 1964.

Под пологом пьяного леса. М., Географгиз, 1963; М., «Мысль», 1964.

Земля шорохов. М., «Мысль», 1964.

Зоопарк в моем багаже. М., «Мысль», 1964.

Путь кенгурунка. М., «Мысль», 1968.

Три билета до Эдвенчер. М., «Мысль», 1969.

такая ребятня

Как-то на мое имя пришло письмо из Карелии. «Пишет вам, — сообщалось на тетрадном листке в клетку, — друг и товарищ Сережки Пронина семиклассник Николай Щеглов. Вчера Сергей ушел в лес насовсем жить. Вот он просил написать, чтобы вы свои письма слали мне, я ему буду передавать с едой. А он сам напишет, почему ушел...».

Зимой? В лес? В голове не укладывалось. Мне представились еловые лапы, отяжелевшие от снега, и глубокая лыжня, вспоровшая наст...

Потом уже из письма учительницы поселковой школы я узнал, что ушел он со своей собакой по имени Жук, что после его ухода, как нарочно, три дня и три ночи буран подымал в воздух массы снега, рвал провода, валил с ног людей. Думали, пропадет Сергей в этой коловерти.

Сергея Пронина я знал по прошлой моей поездке в Карелию. Мальчишка он невысокий, коренастый. Голова рыжая, глаза голубые, пронзительные, губы словно сами по себе так и распускались в улыбку. Ходит он резво — еле я за ним поспевал. По сторонам смотрит цепко, с прищуром. На боку полевая сумка. В сумке тетрадь в колленкоровом переплете. Я ее потом листал. На первой странице — карта леса, небольшой квадрат в 50 гектаров. На второй — фамилии мальчишек. На остальных — пометки, записи, выписки... Когда и что сделано. Какую дичь видели. Какая была погода.

50 гектаров — это школьное лесничество, а Сергей в нем лесничий.

Мы шли через сосняки и ельники, через березняк и осинник, спускались в болотистые низинки, подымались на каменистые увалы, откуда видны были разбросанные окрест голубые оконца озер. Сергей светился весь, радуясь: вот, мол, какой он, наш карельский край.

Потом Сергей слал мне в Москву письма, похожие на дневниковые записи.

«Вчера видел в полынье уток, не улетели еще. Ходили с мальчишками в лес, искали прогнившие осины для

дуплянок. Заодно рубку ухода сделали и лесам корм заготовили. А шли обратно, глядим — сломаны возле дороги несколько сосенок из тех, что мы два года назад подсаживали. И следы вездехода... Не могли аккуратно проехать! Жалко только, не знали, куда жаловаться. Вот ведь, большие дяди выросли, а ума не вынесли!»

В другом письме Сергей просил: «Если увидите где книжки про лес, про птиц и зверей, пришлите, пожалуйста. А то в поселковой библиотеке я уже все такое прочел».

...Вскоре от Сергея пришло еще одно письмо — краткое, угрюмо-лаконичное: «Не поладил с отцом. Ушел в лес. После бурана домой вернулся сам. Рассказывать неохота. Может, потом, если свидимся...»

Мы свиделись летом.

...Отец его, Иван Сергеевич, хмур, озабочен. Мы сидим, беседуем не торопясь, и он рассказывает, сколько за свою жизнь перепробовал специальностей.

— Плотничал, раз, — загибает он короткий, с обломанным ногтем палец. — Стрелочником на станции, два. На лесосплаве, три. На деревообделочном пильщиком — четыре...

Он сбился, начал считать заново, наконец махнул рукой.

— Больше десятка наберется. А сейчас вот здоровье не то. В охране комбината состою. А по дому, как водится, куда ни ткнишь, работа. Все приходится делать. Да вот мальцов своих приучать...

Он кивнул на сидящего рядом насупленного Сергея и двух его сестренку, поглядывающих из соседней комнаты в раскрытую дверь.

— Беда с этими огольцами, — пожаловался Иван Сергеевич. — Такие языкатые — ты им слово, они десять. К примеру, Сергей. В каждую дырку нос сует. И нет, чтобы молчком. Он тебе свое мнение выскажет. А кому оно нужно-то? Ты подумал — кому?

Иван Сергеевич, словно продолжая давнишний спор, повернулся к сыну, упревшись в него прямым, твердым взглядом, как в стенку. Мать Сергея, Анна Васильевна, гремя чем-то в соседней комнате, проговорила оттуда протяжно:

— Он завсегда такой. Ему больше других нужно.

природа

природа

— С этим лесничеством, — продолжал отец, — всем нервы попортил. Ну, заготовил корма лосям — и сиди. Дак нет, надо бегать туда, опять обувь драть. А там браконьеры, как назло, стрельнули лосиху. Так он же весь поселок взбаламутил. Ну, сказал бы инспекции, разобрались. При чем здесь весь поселок-то, а? Я ж ему уже сколько раз говорил: к старшим-то хоть уважение поимей. А он — что? Он в лесу директора школы с ружьем увидел, ну, там, конечно, где охотиться можно. И давай рябчиком свистеть, подманивать, значит. Директор — он человек приезжий, в общем, неважный охотник — курки взвел и пошел. А этот из кустов высунулся — здрасте вам. Форменное издевательство...

Сережка вдруг заговорил:

— А он сойку с дятлом путает, а объяснишь — сердится. А чего сердиться? Я ж не злюсь, когда он алгебру объясняет...

— Во-во, видели? — Иван Сергеевич изумленно хлопнул себя по коленке. — Умник какой!

...В один из дней мы отправились с Сергеем на рыбалку. На вслах пересекли взбаламученное ветром озеро, нашли тихую заводь.

Ветер негромко шумел в соснах. Ровным металлическим блеском светилась вода у берега. Далеко за озером все никак не могла догореть полоска заката — это колдовала белая ночь. Неподалеку, над маленьким каменистым островом, время от времени взлетала, озабоченно вскрикивая, чайка.

— Это на Утином острове, — заметил Сергей. — Чайчата у нее вывелись, беспокоится.

У костра он рассказал, как тогда, зимой, крупно поговорил с отцом. Как отец попрекнул его: мол, спорить да сапоги рвать горазд, а в дом еще ни копейки не принес... Как ушел со своим Жуком в лес, пережидая бурю в охотничьей избушке и пел песни, чтоб не страшно было.

О чем думал? О том, что хорошо бы устроить в лесу поселок из таких домиков. Для мальчишек. Для тех, кого родители доводят своими попреками...

Как бы они жили? Еду добывали бы охотой. Читали бы интересные книжки. А в школу на лыжах...

Скучать по родителям? Может быть... Но они разрешили бы родителям навещать их по воскресеньям. Пускай. Жалко, что ли? Лишь бы те вели себя хорошо... Уважительно...

Когда буря кончилась, Сергей все-таки вернулся домой. Знал, все равно искать будут. Да и мать наплачется. Дома сказал отцу:

— Можешь завести ведомость. В одну графу — обувь и одежду. В другую — еду. Летом уйду в лесхоз, отработаю...

Отец виновато прятал глаза, суетился, хрипло покрывал.

В лесхозе Сергей работал с Колькой Щегловым. Уходили ранним утром. Возвращаясь, шел единственной улицей, не торопясь, слегка вразвалку. Скрипел половицами старого крыльца. Долго умывался, гремя умывальником. Потом садился за стол, молча ужинал. На вопросы матери отвечал не сразу, но обстоятельно и серьезно. Изредка его спрашивал о чем-нибудь и отец. И, слушая ответ сына, сосредоточенно шевелил бровями и задумчиво кивал. А однажды тихо спросил, глядя куда-то мимо.

— Ну как, еще не наработался? А то, может, отдохнуть бы не мешало...

Сергей отрицательно мотнул головой.

Работа была разная. На тех участках, где слишком густо рос молодняк, они с Колькой срезали бензопилой «Дружба» лишние деревья. В лесопитомнике ухаживали за маленькими, похожими на зеленых ежей сосенками, пересаживали их на вырубку. К моменту моего приезда Сергей — по тщательным своим расчетам — заработал уже на костюм и сапоги, на подарки сестренкам и даже на фотоаппарат «Смена». А во второй половине лета они с Колькой планировали купить билет в Москву и сфотографировать друг друга на Красной площади.

Мы сидели у догорающего костра.

Сергей задумался. Упрямая складка меж его белесых бровей разгладилась. Он прислушался к тревожно-озабоченным вскрикам чайки на острове и сказал опять:

— Чайчата у нее там вывелись. Беспокоится.

И. ГАМАЮНОВ

буквы приходят в гости

С самого начала пишу, что я сторонница новой программы в школе и считаю, что ребята ее вполне могут и должны усвоить. В этом я убедилась как мать и педагог. Но встревожило меня, что ребята не слишком усидчивы, это отмечают и учителя начальных классов. Считаю, здесь вина родителей. Мы, например, воспитывали у дочки усидчивость с малых лет. Может быть, наш опыт в какой-то мере послужит на пользу другим. Когда бабушка или я читали дочке, а началось это рано, то следили за тем, чтобы ребенок сидел спокойно, ничем посторонним не занимался. Стоило дочке начать вертеться, чтение сейчас же прекращали, и часто на самом интересном месте. Вначале, конечно, старались долго не читать. Сейчас дочка может слушать книжку или рассказ и час, а потом — поток вопросов.

Давно мы начали готовить дочку к школе. Не с четырех и не с шести, а с двух лет. Когда играла со своими куклами и зверюшками, то считали уток, зайчиков. Иногда в гости приходили буквы. Занятия не были регулярными и не были похожи на уроки — это была игра.

А на шестом-седьмом году занимались уже по-настоящему по 18—20 минут. Содержание занятий я предварительно обсудила со знакомыми учителями. Совет был таков: уметь читать хотя бы по слогам, рассказывать по картинкам, решать задачи с цифрами в пределах 20 и обязательно рисовать, что необходимо не только для эстетического развития ребенка, но и для укрепления пальцев рук. Когда дочка пошла в школу, оказался результат наших усилий. Она спокойно и свободно усваивала новую программу, подготовка уроков ее не тяготила, и училась на одни пятерки.

И еще мы не только читали, но и обсуждали вместе с дочкой про-

читанное. Мы, родители, стараемся читать детям хорошие книжки, но не всегда понимаем и знаем, как воспринимают прочитанное нами ребята и как переосмысливают они те же русские народные сказки.

Вот, например, как звучит сказка «Аленький цветочек» в пересказе дочки: «Жил человек. У него было три дочки. Он решил подарить им к Восьмому марта подарок. Одна попросила туфли, другая — платье, третья — аленький цветочек. Отец объехал много сел и городов и купил туфли и платье. В одном из подарков он нашел аленький цветочек» и т. д. На современный лад рассказывала она и другие сказки. В них, например, встречается лодырь, которого перевоспитывает волшебник.

Какова реакция взрослых на подобный рассказ? Порой родители, слушая, смеются, а не объясняют. А как много дети от этого теряют.

Д. ШВАРЦ
г. Славянск
Донецкой области

замедлите шаг

У меня всегда возникает чувство досады при виде такой картины: мчится женщина, чуть ли не бегом, в одной руке — сумка с продуктами, другой — тянет ребенка, едва поспевающего за ней. Женщине кажется, что она теряет время. Она и не подозревает, что те двадцать-тридцать минут, которые подарила ей дорога, можно употребить с пользой. Попробуйте не подчиняться нервному ритму. Поверьте, в нем больше привычки, чем необходимости.

...Я пришла за дочкой в детский сад, заметила, как важничала она перед ребятами. Ага, сказало, значит, вчерашнее «телевидение»: она участвовала в детской телевизионной передаче.

— Ну, как у вас сегодня прошел день? — спрашиваю, когда выходим вместе.

— Знаешь, мама, вчера все дети смотрели меня по телевизору.

— Почему ты думаешь, что

именно тебя? Дети смотрели передачу. Ты тоже смотришь всегда с удовольствием «Малышку». А вторых, ты была там не одна, был Игорь из вашей группы, были ребята из ясельной группы, так что смотрели на всех, а не на тебя одну. Да и на телевидение ты попала случайно, ты старше других ребят, правильно произносишь все звуки, тебя и попросили рассказать стихотворение.

Кажется, развенчивание удалось. Дочка уже бежит к сосульке, пытается достать ее и не может.

— Мама, почему сосульки кажутся низко, а на самом деле высоко?

— Потому что дом высокий, а сосульки висят над первым этажом, если сравнить с высотой дома, то кажется, что до них легко дотянуться.

Навстречу бежит собака. Дочка прикинула, что собака должна пробежать с ее стороны, и перешла на другую. И все-таки ей не хочется в моих глазах казаться трусихой. Она оправдывается:

— Ты думаешь, мама, что я испугалась, а я просто уступила собачке дорогу.

Я делаю вид, что поверила, и говорю:

— Хорошо! В этот раз ты уступила собаке дорогу, в другой раз пусть она тебе уступит.

— А собачки не умеют уступать дорогу.

— А ты проверь: тем, кто их не дразнит и не боится, собаки всегда сами уступают дорогу.

Вот и дом. Всего двадцать минут, но как много значат они для нас.

Т. МАКАРИНА
г. Новосибирск

очень личная тема

Однажды учительница русского языка, она же классная руководительница, пожаловалась: сын ка-

тегорически отказался писать сочинение на тему «Мой отец», потому что у него не родной отец, а отчим. Я вступилась за сына: своего отца он, правда, не знает и никогда не видел.

Здесь же присутствовал директор школы и много учителей. Директор поддержал меня, сказал учительнице, что не стоило давать такую тему для сочинения моему сыну, лишний раз напоминая ему о неродном отце.

Учительница старалась доказать мне и директору, что мы не правы, что иные неродные отцы бывают лучше родных, что отец тот, кто вырастил и воспитал, и что сын мой должен был написать такое сочинение.

Но директор упрекнул учительницу в антипедагогическом подходе к моему сыну. Его поддержали многие учителя. Я осталась довольна, а учительница очень расстроилась.

Но вопрос этот не дает мне покоя. Я много думаю об этом, и чем глубже думаю, тем больше склоняюсь к выводу, что права учительница русского языка, а я не права, не прав директор и те учителя, которые поддержали его и меня. Но я не учитель, а они учителя, кто же прав?

Ю. П.
Владимирская область

ОТ РЕДАКЦИИ.

Конечно, бывает, что отчим заменяет ребенку отца. Когда ребенок поймет и почувствует это, он станет дорожить таким отношением. Но разобраться во всем он должен сам, и никто из взрослых не имеет права требовать обязательной откровенности, да еще в письменном виде.

Отношение мальчика к отчиму, очевидно, вовсе не простое и совсем не такое, каким оно представляется вам и учительнице. В его отказе писать сочинение на тему «Мой отец», нам кажется, виден определенный такт.

А если бы в классе оказались ребята, которые живут только с матерью? Прежде чем давать сочинение на такую тему, учительница должна была все продумать. Хотя бы предложить несколько тем на выбор.

Такие темы, как «Мой отец»,

«Моя мать», особенно личны. Каждый ведь должен описать свой — пусть небогатый еще — жизненный опыт, и нужно считаться с тем, хочет он делать это или не хочет.

Еще не забудьте, что речь идет о восьмиклассниках, о людях такого возраста, когда особенно остро восприятие и особенно развито бережение своего внутреннего мира. Не всякий подросток решится предавать огласке свои мысли об очень сокровенных, а иногда, в силу подростковой впечатлительности, даже болезненных обстоятельствах его отношений с близкими. Так что, все-таки прав директор и поддержавшие его педагоги: такую тонкую, личную тему сочинения нельзя делать обязательной для всех.

отцовское спасибо

Меня очень заинтересовала статья учительницы Л. Ковалевой «Последняя школьная весна» в четвертом номере журнала. Моей дочери 17 лет. В этом году — выпускные экзамены, а она иногда гуляет с ребятами из класса, ходит с ними в кино, в театр. Я думал, что это плохо отразится на экзаменах, не знал, что делать, но статья учительницы меня успокоила.

Большое ей отцовское спасибо.

Л. РЫБАКОВ,
рабочий
Горьковского
автомобильного завода

не плачь, сережа!

Дорогая редакция! Моему сыну Сереже девять лет, он учится во втором классе. Может, есть и моя вина в том, что он сильно любит животных — то ли кошку, то ли собаку, зайца, кролика или любую птицу. Я, с одной стороны, понимаю, что это неплохо, а с другой — боюсь, как бы он не заразился от них. А еще одно — дразнят его девочки и мальчики «кошачий батько». Прошлой осенью случилось такое: дети хотели утопить кошку, а сын бросился в одежду в воду за той кошкой и принес ее домой. Мы кошку выловили, выкупали с мылом в теплой воде, но вот с тех пор и дразнят сына «кошачий батько», а он у меня очень обидчивый и всегда плачет.

Напишите, пожалуйста, через свой журнал, может, он поймет и не будет плакать, когда его дразнят.

М. ДАНЧЕНКО
г. Новогородовка
Донецкой области

ОТ РЕДАКЦИИ.

Никакая не вина, а материнская честь Ваша, что Сережа растет любящим живое, отзывчивым к чужой беде — пусть это будет беда хотя бы беспризорной кошки. С возрастом обидчивость пройдет, а доброе сердце останется. Да и стоит ли обижаться на глупые дразнилки! Наоборот, пожалеть надо тех ребят, которые не знают, как это интересно — дружить с животными, узнавать про их жизнь, заботиться о них.

И еще одного они не знают, самого главного, — как радостно бывает оттого, что сделал ты доброе дело, а злого не сделал.

Скажите Сереже, что мы думаем обо всем этом. А что до заразы, то бережет от нее чистота, которую Вы и сами умеете наводить мылом и теплой водой.

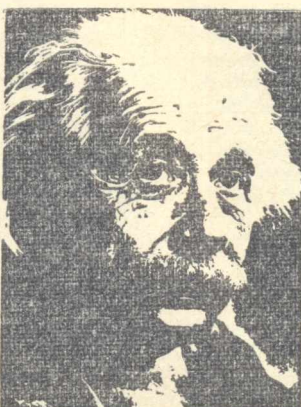

психологический семинар: „свойства человеческой личности“

ИЗВЕЩЕНИЕ

В. ПУШКИН,
доктор психологических наук

статья первая

Cogito ergo sum — «мыслю, следовательно, существую». Эти слова, произнесенные впервые более трех столетий назад французским философом Декартом, часто вспоминают, говоря о роли мышления в жизни человека. И действительно, способность мыслить — одно из самых главных свойств, определяющих существо человека. Лишенный этой способности, человек, по сути дела, перестает быть человеком. Именно мысль была самым мощным оружием на всем пути развития человечества, именно ей оно обязано победой над неподвластными ему прежде силами природы. Да и вся «вторая природа», все создания цивилизации — от космического корабля до страницы, на которой напечатаны эти строки, — прежде чем стать делом рук человека, были делом его мысли, созданием его разума. Научное исследование и развитие техники, управление производством и художественное творчество — все эти (и многие другие) виды человеческой деятельности возможны только благодаря мышлению.

И, естественно, одним из самых постоянных давних (и трудных) предметов исследования для человеческой мысли стала она сама. Издавна философы, математики, естествоиспытатели с разных сторон пытались определить суть процесса, составляющего основу их деятельности. Но, пожалуй, никогда прежде проблема творческого мышления не изучалась столь интенсивно и широко, как в нашем столетии. Это и понятно: XX век по праву называют веком мысли; все возрастающий темп развития науки и техники предъявляет неизмеримо более высокие, чем раньше, требования к интеллекту человека, к его творческим мыслительным возможностям. С разных сторон пытались охарактеризовать во многом еще загадочную мыслительную деятельность великие физики Эйнштейн и Бор, математики Пуанкаре и Адамар. Их блестящие описания творческого процесса, тонкие наблюдения, смелые умозаключения многое дают современному исследователю.

Многое — но не всё. Именно на пороге нашего века стало очевидным, что возможности умозрительного исследования мыслительных процессов ограничены. Интроспекция, самонаблюдение не всемогущи, ибо многие компоненты нашей интеллектуальной деятельности не осознаются нами и поэтому неизбежно ускользают из поля самонаблюдения. Необходимы были объективные экспериментальные исследования.

На рубеже XIX и XX веков сделала первые шаги экспериментальная психология творческого мышления. Вероятно, покажется парадоксальным, что первыми испытуемыми в этой науке были не ученые, не изобретатели. Американский психолог Торндайк экспериментировал... с кошками. Голодную кошку сажали в специальную клетку, названную проблемным ящиком. Ящик этот можно было открыть изнутри с помощью щеколды. Попавшая в ящик кошка, пытаясь освободиться, металась по клетке, царапала и кусала все предметы. Случайный нажим на щеколду освобождал животное.

На основе опытов такого рода, а также на основе экспериментов с поведением крыс в лабиринте была создана теория творческого мышления, которой было суждено большое кибернетическое будущее. Теория эта называлась теорией проб и ошибок. Согласно этой концепции, любой творческий интеллектуальный акт является случайным результатом слепого, хаотического

поиска. Тот «перебор вариантов», посредством которого современная кибернетическая машина решает задачи, может служить примером технической реализации этой психологической теории.

«Теория проб и ошибок» была одной из первых концепций, возникших на основе экспериментального исследования. Ее односторонность была осознана уже в первые десятилетия нашего века. Против этой теории выступили исследователи, которые вели эксперименты с человекообразными обезьянами, и прежде всего — немецкий психолог В. Кёллер. В его опытах было показано, что обезьяна находит решение не с помощью случайных действий; она видит систему элементов задачи, их взаимную связь. Такая система была названа по-немецки гештальтом. Так возникло направление в психологии, получившее название «гештальтпсихология». Но не будем полностью перечислять научные направления и школы; несмотря на то что экспериментальная психология мышления — «молодая» область науки, она здесь и многообразна, и многочисленна. Укажем лишь, что современная психология мышления далеко ушла от прежнего, умозрительного, подхода; она основывается на объективных, экспериментальных данных, стремится точно, количественно «измерить и взвесить» те процессы и элементы, из которых складывается человеческая мысль. И хотя утверждать, что мы знаем окончательный ответ на вопрос «Что такое мышление?», еще рано, наши сегодняшние знания здесь неизмеримо глубже и основательней, чем несколько десятилетий назад.

Что же мы знаем сегодня? Что такое мышление с точки зрения современной психологии?

В жизни мы постоянно ставим себе какие-то, большие или малые, цели и достигаем их. Но чем определяется успех (и сама возможность) целенаправленного действия? Способностью предварительно представить, мысленно воссоздать предполагаемый ход событий, результаты наших действий. Подобно архитектору или кораблестроителю, начинающим свою работу с модели здания или океанского лайнера, каждый из нас, прежде чем действовать, создает в своем сознании модель предполагаемой ситуации.

Разумеется, наши мозговые модели мало похожи на те, что создает архитектор или кораблестроитель. В одном случае это вещественные модели, предметы, в другом — записи на элементах нервных клеток мозга. Причем записи эти осуществляются на своеобразном и загадочном языке, не раскрытом еще наукой. Поэтому последний класс моделей, в отличие от всех остальных, может быть назван классом информационных мозговых моделей.

Но, несмотря на своеобразную форму, изображения в мозгу все-таки выполняют функцию модели, с которой можно предварительно совершать «внутри» некоторые мысленные действия, прежде чем приступить к действиям реальным.

И то, что мы называем мышлением, есть в сущности различные виды работы с мозговыми информационными моделями.

Мы сказали — разные виды работы. Сложение или умножение чисел в уме — это, бесспорно, тоже мыслительная операция. Но здесь мы действуем стереотипно, по привычной, заученной программе. Это действия нетворческие.

психологический семинар: „свойства человеческой личности“

А что такое творческое мышление? Оно проявляется в таких условиях, когда у человека отсутствуют готовые операции, готовые способы действия и весь запас прошлого опыта не может подсказать ему прямой программы поведения. Такие условия нередко возникают, например, в работе врача, следователя, диспетчера на железнодорожном транспорте, командира, управляющего действиями подразделения в бою.

Вот тут-то и необходимо мысленно воссоздать динамическую картину действительности и действовать соответственно с обстановкой. Очень точно передает эту особенность творческого мышления русское слово «сообразение». Мы соединяем, сопоставляем образы предметов и находим программу действий, **сообразуясь** с ситуацией.

Так, скажем, следователь, осматривая место происшествия, воссоздает в своей голове динамическую картину преступления и, руководствуясь ею, выбирает способы и пути поимки преступников. Благодаря способности воссоздавать динамику вещей и динамику обстоятельств человеку не нужно пытаться запомнить наизусть все возможные ситуации и все готовые способы действия. Он оказывается способным разумно вести себя в любой новой, неизвестной ему ранее ситуации.

Мы часто говорим: ребенка надо научить тому-то и тому-то. Но что значит — научить? Это значит — дать программу действий в той или иной ситуации. Такие программы мы не всегда получаем от других. Значительная часть знаний приобретается человеком самостоятельно — для того чтобы решать постоянно возникающие перед ним жизненные задачи, он вынужден создавать и «пускать в ход» множество динамических моделей действительности. Знания и формы поведения, полученные в ходе самообучения, наиболее прочны: ведь они приобретены на собственном опыте, добыты с помощью собственного творческого мышления.

Разумеется, мозговая модель (как и любая вещная модель, скажем макет здания или теплохода) не воспроизводит все свойства и признаки того или иного объекта. Она воплощает в себе лишь наиболее существенные свойства предмета, причем не статично, а в их взаимоотношениях, в динамике.

Для того чтобы точнее представить сущность творческого мышления и роль модели как «заместителя» реальности, обратимся к шахматам. Известно, что в шахматах невозможно действовать по стереотипу, по раз и навсегда определенной программе; в этом смысле они хороший пример творческого мышления. И не случайно создатели современных вычислительных машин именно на шахматах часто испытывают интеллектуальные силы своих «питомцев».

Что должен сделать человек, решающий шахматную задачу? Перед ним на доске то или иное расположение фигур. Имея в своем распоряжении известное число ходов, он должен привести расположение фигур в соответствие с требованием задачи: сделать так, чтобы на короля противника было произведено нападение и он не мог бы никуда уйти от этого нападения.

А что нужно для этого? Мысленно воссоздать свойства фигур (или вообще элементов задачи) и увидеть требуемое отношение между ними. Казалось бы, для любого человека, знающего правила игры, это не должно составлять особого труда — ведь все необхо-

димые условия ему даны: известно расположение фигур, правила их действия и конечный результат. Однако кто из шахматистов не знает, каких значительных усилий требует порой решение даже весьма незамысловатой задачи? Чем вызваны эти трудности? Они связаны с тем, что при взгляде на задачу у нас всплывают в памяти другие, знакомые по предыдущему опыту отношения, которые в данной ситуации ни к чему не приводят, служат лишь помехой. Но от них не так просто избавиться: они привычны для нас, они прочно сидят в голове. И решение задачи состоит в том, чтобы преодолеть эти привычные (и ненужные) связи и построить новую систему отношений, соответствующую заданию.

Для того чтобы более отчетливо увидеть характерные для продуктивного мышления «муки творчества», достаточно вспомнить и такую весьма известную задачу: построить из шести спичек четыре треугольника таким образом, чтобы сторона каждого треугольника была равна одной спичке. Человек, перед которым поставлена эта задача, обычно делает бесконечное число попыток решить ее на плоскости — и без всякого успеха. А между тем решение чрезвычайно просто: необходимо построить объемную фигуру — трехгранную пирамиду. Но навязанное самому себе ограничение не дает возможности увидеть этот самоочевидный путь.

В этих примерах отчетливо видна сущность творческого мышления. Оно состоит в преодолении некоторых фиксированных, заранее данных связей и создании новой системы отношений. Основой, внутренним психологическим механизмом создания этой новой системы и является мозговое моделирование. После того как новая, соответствующая требованиям задачи, система связей построена, задача может считаться решенной. Человек ясно видит, какие преобразования, например шахматные ходы, нужно совершить, чтобы получить новую, требуемую условиями ситуацию. Необходимость последовательности действий обнаруживается словно бы «сама собой».

Если внимательно понаблюдать за человеком, решающим более или менее сложную задачу, то можно услышать некоторую цепь высказываний, цепь рассуждений, отражающих этапы движения к цели. Внутренняя же работа по установлению связей, по моделированию элементов задачи, по построению новой системы отношений для наблюдателя невидима, незаметна.

Эта «невидимость» процессов внутреннего преобразования условий задачи привела некоторых исследователей к мысли, что процесс решения сложной проблемы и состоит в создании цепи словесных рассуждений. Они полагали, что для исследования мышления достаточно зарегистрировать последовательность рассуждений и преобразований ситуации. Такое, чисто внешнее, понимание мышления, казалось бы, облегчает задачу исследования, но эта легкость слишком дорого обходится: за ней скрываются не только пороки теории, но и беды практики.

От «отвлеченных рассуждений» обратимся к сфере, родителям более знакомой, — к учебе ребят. Что мы требуем от школьника, отвечающего на уроке? Четко, последовательно, грамматически правильно изложить учебный материал. Да — но не мало ли этого?

Ученик может великолепно выучить заданный урок, блестяще рассказать его — и при этом не обнаружить

психологический семинар: „свойства человеческой личности“

подлинного понимания тех отношений между предметами, о которых говорилось в учебнике. Так рождается формализм. Знания существуют словно бы сами по себе, независимо от мышления ребенка.

Этот односторонний подход — нередкая еще беда и в школе, и у родителей. В какой степени действительно органично усвоен тот или иной раздел? Насколько «работает» материал в голове ребенка? Какое влияние оказывает изучение предмета на развитие личности? Все эти вопросы при таком подходе не только остаются без ответа — они нередко даже не ставятся. Главное — чтобы ребенок четко пересказал урок.

Эта точка зрения не учитывает того обстоятельства, что реальный процесс мышления человека включает в себя два компонента, как бы говорит на двух языках. Один язык — это язык логики. На этом языке в мышлении формируются последовательности рассуждений, которые легко могут быть выражены в словах.

Другой язык мышления — это язык моделей, язык тех самых «заместителей» предметов внешнего мира, о которых мы говорили. Именно язык динамических моделей и является основой продуктивного, творческого мышления человека. С помощью его человек оказывается способным как бы видеть элементы проблемы в их сложных, многообразных отношениях.

Разумеется, модельный язык мышления обнаруживается не только при решении проблем. Его наличие (или отсутствие) можно легко обнаружить в любом школьном ответе. Ребенок может просто пересказать содержание того раздела учебника, в котором говорится, например, об Отечественной войне 1812 года. А может так рассказать о Бородинской битве, об изгнании французов из России, словно перед его внутренним взором разворачиваются батальные картины, словно он видит скачущего на коне Дениса Давыдова, наблюдает бой у переправы через Березину, видит бегство Наполеона.

И все поведение ребенка, его мимика, характер его речи в этих двух рассказах будут отчетливо различаться. Большинство слушателей, бесспорно, отдадут предпочтение второму рассказу — потому что рассказ этот будет выглядеть более достоверно, он будет восприниматься с большим интересом, он будет заражать слушателей своей динамикой, делать их как бы участниками исторических событий. В нем, возможно, не будет гладкости, проскользнут некоторые речевые ошибки. Но слушатели простят их рассказчику за взволнованность, за то, что содержание рассказа как бы пронизывает всю личность ребенка.

Такое «внутреннее видение» и свидетельствует, что в этом случае динамическая модель материала создана и действует. Если ребенок просто пересказывает заученный урок, повторяет фразы, написанные в учебнике, произносит книжные, иногда «весьма умные» слова, неизбежно закрадывается сомнение — а понимает ли он то, о чем говорит? Если же мы чувствуем, что рассказ идет от внутреннего видения материала, такое сомнение не возникает — о полном понимании свидетельствует сам характер рассказа.

Таким образом, способность ребенка перевести словесный язык учебника на язык собственных динамических моделей — вот основа и главный показатель понимания учебного материала.

Здесь мы подошли к одной из наиболее сложных

проблем философии, психологии, математики и вообще современной науки. Проблема эта обычно обозначается как проблема интуиции. Сама по себе проблема интуиции со всей остротой была поставлена достаточно давно — еще в XVII столетии. Великий французский философ Декарт показал, что помимо рассуждений, помимо последовательности логических выкладок существует такой компонент мышления, который позволяет непосредственно видеть связи и отношения между предметами.

Вокруг проблемы интуиции разворачивались и все еще продолжают жаркие споры. Так, представители одного направления в математике считают, что в этой науке нет места для интуиции; вся система математических знаний должна состоять только из чисто логических построений, в которых каждое положение было бы доказано с помощью других положений. Это направление так и называется логицизмом. Представители другого направления возражают: ведь нельзя же до бесконечности выводить одно положение из другого. В конце концов должны остаться какие-то исходные, основные посылы или положения, которые будут основой для всего здания математики.

Здесь, конечно, нет места для анализа спора между логицистами и их противниками. Однако заговорили мы об этом не случайно: теории, которые стоят за этим спором, имеют большое влияние на судьбу принципов, лежащих в основе всего обучения. Что служит показателем умственного развития ребенка? Способность логически мыслить? Но только ли? Не в меньшей степени мы должны развивать и интуитивную сторону мышления, его способность к созданию умственных моделей.

Располагает ли сейчас наука методами развития этой стороны мышления, которые можно было бы уже сегодня рекомендовать в широкую практику учителям и родителям? Пока еще нет. Психологи лишь нащупывают такие методы; поиски ведут многие психологические лаборатории, в том числе и наша — лаборатория эвристики Института общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. Но эта работа еще далека от окончательного завершения.

Значит ли это, что мы полностью «безоружны» здесь, что мы полностью лишены возможности контролировать и развивать эту сторону мышления ребенка? Думается, что нет. Достаточно внимательно наблюдать за ответами детей, за их манерой рассказывать, чтобы с уверенностью отличить ответ, основанный на формальном заучивании, от ответа, внутренним психологическим содержанием которого является динамическое моделирование.

Следовательно, следить за развитием моделирующих способностей ребенка можно и без специальных методов, но это потребует от родителей тщательного, пристального и объективного наблюдения. Здесь обязательно нужно стать психологом — если не ученым, то практиком. Наблюдение это должно быть не бесстрастным, не чисто исследовательским или, как говорят, академическим.

О том, как подходят психологи к проблеме развития мышления у детей, о некоторых принципах определения индивидуальных особенностей интеллектуальной деятельности, мы поведем разговор в следующей статье.

Моей дочери исполняется семь лет, и в этом году она должна пойти в первый класс. Но вот что нас крайне тревожит: она не раз говорила, что боится школы и не пойдет учиться.

В детском саду, в подготовительной группе, у них проводятся занятия. И там она старается промолчать, не отвечать на вопросы и вообще ни о чем не спрашивать. Говорит, что боится отвечать: вдруг не так скажет, и над ней будут смеяться. Мы убеждаем ее, объясняем. Вроде поймет, а в садике снова молчит. Что здесь делать, какие меры принимать?

В. ДУДИК
г. Пермь

Уважаемая товарищ Дудик!

Ваше письмо ясно показывает, сколь важно заранее учесть все требования, которые предъявляет к ребенку школа. Часто родители будущего первоклассника видят свою задачу в том, чтобы обучить его счету и чтению, воспитать навыки усидчивости и послушания. Между тем есть еще одно абсолютно необходимое условие — у ребенка должен быть достаточный опыт общения, опыт жизни в коллективе сверстников.

Почему это вдруг ребенок отказывается идти в школу, еще не зная толком, что его там ждет? Потому что он не уверен в себе, в своих силах и заранее настроен только на неудачи. Разумеется, причины этой неуверенности могут быть и внешними. Малыши очень доверчивы, внушаемы, они принимают на веру любые слова старших (даже если старшему всего на три-четыре года больше). А эти «старшие» нередко важничают пе-

ред малышами, преувеличивают трудности и неприятности, с которыми им приходится встречаться в школе. Бывает, что и взрослые — по необдуманности, по неосторожности — оказываются причиной страха, если в рассказах о школе они чересчур напирают на суровость дисциплины, трудности учения, если чересчур часто и явно жалеют малыша, которому придется «ко всему этому» привыкать. Значит ли это, что следует рассказывать детям только о привлекательной стороне школьной жизни? Нет — ведь с трудностями им на самом деле придется столкнуться. Главное, вы вот что должны показать ребенку: трудности преодолевает труд; всякое дело или поручение выполнимы, стоит только приложить усилие.

А истинную меру, истинную проверку своих сил и возможностей малыш может найти только в коллективе сверстников. Разумеется, наши мнения и оценки важны и значимы для него; но верны ли они, справедливы ли — это и проверяется в общении со сверстниками. Ребенок, внутренне не настроенный на такое общение, может быть и развитым и умным — и все же будет чувствовать себя неуверенно, ему покажется трудным всякий экзамен перед аудиторией, большей, чем папа и мама.

Приглядывались ли Вы к тому, как ведет себя дочка в играх с товарищами? Чувствует ли она себя уверенно, или, напротив, слишком уступчива и пассивна, или вообще больше любит играть одна? Последнее уже плохо: игры со сверстниками малышу просто необходимы. Право же, легче лишний раз подмести и убрать за детьми, чем впоследствии с тревогой следить за беспомощностью и

застенчивостью ребенка. В совместных играх малыш приучается сравнивать и соизмерять свои усилия с усилиями других и отстаивать свои права. Правда, здесь не обходится без сложностей. Чувство зависти, ненависти, как правило, незнакомо детям младшего возраста, но желание добиться успеха может задеть самолюбие ребенка, привести к преувеличению духа соперничества в игре, и тогда он всячески стремится добиться первых ролей, не очень-то разбираясь в средствах (и применении силы, и попытки унижить соперника, ругая и дразня его). Сильному, хорошо развитому ребенку нет нужды изощряться в средствах, определяя свое место в группе. Слабый или просто застенчивый ребенок вынужден более изобретательно относиться к выбору средств; стремление избежать неудачи здесь нередко приводит к уклончивости, хитрости, трусости. Это не удивительно: застенчивость и робость весьма часто соединяются с очень сильным (хотя и скрытым) самолюбием и повышенной чувствительностью ко всему происходящему. Ребенок, для которого чрезвычайно много значит любой упрек, шутка, насмешка, столь же чутко воспринимает и любую похвалу, любое одобрение. Помните об этом и соблюдайте здесь меру; но всякий раз, когда от девочки потребовалось какое-то усилие, хотя бы незначительное, не забудьте одобрить или как-то отметить это. А главное, помогите дочке выработать добродушное, с юмором, отношение к происходящему, дайте ей понять, что детские дразнилки, насмешки — свидетельство скорее не превосходства, а слабости.

Все эти советы, казалось бы,

общего характера мы даем для того, чтобы вы яснее могли ориентироваться в сложившейся воспитательной ситуации. А какие практические меры здесь возможны? Постарайтесь, чтобы у Вашей дочки появились подруга или товарищ из тех ребят, кто тоже готовится к школе. Если товарищ или подруга окажется смелее и активнее, девочка потянется за ним; если товарищ в чем-то слабее — лидерство Вашей дочки и для нее самой будет полезным (ведь роль ведущего к чему-то обязывает). Воспитательница детского сада может помочь девочке справиться с нерешительностью и застенчивостью, предоставив ей какую-то ответственную роль в детской группе, скажем роль дежурной или санитары. Стоит, наверное, и познакомиться с родителями тех ребят, которые вместе с Вашей дочкой пойдут в школу: тогда можно будет и послать ребенка в другую семью с каким-то поручением и организовать совместные игры детей, совместные прогулки.

В заключение приведем слова одного из психологов: «В деле воспитания истинный секрет состоит в том, чтобы уметь использовать все необходимое, все выгодное и устранять то, что может принести вред». Не стоит отчаиваться при первой неудаче — надо неустанно искать новые пути к сердцу и разуму ребенка.

А. ОСНИЦКИЙ,
научный сотрудник
Института общей и педагогической
психологии
АПН СССР

Я учусь в седьмом классе. Учусь на четыре и пять, но мне очень ме-

шает плохой почерк. В школе мне все время об этом говорят и требуют, чтобы я писал лучше. Но можно ли исправить почерк? И как это сделать?

Андрей ФЕЛЬДЕ
г. Целиноград

Дорогой Андрей!

Исправить запущенный почерк трудно, но вполне возможно. Для этого нужны настойчивость, умение контролировать свою работу и образцы правильного письма (прописи).

Прежде чем приниматься за исправление почерка, следует выяснить, в чем заключаются его недостатки. Наиболее распространенные из них — искажение начертаний букв; неодинаковый наклон основных штрихов; сгущенность букв (узкие просветы между ними); мелкие или, напротив, чрезмерно крупные размеры букв и как следствие — медленность, неэкономность письма; разрывы между буквами (отчего каждая буква не пишется, а как бы рисуется) — в этом случае письмо тоже замедляется и перейти на скоропись становится трудно; изломы, тупые или острые закругления букв.

Все же недостатки объясняются нарушением правил техники и графики письма: неправильной позой во время письма, неверным положением руки, неполным усвоением форм букв и способов их соединений.

Исправление почерка надо начинать с техники письма: провести ряд упражнений, которые помогут Вам освоить правильную позу при письме, научиться верно держать ручку и т. п. Образцы таких пред-

варительных упражнений Вы найдете в пособии Н. Н. Боголюбова «Методика чистописания» (стр. 163, 171, 183).

Когда Вы почувствуете, что с техникой письма все в порядке, можно приступить и к освоению графики. В том же пособии Вы найдете упражнения, которые помогут Вам освоить начертания букв и их соединения (стр. 164—170). После этого можно перейти на письмо по двум линейкам (стр. 172—182). Здесь исправляющий почерк пользуется глазомером, не опираясь больше на наклонные вспомогательные линии. Скорость письма увеличивается.

Следующая ступень — специальные упражнения в тетради по одной линейке (стр. 184—198).

Каждый из указанных этапов работы надо заканчивать списыванием связанных печатных текстов и письмом под диктовку с последующей самопроверкой, исправлением недостатков и повторными упражнениями.

Книгу Н. Н. Боголюбова можно получить у учителей начальных классов, в школьной библиотеке или в методическом кабинете рона.

Если эту книгу Вам найти не удастся, можно заменить ее «Прописями» А. И. Воскресенской и Н. И. Ткаченко.

В заключение напомним еще раз, что работа над исправлением почерка потребует немало терпения и настойчивости. Но если Вы будете заниматься ею постоянно и последовательно, доведете дело до конца, она, несомненно, принесет успех.

Л. ГОРБУШИНА,
научный сотрудник
Института
содержания и методов обучения
АПН СССР

найдите свою программу!

Изобретя телевизор, человечество не сразу пришло к выводу, что обращаться с ним надо осторожно. Первыми насторожились педагоги и родители, обеспокоенные многочасовыми сидениями детей перед экраном. Чтение, игры, спорт у многих детей отступили на второй план. Когда тревожных голосов стало много, начали проводиться исследования. Данные, полученные во многих странах мира, показали: наиболее заядлые телезрители — от девяти до тринадцати часов; они проводят у телевизора почти 3 часа в день. В четырнадцать начинают смотреть меньше — полтора-два часа; сказывается способность критически подходить к выбору передач. В неделю школьники отдают голубому экрану от 12 до 24 часов. А уж в воскресенье и каникулы многие из них смотрят все подряд, пока не надоест. «Каждый день смотрела телевизор с 4 часов дня до 11 вечера, пока не скажут: «Спокойной ночи, товарищи»; «Смотрел каждый день всю программу от начала до конца»; «Смотрел каждый день, пока не окончатся хорошие передачи» — это наши шестиклассники. Интересно, что при этом они не считают «телесмотрение» своим любимым занятием.

Вероятно, всем знакома такая картина: прибежал ребенок с улицы или после школы — и сразу к телевизору. А рядом взрослые, которые сами находятся в плену у телевизора, боясь пропустить что-нибудь интересное. А потом родители жалуются, что дети стали какими-то суевливыми, раздражительными, не могут спокойно посидеть на одном месте (кроме как у телевизора). Иногда — наоборот, отмечают заторможенность, вялость, пассивность. И те и другие дети быстро утомляются, а причина одна — постоянное нарушение режима дня.

Посудите сами: рабочий день у ребят длится порой дольше, чем у взрослых: 5—6 часов занятий в школе, плюс 2—3 часа домашних уроков, итого 7—9 часов, не говоря уже о старшенкласниках, у которых обязательная занятость доходит до 11 часов в сутки. Прибавим 9—10 часов на сон. Остаются считанные часы, и отнять из них еще время на длительный ежедневный просмотр телепередач без ущерба для всех остальных дел почти невозможно. Отменяются так необходимые детям подвижные игры — «отдыхи для души и упражнения для тела», по определению Яна Амоса Коменского. И вот ребята, вместо того чтобы самим бегать на коньках, играть в хоккей, в лапту, сидят и смотрят, как играют их ровесники. Телевидение освобождает их от физических нагрузок.

Поздно засиживаясь у телевизора, дети недосыпают в сутки один-два часа против нормы, и дефицит сна составляет тогда в неделю от 7 до 14 часов. Конечно, такие нарушения режима не могут не отразиться на здоровье ребенка.

Теперь посмотрим, какое непосредственное влияние оказывает просмотр телепередач на организм школьника. Чтобы выяснить это, в Институте гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР у детей 8—12 лет были проведены специальные исследования различных физиологических функций, отражающих состояние высшей нервной деятельности и зрительного анализатора.

Выяснилось, что воздействие телевидения на детей во многом зависит от: 1) длительности передачи и ее типа; 2) условий, в которых идет просмотр передачи; 3) состояния ребенка до начала просмотра.

Казалось бы, ясно, чем короче передача, тем она «безвреднее». «Спокойной ночи, малыши», мультфильмы почти не вызывают у детей неблагоприятных сдвигов физиологических функций. Мультфильмы на 10—30 минут, живые и яркие, дети смотрят с громадным удовольствием. А короткие, но сиучные передачи, быстро надоедающие, утомляют детей.

Но вот идет часовая постановка. Если дети смотрят ее с интересом и вниманием, то естественное утомление компенсируется. Но это предел: уже после полуторачасовых фильмов, даже самых интересных, дети устают.

Быстрое утомление, даже несмотря на небольшой продолжительности, вызывают беседы, лекции, репортажи. Рассчитанные на младших школьников, они, к сожа-

нию, чаще всего малодинамичны, иногда и просто скучны. Здесь возникает проблема слова и изображения в телевидении. Наблюдения за поведением детей во время детских передач показали, что кривая заинтересованности передатчик резко падает, если на экране текст, если слово преобладает над изображением. Младшие ребята хотят прежде всего видеть, а уж потом слышать, и это вполне объяснимо с позиций особенностей детей этого возраста. Дети, особенно младшие школьники, вообще близки к так называемому художественному типу, для которого характерна яркость восприятия, наглядная, образная память, богатство воображения и некоторая недостаточность абстрактного мышления.

На основании многих исследований сотрудники нашего института пришли к выводу: допустимая продолжительность просмотра для детей дошкольного возраста не должна превышать 20—30 минут, младшего школьного — 1 часа, среднего — 1 часа 30 минут, старшие школьники могут смотреть дольше. Более продолжительный просмотр у большинства детей вызывает неблагоприятные сдвиги в организме: чем младше ребенок, тем раньше наступают эти сдвиги.

Что касается зрения, то можно сказать: так же как любая зрительная работа (чтение, письмо, вышивание, рисование и т. д.), телепередача представляет определенную нагрузку для глаз, особенно если это происходит в неблагоприятных условиях.

Напряжение зрения объясняется не какой-то специфической телевидения, а, скорее, слишком длительным временем, проведенным у экрана. Нужно помнить, что с возрастом непрерывно совершенствуется работа зрительного аппарата, что связано с ростом и развитием самого ребенка. В период роста зрение легко поддается различным влияниям. Многие врачи считают, что близорукость возникает и развивается вследствие напряженной зрительной работы на близком расстоянии при недостаточном освещении. Из года в год увеличивается нагрузка на глаза.

Вот некоторые «правила телесмотрения»: расстояние зрителей от экрана не должно быть ближе 1,5—2 метров и далее 5—5,5 метра. Экран должен быть на уровне глаз сидящего. Если ребенок носит очки, во время передачи следует их надеть, чтобы излишне не напрягалось зрение. Если смотреть телепередачи в темноте, глаза приспособляются к ней, чувствительность их возрастает и мы видим на экране больше деталей и оттенков, чем в освещенной комнате. Но через некоторое время снижается разница между экраном телевизора и темным фоном комнаты, что особенно утомительно для глаз. Рекомендуется слегка осветить комнату, чтобы яркость экрана как бы уравнивалась с окружающим фоном. Источники света (небольшая лампа, торшер) не должен находиться в поле зрения человека или отражаться на экране. Лучше всего, если в комнате будет мягкий, рассеянный свет, например, от люстры, бра. Особенно сильно устают глаза, когда изображение на экране размытое или часто изменяется яркость и контрастность. Лучше всего настраивать телевизор не во время передачи, как это делают многие, а перед ней — по испытательной таблице, а потом лишь слегка подрегулировать контрастность изображения.

Наши исследования показали, что если ребенок садится к телевизору сразу же после какой-либо умственной или зрительной нагрузки, то происходит дальнейшее нарастание утомления, накопившегося за день. Любая работа прежде всего и больше всего отражается на центральной нервной системе, в частности на нервных клетках коры больших полушарий головного мозга. Восприятие телевизионной передачи требует от детей определенного умственного напряжения; нагрузка падает на те же участки коры головного мозга, которые уже утомились.

После занятий школьнику надо отдохнуть, а не смотреть сразу же передачу, иначе утомление не исчезает, а наоборот — накапливается. Следует помнить и о том, что если школьник уже был в театре, на концерте, видел кинофильм, то смотреть в этот же день телепередачу не стоит. Перегрузка впечатлениями неблагоприятно отражается на нервной системе ребенка. Как показали исследования, дети могут смотреть телевизионные передачи без ущерба здоровью не более 2—3 раз в неделю.

Может быть, детям вообще не следует смотреть телепередачи после стольких оговорок? Безусловно, можно и нужно. Но, чтобы телевидение сыграло позитивную роль в развитии внутреннего мира ребенка, родители должны помочь детям. Нельзя смотреть вообще. Телевидение предоставляет свободу выбора, и надо уметь пользоваться этой свободой, выработав свою внутреннюю домашнюю программу для себя и своих детей.

Е. ГЛУШКОВА,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник
Института гигиены детей и подростков
Министерства здравоохранения СССР

строки из писем

У меня один сын. А к нему, конечно, и другие ребята приходят смотреть передачи. Как сядут они смотреть телевизор, так смотрят все передачи подряд. И в каждой находят что-то интересное (или хотя бы найти). Кончилась передача — я напоминаю Сереже, чтобы он готовил домашнее задание. А он мне говорит: «Мама, а сейчас будет интересное кино». Конечно, такого удовольствия лишиться я его не могу. И ведь не только его, но и тех ребятшек, которые пришли к тому времени, когда это кино начинается. Мне кажется, детские передачи нужно передавать в определенное время, чтобы дети привыкли, как привыкают есть в одно и то же время, ходить в школу и т. д.

А когда объявят, что детские передачи окончены, мой Сережа спокойно будет делать домашнее задание.

Т. ПАШИНА
г. Казань

Часто слышу, как обсуждают содержание передач подростки 13—14 лет.

Вот, например, девочки говорят о том, как поступить, если родители не выдают замуж за того, кого любишь. Фильм на эту тему они видели тогда, когда родители были на работе. Мальчики обсуждают подробности убийства.

Другой пример: в учебнике говорится о том, что нельзя губить березы в погоде за соком. А по телевизору показывают, как сок собирают целыми бочками и отправляют в продажу.

Е. ЗАЛЕССКАЯ
Полтавская область

Меня давно беспокоит обилие телевизионных передач в дни школьных детских каникул. С утра начинаются детские передачи по центральной программе, которые длятся до середины дня, а часов с пяти вечера начинаются детские передачи по второй (то есть по ленинградской) программе, и тоже — часа на два. И вот ребенок, особенно младшего школьного возраста, целый день сидит у телевизора и смотрит все передачи подряд: и для малышей и для старших школьников. Ему все интересно! И никакие увещевания не помогают...

А. БИНДЮКОВА
Ленинград

По радио часто бывают передачи о правилах поведения, но хотелось бы, чтобы дети могли бы увидеть их — ведь все мы знаем: лучше раз увидеть, чем десять раз услышать. Ребята очень любят «мультки», пусть будут «мультки» и на эту тему.

Н. ДОЛЖЕНОК
г. Нижний Тагил

Мы с женой даем возможность нашей дочери смотреть телепередачи в основном по субботам и воскресеньям, когда она свободна от школьных занятий. Это ей идет только на пользу. Она успешно, без троек, занимается во втором классе, учится и в детской музыкальной школе. Спать она ложится не позднее половины десятого. Но знаю, что есть, к сожалению, еще семьи, где детям позволяют смотреть передачи до одиннадцати часов вечера, а то и позже!

Хотелось бы, чтобы на страницах журнала было рассказано о том, как влияет телевизор на режим дня ребенка, как отражается он на здоровье детей.

А. ДВОРСКИЙ
Ленинград

кем

В. ЛЕВИН,
доктор медицинских наук

работать

подростку?

Читателю, без сомнения, уже знаком термин «профессиональная ориентация». В нем выражается суть подхода к выбору профессии в нашей стране: исходя прежде всего из возможностей человека, стремимся каждому указать занятие или ряд занятий, в которых он сможет трудиться с наибольшим успехом.

Таков общий принцип подхода. Если же говорить о выборе профессии для 15—16-летних подростков, то здесь он дополняется некоторыми специфическими требованиями.

Подросток — не взрослый в миниатюре и тем более не «большой ребенок». Возраст этот имеет ряд своеобразных, только ему присущих особенностей, которые необходимо учитывать при выборе профессии.

Прежде всего, возраст этот — время бурного роста. Все обменные процессы в организме подростка проходят очень интенсивно, сопровождаются большими энергетическими затратами. Поэтому устойчивость подростка к физическим нагрузкам, к неблагоприятным условиям труда, естественно, ниже, чем у взрослого.

Каждый из читателей по собственному родительскому опыту знает и такую особенность этого возраста: подростки очень легко возбудимы. Для того чтобы вызвать возбуждение в центральной нервной системе подростка, нужно очень небольшое воздействие, гораздо меньшее, чем для взрослого и даже для ребенка. Причем и на незначительные раздражения он отвечает максимумом реакции, максимальным напряжением сил. Эта психофизиологическая особенность подростка должна учитываться при определении допустимых для него физических и психических нагрузок. Они, естественно, должны быть меньше, чем у взрослого, ибо способность адаптации, приспособления к нагрузкам и условиям труда, у подростка и менее значительна и менее совершенна.

Я говорил пока об общих особенностях этого возраста. Но, кроме них, надо учитывать и индивидуальные особенности вашего сына или дочери, возможные отклонения в состоянии здоровья, которые, может быть, кажутся вам (а молодому человеку — тем более) незначительными и несущественными, но которые при неблагоприятных условиях труда могут помешать успеху в избранной профессии.

Все это сказано вовсе не для того, чтобы как-то запугать подростков или их родителей; столь настойчиво говоря о возрастных ограничениях, я хотел лишь довести до сознания читателя вот какую мысль: в любом случае при выборе любой профессии подросткам абсолютно необходима предварительная консультация с врачом. Разумеется, при приеме на работу, при поступлении в ПТУ или техникум состояние здоровья

поступающих обязательно проверяют; но в этот момент подросток уже «нацелен» на избранную профессию, уже связывает с ней какие-то планы и надежды; неожиданная невозможность осуществить их может очень тяжело на него подействовать. Поэтому такую проверку лучше провести заблаговременно.

Охрана здоровья подростков в нашей стране — забота государственная. Законодательством для них определена меньшая, чем для взрослых, продолжительность рабочего дня, в ряде отраслей (на подземных работах, в горячих цехах, в ночных сменах) труд их либо вовсе не применяется, либо применяется с большими ограничениями. Советские ученые-гигиенисты изучили условия и возможности работы подростков во многих отраслях хозяйства. В результате этих исследований созданы и действуют перечни медицинских противопоказаний по более чем 2500 профессиям. Исследование это единственное в своем роде. Мне приходилось бывать на многих международных медицинских конференциях, и участники их всегда с неослабным вниманием выслушивали рассказ об этой работе. Так что врач, проводящий сегодня профессиональную консультацию, имеет возможность опираться не только на собственные знания, но и на результаты этих фундаментальных исследований.

Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что врачебная профессиональная консультация необходима не только тем, у кого есть отклонения в состоянии здоровья. Подросток может быть практически здоров, и все же нам, гигиенистам, приходится для него «налагать вето» на какие-то профессии; условия труда в них неблагоприятны для тех или иных особенностей его. Это вовсе не такой уж редкий случай. Недавно мы обследовали около 2500 учащихся 7—10 классов Ленинграда. В подавляющем большинстве это были практически здоровые, полноценные ребята. И все же для значительной части их (для 58 процентов) мы должны были выделить те или иные профессиональные ограничения.

Каких же видов труда касались эти ограничения и чем они были вызваны? Примерно третья часть их (31 процент) относилась к профессиям с неблагоприятными метеорологическими условиями труда — в горячих цехах, холодильниках, на открытом воздухе и т. п. Здесь мы были особенно строги: дело в том, что у подростка устойчивость к простудным, легочным, ревматическим заболеваниям меньше, да и протекают они тяжелее, чем у взрослого. Естественно, тех, кто склонен к этим заболеваниям, мы старались предостеречь от выбора профессии, неблагоприятной для здоровья. Замечу кстати, что порой молодые люди считают, к примеру, такие болезни, как тонзиллит, «пустяками» — и напрасно. Последствия здесь могут быть весьма серьезными; путь к ряду профессий в этом случае окажется закрытым.

Примерно четвертая часть ограничений касалась профессий, связанных со значительными физическими нагрузками. Причины «вето» здесь были разные; скажу лишь о некоторых. Нарушение осанки — нередкое еще, к сожалению, явление среди подростков. А в этих случаях большие физические нагрузки обычно недопустимы. Да и рабочая поза должна быть такова, чтобы она не усугубляла, а корректировала дефект. Но главное, я бы посоветовал родителям, быть внимательнее еще в ранние годы жизни ребенка и при первых признаках сколиоза или плоскостопия незамедлительно принимать меры.

По нашим наблюдениям, в старших классах многих школ очки необходимы почти трети всех ребят. Видимо, дома и в школе о гигиене зрения по-настоящему заботятся еще далеко не всюду. А ведь его дефекты сильно суживают возможности выбора про-

узнайте нас

фессии. Есть целый ряд занятий, при которых ношение очков недопустимо: подzemные работы, работа верхолаза и т. п. Да и такие массовые профессии, как слесарь или токарь, требуют точного зрения. В практике работы нашей консультации было немало случаев, когда к нам приходили за советом ребята, уже обучавшиеся или даже освоившие эти профессии, — и, увы, приходилось рекомендовать им переменить занятие: производительность труда у них была невысокой, они нередко допускали брак.

Вспоминаю такой случай из практики нашей консультации. Пришла к нам девушка, которая решила поступить на радиозавод монтажницей. Эту профессию она избрала для себя, исходя из того, что работа радиомонтажника выполняется сидя, в хороших условиях, не связана с тяжелым физическим трудом и нервным напряжением. Работа радиомонтажника представлялась ей интересной, поэтому она не посчиталась с тем, что ее часто беспокоили головные боли, сердцебиения и общая слабость. При медицинском освидетельствовании у нее были установлены начальные проявления гипертонической болезни и расстройства нервной системы.

Профессия монтажника сопряжена с длительным паянием сплавами, содержащими свинец. Воздействие свинца и его неорганических соединений способствует повышению артериального давления и может служить причиной заболеваний нервной системы. Таким образом, неблагоприятные влияния этой профессии в первую очередь будут направлены на те органы, которые у этой девушки особо восприимчивы и чувствительны к токсическим веществам и к свинцу в частности.

После длительных разговоров и разъяснений мы рекомендовали профессии сборщицы приборов и механизмов, ювелира, гравера, портнихи, переплетчицы, корректора, счетовода и учебные заведения гуманитарного, медико-биологического, торгового и финансово-экономического профиля.

Бывают случаи одновременно и грустные, и смешные. Помню, как очень долго пришлось беседовать с юношей, добивавшимся приема в студию художественного слова. У него было явно выраженное заикание, но тем не менее он, ссылаясь на пример Н. Черкасова и... Демосфена, утверждал, что выбор его вполне обоснован. Немало труда стоило доказать ему, что исключения, увы, чаще всего лишь подтверждают правило и что лучше ему попробовать свои силы в тех областях деятельности, где его недостаток не будет существенной помехой. Здесь мне хотелось бы дать вот какой совет и родителям и всем, кто так или иначе может повлиять на подростка при выборе профессии. Если мы знаем, что какие-то виды труда молодому человеку противопоказаны, нужно обязательно и заблаговременно об этом рассказать. Но не надо суживать дальнейший выбор, не надо ограничиваться указанием 2—3 известных профессий, которые для него доступны. В нашей консультационной практике мы всегда стараемся (об этом вы можете судить хотя бы по рассказанному мной случаю) указать подростку максимально широкий вариант возможных для него видов труда; главное, чтобы он знал, что все они будут ему по силам, а уж конкретный выбор он сделает сам, исходя из собственных интересов и склонностей.

Кто может помочь родителям и ребятам квалифицированным врачебным советом? Такую помощь при решении сложных и трудных вопросов выбора профессии могут оказать врачи подростковых кабинетов, врачи на предприятиях, промышленно-санитарные врачи санэпидстанций и, наконец, отделы гигиены труда подростков институтов гигиены труда и профессиональных заболеваний (такие институты есть в Москве, Ленинграде, Киеве, Новосибирске, Свердловске и ряде других городов страны).

Как расплакалась одна мама, когда классная руководительница посоветовала ей устроить сына в профтехучилище!

— Надоел вам! Избавиться хотите! Что он, хуже других, что вы стараетесь его в ФЗО спихнуть?

И никакие доводы — ни мои, ни педагога — в защиту ПТУ, в пользу ее сына, если он поступит туда, не помогли... Вот ведь не враг же она своему сыну, а не хочет понять, что среднее образование он и в училище получит, будучи, кстати, на полном государственном обеспечении, а в школе уже трудно заставить его учиться, пусть парень займется делом, которое интересует его.

А ведь та мама сама ткачиха, любит свою работу, гордится ею. Нескільки раз у нее вырывалось: «Я не боюсь остаться без работы, на ткачихах мир стоит, везде нужны!» А вот сыну она прививает неуважительное отношение к рабочим профессиям.

В прошлом году такое встречалось и среди многих учителей. Как-то так получалось, что учебные заведения системы профтехобразования, возникшие на основе ФЗО, не дающие несравнимо более высокую подготовку, нежели богатые живущие и духовно, и материально, пересекались со школами только в трудных случаях воспитания...

Мы теперь делаем так: подаем учителям наш автобус и везем по своим училищам. Поначалу эти мероприятия не вызывают у них особого энтузиазма. Один заведующий роно сказал даже учителям (правда, полшутя): «Вы не слушайте их, а то останемся без девятих классов».

Но метаморфозы начинаются обычно уже с первого училища. Если, предположим, железнодорожное еще не всех заинтересовало (особенно педагогов-женщин), то в училище связи никого невозможно вовремя собрать к автобусу. Учителя с интересом и удивлением оглядывают добротную мебель, особые («Не как у нас!») учебные столы, открывают слюнные, во все стены классов, шкафы с наглядными пособиями, инструментами, рассматривают преподавательские пульта управления, оцетинившиеся разноцветными кнопками, автоматически включающую киноустановку, чистые, уютные комнаты общежития и многое, многое другое. Беседуют с учащимися, мастерами, преподавателями, заходят в библиотеку, выставочный зал училища и уже забывают о своем «потерянном» времени.

«Пробраться» к родителям труднее. Как собрать их в аудиторию? Мы бьемся над этим уже долго, но пока безуспешно. Пробиваемся к родителям «по частям»: то на родительском собрании побеседуешь, расскажешь о наших училищах, то на заводе или фабрике в цехе встретишься. И все больше убеждаемся, что очень и очень многие никакого представления не имеют о том, что же такое современное профессионально-техническое училище. Во-первых, оно готовит не просто рабочего, а рабочего высокой квалификации, во-вторых, в большинстве случаев дает кроме специальности среднее образование. В-третьих, располагает всем необходимым для духовного и физического развития юношей и девушек. Но главное, что очень мало знают о рабочих профессиях сами дети. Пока что их представления определяются той самой угрозой: «Если не будешь хорошо учиться...» И уж если говорить правду, эта угроза приводится в исполнение, когда учение действительно основательно запущено. Но все дело в том, что для овладения современной специальностью и нам должны прийти люди с твердыми знаниями основ наук, а не те, кому натянули отметки, лишь бы «выпустить» из восьмого класса.

Поэтому нам кажется очень ценным, что в нескольких школах проводят интересный эксперимент — вводят уроки ознакомления с профессиями. Встречи со школьниками, их родителями, педагогами подтверждают: да, урок такой нужен — и не позже, чем с пятого класса.

У нас рождается научно обоснованная профессиональная ориентация. Но даже самое подробное ознакомление с профессиями и самое точное определение, к какой специальности у того или иного подростка больше всего склонности и способностей, еще не все. И школьники, и их родители должны хорошо знать, где и как приобретают различные рабочие специальности. Пропаганду профессий нужно связать с показом возможностей, которыми располагают профтехучилища. Нужна тесная деловая связь их со школами и с семьями.

Д. МИРОНОВА,
методист по профориентации методкабинета
Госкомитета Совета Министров Латвийской ССР
по профессионально-техническому образованию

ТОЛЯ И ЕГО БРАТЬЯ

Как всегда, я прохожу по спальням. Вот уже второй день вижу, как Толя Попов старательно вытирает пыль. Спрашиваю: «Что это ты все время с тряпкой?» Оказалось, что он дежурит вместо своих старших братьев — Славика и Гриши. Очередь-то их, но они заставляют Толю. Сначала — один, потом — другой.

Толя Попов больше чем кто-либо другой волнует воспитательницу Тамару Ивановну. Нет, он не доставляет ей неприятности нежеланием учиться или плохим поведением. Толя — редкий пример добросовестности, трудолюбия и послушания. Для педагога, который больше всего заботится о внешнем порядке в группе, он очень удобен.

Но Тамару Ивановну как раз и беспокоят это послушание, эта чрезмерная исполнительность, это безответное усердие. Уж лучше бы он иногда побаловался, зато уж был бы, как другие, веселым и жизнерадостным.

На Толе лежит печать постоянной робости. Пожалуй, он куда лучше чувствует себя, если о нем никто не вспоминает, если не смотрят в его сторону или когда у него есть какое-то дело, которому можно полностью отдаться в одиночку. Создается впечатление, что перед тобой не ребенок с его открытыми страстями и живой непосредственностью, а умудренный опытом человек, наперед знающий цену каждой возможной ошибке.

Когда Толя дежурит по классу или спальне, то ни от кого не может потребовать — ему легче что угодно сделать самому, чем кому-то об этом напомнить. Некоторые ребята были не прочь воспользоваться таким покладистым характером и безотказностью своего одноклассника, и в первые дни жизни в интернате Толе приходилось многое делать за других. Он мыл крышки парт, убирал в тумбочках, иногда застилал кровати. Воспитатели из-за этого серьезно предупреждали ребят и подолгу беседовали с Толей.

Собственно, убедить детей в том, что нужно внимательно относиться друг к другу, не так уж трудно. Зато добиться, чтобы сам Толя хотел стать сильным и чувствовал себя равноправным среди товарищей, оказалось значительно сложнее.

— Мне нисколько не тяжело, — отвечал Толя, когда у него спрашивали, почему он выполняет не свои обязанности, — раз сказали, чего же не сделать...

Разговора не получалось, хотя Толя любил свою воспитательницу и радовался каждой встрече с ней...

Мы заметили, что особенно робел Толя, когда его старшие братья Гриша со Славиком приходили в класс или гостиную, чтобы позвать его на улицу, а возвращался в группу после встречи с ними расстроенный и печальный. Толя старался найти любой предлог, чтобы не идти вместе со всеми в кино, — ему, видно, мало нравилось быть в темном зале вместе со Славиком и Гришей, которые требуют, чтобы он сидел рядом.

Командуя Толей, они видели в нем лишь слабое существо, которое им полностью подвластно и ни в чем не возразит. Даже тяжелейшее горе в семье, которое случилось еще совсем недавно, нисколько не смягчило их и не вызвало чувства заботы о маленьком брате.

В школе-интернате живет немало сестер и братьев. Бывают иногда у них всякие осложнения в отношениях

между собой. Но чтобы дети, приехавшие из одного дома, не чувствовали своей родственной близости, а враждовали — такого никогда не бывало.

Именно в интернате родственные чувства у детей проявляются особенно ярко и полно. И это вполне объяснимо. Ведь как ни хороши условия в детском учреждении, но ребенку и подростку всегда не хватает очень важного и крайне необходимого — повседневного общения с отцом и матерью, с родными. Здесь старшие дети, как правило, раньше осознают свою личную ответственность за младших.

В домашней обстановке, пожалуй, не часто можно наблюдать, чтобы, например, подросток или юноша всякий раз присматривал за тем, как просыпается и ложится спать его младший брат или сестренка, как у них с уроками, застегнуты ли пуговицы пальто, не забыли ли они завязать шнурок ботинка. А в интернате это обычное явление, хотя, казалось бы, нельзя упрекнуть в недостатке внимания к детям ни педагогов, ни нянь. Здесь сильнее чувствуется и привязанность младших к своим более взрослым братьям и сестрам. Наверное, не всегда заметишь в обычной школе, чтобы на переменах малыши бегали в старшие классы и, ликуя от радости встречи, повисали на руках у своих близких.

Семь лет назад из-за скоростной смерти матери и тяжелого заболзания отца к нам приехали шестеро Блиновых. Тем, кто видел их в день приезда, было трудно представить, смогут ли потрясенные случившимся ребята привыкнуть к новой обстановке, особенно маленькие Галя, Валя и Миша. И, наверное, педагогам пришлось бы очень долго врачевать их душевные раны, если бы не пришли им на помощь сами же Блиновы — Таня, Илья и Коля. Едва кончались уроки, они шли играть с Галей, Валей и Мишей. А вечером, после ужина, укладывали малышей в постели и терпеливо ожидали, пока ребята уснут. Только тогда Таня, Илья и Коля возвращались к себе учить уроки.

Шли годы, ребята выросли. Один за другим получали аттестаты о среднем образовании. Когда старшая — Таня — поступила на соседний завод, не было такого дня, чтобы она не позвонила по телефону или не приехала в интернат. К каждому празднику она готовила братьям и сестрам подарки, а на выходные и каникулы обязательно увозила их с собой в город. Илья и Коля, окончившие школу через два-три года после Тани, став студентами, писали младшим письма, присылали посылки, а во время каникул приезжали в интернат...

И всем нам было очень странно, что Славика и Грише совсем было недоступно чувство родственной привязанности.

...Их привез отец. Он был расстроен и, потирая платком покрасневшие веки, рассказывал воспитателям о своей тяжелой судьбе. Вот уже второй год, как мать не встает с постели, а месяц назад ее парализовало. Присмотреть за ребятами совсем некому — близких родственников рядом нет, сам же он по неделям не бывает дома — все в командировках. Хотел сменить работу, чтобы не было разъездов, но ничего подходящего ему подобрать не смогли. Вот и пришлось, как

ни трудно, расстаться с ребятами. Отец, поминутно вздыхая, повторял:

— Что ж, видно, ничего не поделаешь, придется жить порознь...

Ему рассказывали об условиях жизни в интернате, предлагали пройтись по детскому городку и самому убедиться, что его ребятам здесь не будет плохо.

Сколько помнят воспитатели, еще не было случая, чтобы кто-то из родителей не посмотрел классы, гостиные, спальни, столовую и другие помещения. Что бы там ни говорили, а хочется самому узнать и проверить — ведь здесь теперь жить его ребенку. А отец Славика, Гриши и Толи отказался пройти даже по коридорам школы. Ссылаясь на занятость и спеша в дорогу (хотя до отхода ближайшего поезда оставалось около четырех часов), он не стал ожидать, пока переоденут детей. Он и с сыновьями не попрощался как следует, а только сказал: «Ну, я пошел. Смотрите тут...»

И дети слишком уж спокойно отнеслись к отъезду отца. Даже маленький Толя, который чувствовал себя очень сиротливо, продолжал сидеть, опустив голову.

...Уже первые дни убедили воспитательницу Толика Тамару Ивановну, что в его характере и поведении решительно нет ничего общего с братьями.

Для второклассника Толя вполне прилично читал, умел хорошо писать и считать. Но эти знания можно было обнаружить не на уроках, а когда Толя оставался один с учительницей, да и то не сразу: требовалось большое терпение, чтобы мальчик поборол свою скованность. В присутствии же своих одноклассников он так терялся, что не мог говорить. Лишь на третий месяц Толя стал отвечать на занятиях со всем классом. Но говорил очень тихо, иногда переходя на шепот. Учительница поговорила с ребятами, и надо было видеть, какая стояла в классе тишина, когда вызывали Толю. Постепенно он ободрился и приобрел репутацию хорошего ученика.

Славик же с Гришей вошли в новый класс с такой смелостью и непринужденностью, будто им здесь было все давно знакомо. Они не ожидали, когда учительница скажет, где им садиться, а сами выбрали парту в углу комнаты, бесцеремонно предложив двум мальчикам перейти на другое место.

Толя очень стеснялся ходить в столовую. Ему казалось, что на него здесь смотрит буквально каждый, наблюдая за тем, как он сидит, как ест, правильно ли держит вилку и ложку. О каком-то нормальном аппетите тут не могло быть и речи. Встречающиеся педагоги, врач и дежурные по кухне обычно только и слышали: «Я сыт... больше не хочу». Несколько спокойнее стал чувствовать себя Толя лишь после того, как воспитательница взяла за правило всегда находиться с ним за столом. «Ну-ка, ребятки, давайте дружнее, — говорила она. — Кто сегодня похвалит тетю Клаву? Она ведь старалась».

Постепенно и Толя становился спокойнее и живее.

Славик и Гриша ели с завидной проворностью, жадно и много, ни на кого не обращая внимания. А вот работать они не любили, уклонялись от всяких обязанностей и поручений. Даже такие дела, как утренняя физ-

зарядка, мытье рук и лица, уход за своей одеждой и обувью, были для них в тягость.

Толя близких знакомств не заводил, ребят сторонился. Но в классе и группе быстро заметили, что он хотя и странный, но хороший мальчик, и многие как могли выражали ему свое внимание, даже готовность к дружбе. Правились ребятам и Толина привычка никому не мешать, его умение слушать других, со всеми соглашаться. Чуткие детские сердца вскоре обнаружили и оценили трогательно-нежную натуру мальчика, несмотря на его замкнутость. А когда девочке из их класса прислали телеграмму о тяжелой болезни мамы, Толя даже заплакал...

А Славик и Гриша уже перескандалили и подрались с десятками детей. Стоило кому-то из учащихся не подчиниться их требованиям, как Поповы сразу же бросались с кулаками, не разбирая, кто перед ними — мальчик или девочка, ровесник или ученик из младшего класса. Особенно были неприятны им постоянные хлопоты «жалобщиков» о всяких, по их мнению, пустячных вещах — вроде отметок за санитарное состояние спален, удачного номера к выступлению на утреннике или хорошо оформленного стенда. Они насмехались над теми, кого хвалили за успехи в учении, в пионерской работе или за добросовестно выполненное поручение педагога. Но Славик и Гриша понимали, что в открытую обижать ребят нельзя. И они действовали исподтишка.

Зная характер братьев Поповых, их озлобленность, упрямство и стремление к полной независимости, педагоги решили пока не выносить их поведение на обсуждение ребят. Они надеялись, что так будет лучше. Ведь обстановка взаимной требовательности и уважения для этих ребят непривычна. И педагоги думали, что именно терпеливое и многократное разъяснение правил и норм поможет им быстрее осознать всю нелепость своих поступков и убедиться, что нужно уважать товарищей.

Но усилия педагогов пока результатов не давали, и старших Поповых по-прежнему звали братьями-разбойниками.

Что же это за характеры такие? Почему двое дики, как волчата, и все норовят кусаться и огрызаться, а Толя подавлен и несамостоятелен? Родные братья, росли в одной семье...

А о семье-то мы ничего и не знали.

Отец ни разу не навещал детей, а на приглашения отвечал, что занят. Потом, уже в конце учебного года, он сообщил о смерти матери. Но написал он об этом спустя месяц после похорон. Еще он прибавлял: «Пусть ребята побудут лето в вашем пионерском лагере. Дома за ними смотреть некому. Я пока приехать не смогу».

Все это усиливало прежние сомнения и порождало новые. И мы решили послать к Попову Тамару Ивановну.

...Встретиться с ним ей не удалось. На дверях избы висел замок. Было видно, что жилье заброшено давно: стекла потемнели от пыли, огород зарос бурьяном. В конторе колхоза Тамаре Ивановне сообщили, что хозяин дома совсем уехал из деревни. Куда — точно ни-

С. ФАЙНБЕРГ,
кандидат медицинских наук

кто не знает. Но всем была хорошо известна жизнь семьи Поповых до того, как опустела эта старая изба.

Уже в первые годы после свадьбы, когда молодая красивая хозяйка была здоровой, люди поняли, что в этой семье нет ладу и согласия. Попов устраивал скандалы, стал запивать, частенько не ночевал дома. Терпеливая и спокойная жена никому не жаловалась. Она надеялась, что с появлением сыновей муж образумится. Но ничего не улучшалось. На Попова не влияли ни советы товарищей, ни предупреждения правления колхоза. Думая, что поводом для этих разговоров были «доносы» жены, он лютовал еще больше. Напуганные дети, боясь попасть под руку пьяному отцу, едва услышав его голос, прятались где кто мог, а Толя, трясаясь, забирался под одеяло к больной матери. Не будь близко соседей, трудно сказать, чем бы это могло всякий раз кончиться.

— Вот вы тут интересовались, почему Толик запуган, а Славка с Гришкой такие зловредные, — обращалась к воспитательнице семидесятилетняя бабушка. — Какими же им быть?.. Они другими-то и не могли получиться в этом доме...

«Какими же им быть? Они другими-то и не могли получиться...» — эти слова старой женщины, у которой Тамара Ивановна провела ночь, не выходили из головы. Тамара Ивановна вспоминала рассказы соседей, как Славик и Гриша, всегда дрожавшие от взгляда отца, вскоре стали подражать ему. Те же замашки командовать и распоряжаться, та же бессовестность и грубость. Копируя отца, которого они, конечно, не любили, да и не могли любить, Славик и Гриша так же, как и он, обзывали мать лежебокой и нахлебницей. Они на ее глазах дразнили Толю, изводили его всякими придирками и пробовали бить.

Ясно представила воспитательница и положение младшего ребенка, похожего на мать и лицом, и характером. Он испугался. Испуг от одной дикой сцены перерос в испуг вообще, в боязнь всего и всех, переплавился в суетливое рабское желание погасить гнев собственной покорностью.

Разные получились натуры. По-разному отразилась на них тяжелая домашняя обстановка, отобрав у каждого много невозвратимых лет и возможностей здорового и радостного детства.

...Мы много думали над рассказом Тамары Ивановны. Думали о том, сколько вреда может принести один человек, забывший о том, что такое быть отцом, главой семьи... Но теперь, поняв, что у детей Поповых нет ни матери, ни отца, мы еще больше думали о способах выправления их характеров.

О результатах нашей работы говорить еще рано: трудно и сложно дело перевоспитания, в нем нельзя утешаться частной удачей, нельзя и отчаиваться. Толик наш стал чаще улыбаться и уже не так мучительно краснеет, когда Тамара Ивановна привлекает его к себе. На днях я видел, как вместе со всеми увлеченно работали в саду Гриша и Славик...

г. Смоленск

...У меня в кабинете (первый раз на приеме) малыш, которому еще нет и трех лет. Осматривая его, я освещаю фонариком с электромотором его зрачки, чтобы проверить, как они реагируют на свет. Ребенку интересны шум моторчика и зажигание лампочки, и он требует:

— Еще!

Я повторяю.

— Еще!

Я снова повторяю.

— Еще!

— Хватит, — говорю я. — Давай смотреть тебя дальше.

— А я еще фонарик хочу.

— Не капризничай, дай себя посмотреть.

— Я тебе такой фонарик куплю, — внезапно вмешивается мать.

Ребенок замолкает, я осматриваю его с головы до ног, потом он выходит с бабушкой за дверь...

— Такой фонарик, — говорю я матери, — продается в магазине электротоваров.

Мать смотрит на меня с нескрываемым удивлением.

— Да что вы, доктор, шутите? Зачем я такому малышу куплю фонарик с мотором? Ведь он им пользоваться не может.

— Я сам не знаю, зачем ему нужен такой фонарик. Но ведь вы ему обещали.

— Да что вы, не понимаете — я обещала, чтобы он не капризничал и дал себя осмотреть.

— Но он дал, значит, надо купить.

— Нет, вы просто смеетесь надо мной. Я за это куплю ему апельсин.

— Не выйдет, — говорю я твердо. — Конечно, разумнее и дешевле наградить малыша апельсином, а не фонариком, но тогда и надо было обещать апельсин. А раз вы обещали такой фонарик, пока вы не купите его, я беседовать с вами о ребенке не буду.

Через день мать раздраженно бросает мне на стол новый, но уже вдребезги разбитый фонарик.

— Раз стукнул — и все, а он пять рублей стоит.

Конечно, малышу не нужен был фонарик, которым он и пользоваться не мог. Мне нужно было заставить мать понять — нельзя бездумно разбрасываться словами; обещание, данное ребенку, никогда не должно быть нарушено.

Обычно педагоги говорят: не будете выполнять то, что обещали ребенку, вам верить не будут.

Это, конечно, правильно. Но необходимость обяза-

„не давши слова, крепись, а давши, держись ...“

тельно выполнять данные ребенку обещания имеет и значительно более глубокое обоснование.

Сначала — немного теории.

Как установил еще И. П. Павлов, существуют две так называемые сигнальные системы.

Первая имеется и у человека и у животных: это реакция на конкретные, чувственные раздражители — вид, звук и т. п. Если человеку или собаке показывают пищу, у них выделяется слюна. Если замахиваются палкой, и человек и собака отскакивают.

Но у человека есть еще и вторая сигнальная система, которой нет у животных. Человек реагирует не только на вид, звук, запах вещей, но и на их символическое, словесное обозначение; основным средством человеческого общения служит слово, а не «прямые» раздражители.

Вторая, высшая, специфически человеческая сигнальная система развивается у ребенка постепенно. Чем лучше развита вторая сигнальная система, тем ребенок, как правило, психически полноценнее, легче владеет своими эмоциями и, главное, тем легче дается ему обучение, так как подавляющая масса необходимой ребенку информации поступает при обучении через вторую сигнальную систему.

Теперь вернемся к практической стороне вопроса. Развитие второй сигнальной системы основано на непрерывной связи слова с адекватным, то есть соответствующим, ощущением. Для того чтобы словесный сигнал был действенным, необходимо его подкрепление тем реальным раздражителем, на который указывает слово. Иначе сигнальное значение слова утрачивается, оно становится лишь «сотрясанием воздуха».

Теперь вы можете яснее понять, почему каждое обещание, данное ребенку, обязательно должно быть выполнено, и не в 90 процентах, а в 100 процентах случаев.

Если вы сказали, что купите мороженое, вы должны дать ребенку именно мороженое (не заменяя его ничем другим), то есть слово «мороженое» должно быть поддержано реальным ощущением этого лакомства.

Конечно, то же самое относится и к предостережениям и угрозам. Если вы пригрозите ребенку каким-нибудь наказанием, оно (и именно оно, а не другое наказание) обязательно должно быть применено. (Здесь мы сознательно не касаемся вреда запугивания вообще, так как это не входит в разбираемую сегодня тему).

...Ко мне на прием мать приводит пятилетнюю де-

вочку, по ее словам, крайне нервную и непослушную, которая совершенно не обращает внимания на слова, просьбы или угрозы матери, ничему не подчиняется, делает все, что ей захочется. Мать не понимает, почему она не может справиться с дочкой.

Я начинаю осматривать девочку. Во время осмотра она, балуясь, высунула язык. И вдруг мать закричала: «Сейчас тебе доктор язык отрежет!» Несмотря на все мои категорические установки о необходимости выполнять все обещания, язык я девочке, как вы понимаете, не отрезал.

Несколько вопросов, несколько минут беседы, и стала ясна причина непослушания. Мать ежедневно по многу раз в день грозила абсолютно невыполнимым: собака загрызет, ноги сломаешь, до смерти изобью и т. п. И дочка привыкла, что за словами нет ничего реального, что это пустой звук. Сигнальное значение слов исчезло, управлять поведением девочки стало невозможно; отсюда и все последствия в виде нервозности, непослушания и даже частичной задержки развития.

Итак, раньше, чем что-либо обещать ребенку, хорошо подумайте, можете ли и хотите ли вы выполнить обещанное; раньше, чем пригрозить чем-либо, подумайте, будете ли вы и нужно ли выполнять эту угрозу. «Отмерьте» семь раз, прежде чем «отрезать». Хотя бы и словом.

Старайтесь, чтобы с языка не слетало лишнее обещание или тем более угроза. Но если они произнесены, то должны быть и осуществлены, и именно в том виде и степени, как были обещаны.

«Не давши слова, крепись, а давши, держись», — говорит мудрая пословица.

Неуклонно, без единого исключения, выполняя все обещанное ребенку, вы разовьете у него связь слов с ощущением, укрепите высшую, человеческую, вторую сигнальную систему и тем самым обеспечите спокойствие, послушание, успехи в учении.

возраст и общество

И. КОН,
доктор философских наук

Именно в обществе сверстников ребята овладевают важнейшими навыками коллективного поведения, и влияние его — будь то школьный класс, комсомольская организация или просто дружеская компания — исключительно велико. Во многих случаях оно существенно перевешивает влияние родителей, не говоря уже об учителях. Т. Н. Мальковская, изучившая большую группу ленинградских старшеклассников, нашла, например, что почти все они предпочитают проводить свой досуг вне школы (99,4 процента) и вне дома (92,7 процента). Характерно, что в свои любимые занятия ребята посвящают в основном товарищей и друзей (78,8 процента), реже — родителей (15,5 процента) и совсем редко — учителей (3,5 процента). В другом исследовании, посвященном нравственным идеалам и жизненным планам десятиклассников Нижнего Тагила, выяснилось, что мнением классного коллектива очень дорожат 44 процента опрошенных юношей, дорожат, но не очень — 48 процентов, не дорожат — 8 процентов; в отношении мнения комсомольской организации аналогичные ответы составили соответственно 46, 47,6 и 6,4 процента, а в отношении мнения учителей — 28,7, 53,5 и 17,8 процента. По данным Мальковской, 63 процента школьников занимаются общественной работой, но каждый третий недоволен недостатком самостоятельности в ней, излишней опекой со стороны взрослых и т. д.

Влияние семьи ограничивается не только обществом сверстников, но и тем, что многие свои идеалы и ценностные ориентации ребята черпают из книг, радио, телевидения. При этом основными источниками информации о новинках художественной литературы у ленинградских школьников являются газеты, журналы, радио, телевидение, библиотеки, в меньшей мере — родители и друзья и совсем незначительно — учителя.

Конечно, можно сказать, что все это — следствие неумения или невнимания взрослых. Но речь идет о массовых явлениях, свидетельствующих о громадном усложнении процесса воспитания и о росте автономии молодежи от старших. Когда личность формируется в результате пересечения множества различных воздействий — семья, учитель, сверстники, комсомол, книги, средства массовой информации и т. д. — управлять этим процессом и предсказать его результат гораздо труднее, чем там, где все воздействия складываются в единую иерархическую систему.

Недаром современная педагогика сама учит родителей и всех вообще воспитателей, даже когда речь идет о маленьких детях, не опираться просто на свой авторитет («я так сказал, — значит, так и должно быть»), а обосновывать его логически, доказывать правильность своих решений.

Люди, которым не нравится «распушенность» современной молодежи (кстати, жалобы на распушенность молодежи, угрожающую якобы гибелью общества, были всегда, начиная, по крайней мере, с античной Греции), возлагают вину за это на чрезмерно либеральную, по их мнению, систему воспитания. Но на самом деле принципы воспитания производны от социальной системы, а никак не наоборот. Человек, воспитанный в жестко авторитарном духе, просто не справится с теми многообразными, сложными и быстро меняющимися ситуациями, в которые ставит его современная жизнь. Да и вообще воспитание детей не может строиться на совершенно иных принципах, нежели общество взрослых.

В современном обществе возрастные границы не совпадают с социальными. Общественное положение и престиж не являются у нас функцией возраста. Ко-

Окончание. Начало в № 6.

нечно, более опытный руководитель менее опытными. Но право на руководство определяется не только и даже не столько числом прожитых лет, сколько образованием, знаниями, способностями. Молодой инженер может оказаться на работе начальником собственного отца и его сверстников. В науке талантливый ученик часто перегоняет в достижениях, а как следствие этого — в званиях и общественном престиже — собственного учителя. Что же касается досуга, развлечений, моды, то здесь вообще гораздо чаще старшие следуют примеру младших, чем наоборот. По данным Б. А. Грушина, 16—24-летние обладают гораздо более богатой структурой досуга, чем старшие возрастные группы (оно и понятно — у них меньше других обязанностей).

Но оборотной стороной этой демократизации отношений отцов и детей является некоторая неопределенность самих возрастных границ. Когда человек становится взрослым? Паспорт он получает в 16 лет, избирательное право — в 18, брачный возраст в РСФСР также установлен в 18 лет. Между тем общественное мнение нередко не считает за взрослых даже двадцатилетних.

И дело вовсе не в том, что кто-то чего-то не подумал и требуется издать соответствующую инструкцию. Некоторая неопределенность статуса юности отражает сдвиги в реальном положении вещей.

С одной стороны, вследствие общего ускорения (акселерации) своего физического и психического развития современные дети раньше созревают. Как показывают медико-статистические исследования, половое созревание подростков в большинстве развитых стран происходит сейчас в среднем на 2—3 года раньше, чем в прошлом столетии. Ускоряются и прочие процессы развития и роста.

С другой стороны, начало самостоятельной трудовой жизни отодвинулось, так как существенно удлинились, по вполне понятным причинам, сроки общего и специального образования. Это не может не сказываться на наших представлениях о взрослости и на собственном самосознании молодежи.

Нам трудно провести четкую границу не только между юной и взрослой, но и между юной и подростком. Нередко подростками называют молодежь до 18 лет. Так обстоит дело не только у нас. Английское слово «*adolescent*» обозначает одновременно и подростка и юношу. Понятие «*teenager*» охватывает молодежь от 13 до 19 лет (само слово происходит от окончания «-надцать» — *teen*, которое в английском языке, в отличие от русского, характерно для числительных начиная с 13). Но 17—18-летние юноши не любят, когда их называют тинейджерами, смешивая тем самым с подростками. Еще менее определенно понятие молодости, границы которой по мере увеличения продолжительности жизни все время раздвигаются, так что молодыми людьми — кто с завистью, кто снисходительно — именуют порой даже сорокалетних.

И это тоже имеет объективные основания. Как известно, средняя продолжительность жизни в нашей стране выросла с 32 лет в 1913 году до 70 лет в настоящее время. Вряд ли надо доказывать прогрессивность этого процесса. Но, как и всякий иной социальный процесс, это ставит перед обществом и некоторые вопросы. Во-первых, необходимость продлить не только жизнь, но и работоспособность человека. Во-вторых, необходимость гармонически сочетать людей старшего возраста и молодежь.

Известный французский демограф Альфред Сови подсчитал, что в конце XVIII века средний возраст детей в момент смерти одного из родителей был 16 лет, их средний возраст в момент смерти второго из родителей был 32 года, средний возраст ребенка, когда

умирал его отец, равнялся 20 годам. Сегодня у 20-летнего молодого человека чаще всего живы оба родителя, а часто и деды. Над ним, так сказать, стоят два еще вполне жизнеспособных поколения. Именно это позволяет обществу продлить период детства и юности. Но есть и другая сторона вопроса. Человек по-настоящему созревает только тогда, когда он сам становится ответственным за собственную жизнь. Чрезмерное затягивание детства чревато опасными последствиями. У молодых людей, не участвующих в серьезной общественной деятельности, не вырабатывается присущее взрослому человеку чувство ответственности. Их активность — а юность всегда деятельна — может направиться по антиобщественным каналам, выливаясь в пьянство, хулиганство, всевозможные формы преступности. Вместе с тем привычка к постоянной опеке воспитывает внутреннюю потребность в ней, нерешительность, инфантильность, неспособность к самостоятельным решениям, и это не менее опасно.

«Конфликт поколений»? Неразрешимая проблема? На Западе, особенно в связи с недавними студенческими волнениями, усиленно муссируют тему, изображая молодежь чуть ли не как «особый класс», противостоящий остальному обществу. Но надо уметь отличать реальные проблемы от фикций буржуазной пропаганды.

Идеологический конфликт по самой природе своей не может быть конфликтом возрастным. Размежевание основных общественных сил в классовом обществе идет не по возрастному, а по классовому признаку. В каждом поколении были и свои революционеры, и свои реакционеры. Одна часть молодежи продолжает прогрессивные традиции, другая — реакционные, но и те и другие имеют своих «духовных отцов», черпают идеи и образцы поведения у старших.

Так называемая юношеская «подкультура», о которой много пишут на Западе, как и культура буржуазного общества в целом, также не является единой и не отменяет классовых различий. Нелепо говорить об одинаковом образе жизни буржуазной «золотой молодежи», беснующейся от скуки, и пролетарской молодежи, вынужденной вести повседневную борьбу за хлеб насущный. «Единая молодежь» в классовом обществе — не более чем пропагандистский миф; сообщество парней «на углу улицы» качественно отличается от «братства» студентов привилегированного университета или колледжа.

Хотя имущественный ценз скрывается за цензом образовательным, социальное неравенство проявляется во всем. Австрийские социологи, изучая культурные интересы 15—17-летних юношей в Вене и Нижней Австрии и желая сопоставить ориентации молодых рабочих с ориентациями учащихся средней школы того же возраста, нашли, что из 897 старшеклассников только 7 процентов происходили из рабочих семей.

Во Франции в 1966 году на тысячу студентов приходилось только 94 человека детей рабочих и 58 крестьянских детей. В ФРГ рабочие составляют половину населения. Однако среди учащихся средних школ дети рабочих составляют 8 процентов, среди студентов технических училищ — 17 процентов, среди студентов высших школ и университетов — 5 процентов. И не потому, что они менее способны. Проверка способностей и знаний учащихся в 254 школах Баварии показала, что 44 процента обследованных детей вполне достойны и способны продолжать учебу. Но... мешают социальные условия. Причем влияет не только наличие или отсутствие материальных средств, но и психологические установки, существующие в семье и ближайшем окружении, то есть насколько важным считается там продолжение образования. А отсюда, из неравенства возможностей — и неодинаковость притязаний, и разница

в культурных запросах, и расхождение в политических взглядах.

Экономическое соперничество поколений при капитализме — также выражение других, более глубоких социальных противоречий. Когда старый рабочий не может найти себе работу, ему может казаться, что причина этого в том, что слишком много на очереди более молодых и сильных. Когда юноша не находит себе достойного применения (кстати, процент безработных среди молодежи, как правило, выше, чем среди старших возрастов), он может думать, будто беда в том, что лучшие места заняты «стариками». На самом же деле эта конкуренция между поколениями — только внешнее выражение законов капитализма, от которых равно страдают и молодые и старые. Уничтожьте безработицу — и конкуренция исчезнет.

Это убедительно показывает опыт нашей страны.

Конечно, сдвиги в характере производства и в системе общественных отношений сказываются на взаимоотношениях возрастных групп и при социализме, предопределяя специфическое распределение социальных позиций. В годы революции и гражданской войны в СССР 20-летние нередко командовали дивизиями, а позже становились командирами индустрии. Это было время, когда от революционеров требовались прежде всего смелость, решительность, цельность характера, готовность на жертвы, то есть те качества, которыми в полной мере обладает молодежь. Но и тогда рядом с молодыми командирами и комиссарами нередко стояли более искушенные в специальной стороне дела военные и технические специалисты. А чтобы стать специалистом, нужны не только способности, но и время.

Сегодня задачи по руководству хозяйством и страной в целом чрезвычайно усложнились. Решать их можно только на основе науки, один энтузиазм тут не поможет. Отсюда — естественное повышение среднего возраста руководящих работников в большинстве сфер хозяйственной и политической деятельности. Сейчас трудно представить себе 20-летнего генерала или начальника главка. Значит ли это, что молодежь вытесняется на вспомогательные роли? Вовсе нет! Быстрый темп общественного развития вызывает к жизни все новые сферы деятельности и отрасли труда, которые по самому своему характеру больше всего подходят для молодежи. Молодежь играет главную роль на всех новостройках, в освоении новых земель и т. п. Молодежь занимает ведущие места в новейших, наиболее быстро развивающихся отраслях науки и техники. В настоящее время половина всех научных работников СССР — люди не старше 30 лет. Громадную общественно-политическую роль играет комсомол, объединяющий 27 миллионов юношей и девушек, три четверти которых — моложе 22 лет. Социалистическое общество предоставляет молодежи самые широкие и разнообразные возможности для творческой деятельности. XVI съезд ВЛКСМ особо подчеркнул важность выполнения молодежью ленинского завета — быть ударной группой коммунистического строительства, активно участвовать в решении важнейших народно-хозяйственных задач, выдвинутых партией.

Но отсутствие глубоких идеологических и социально-экономических конфликтов не означает, что можно безнаказанно игнорировать социально-психологические различия поколений. Такие различия имеются и неизбежно увеличиваются по мере ускорения общего темпа жизни.

При медленном темпе жизни разница между отцами и детьми мало заметна, они живут в одной и той же социально-культурной среде. В современном обществе эта разница очень велика. Десяти лет в XX веке значат больше, чем сотни лет в начале нашей эры. Ме-

няются художественные вкусы, моды, обычаи. Ни одежда, ни танцы, ни специфический жаргон современной молодежи не похожи на те, что были перед войной, не говоря уже о 20-х годах. Эти, по-своему существенные, выражающие какие-то социальные сдвиги различия вовсе не отменяют преемственности и общности коренных проблем и традиций нескольких поколений. Но сама эта преемственность реализуется именно через многообразие и различия. В. И. Ленин подчеркивал, что молодежь «по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы». Передача революционных традиций предполагает их дальнейшее творческое развитие применительно к новым историческим условиям и задачам.

Но каждый возраст имеет свои собственные предрасудки. Дети вообще, в силу особенностей возраста, склонны преувеличивать оригинальность собственного опыта (для них все и вправду ново, и им кажется, что никто до них не умел ни так любить, ни так страдать, ни так понимать поэзию).

А отцы, находясь во власти вкусов и привычек собственной молодости, склонны порой абсолютизировать эти привычки и вкусы, отказывая своим детям в том самом праве на самостоятельное творчество, которого они в свое время требовали у собственных родителей. Ничего не может быть нелепее, чем возводить в ранг «идеологических проблем» вопрос о ширине брюк или манере танца. Можно спорить об эстетических достоинствах той или иной моды, но смешно превращать ее в центральный вопрос эпохи. При Петре I штрафовали за бороду, а попробуйте представить бритого боярина при Иване Грозном!

Еще Гёте в «Фаусте» высмеял самоуверенность молодости, уверенной в том, что она все создает заново, и высокомерие старости, убежденной, что ничего измениться не может и все известно заранее. Молодой Бакалавр хвастливо заявляет, что только юность создает жизнь, притом совершенно заново:

*Куда хочу, протоптываю след,
В пути мой светоч — внутренний мой свет.
Им все озарено передо мною,
А то, что позади, объято тьмою.*

Старый Мефистофель иронически замечает на это:

*Ступай, чудак, про гений свой трубя!
Что б стало с важностью твоей бахвальской,
Когда б ты знал: нет мысли мало-мальской,
Которой бы не знали до тебя!
Разлившиеся реки входят в русло.
Тебе переберется суждено.
В конце концов, как ни бродило б сусло,
В итоге получается вино.*

И ведь оба они неправы! Новое возникает из старого, но будущее не является простым повторением прошлого. Из разного сусла и в зависимости от условий брожения получается разное вино...

Существующие различия между поколениями и некоторое снижение авторитета родительской семьи не следует преувеличивать. Тщательные экспериментальные исследования показывают, что влияние родителей на детей — подростков и юношей — остается очень высоким. Степень его зависит и от характера взаимоотношений в семье, и от сферы деятельности, и от более общих социальных условий. Когда речь идет об использовании досуга, модах, вкусах, выборе развлечений, книг, фильмов, форм общения — влияние сверстников, если оно расходит с влиянием родителей, как правило, перевешивает. Но в более глубоких проблемах — таких, как выбор профессии, общественно-политические взгляды, основные мировоззренческие ориентации, — авторитет родителей, особенно матери, гораздо сильнее.

Примитивный опросно-анкетный метод не дает в этом случае достоверных результатов. Дело не только в том, что молодые люди нередко преуменьшают влияние родителей вследствие невольного негативизма, желания подчеркнуть свою самостоятельность. Родительское влияние, заложенное в раннем детстве, настолько глубоко, что подчас даже не осознается. Отвечая на вопрос типа «Выработали ли вы свое мировоззрение благодаря своим родителям или независимо от них или вопреки им?», юноша вспоминает прежде всего конфликтные ситуации, впечатления от прочитанных книг, споров с товарищами. То, что впитано с молоком матери, настолько органично для него, что он даже не вспоминает об этом — ведь он «всегда» был таким. Но когда исследователи сравнивают ценностные ориентации детей и родителей, близость оказывается гораздо большей, чем это предполагали и те и другие. Даже в США, где проблема эта особенно остра, только один из каждых десяти обследованных студентов колледжей (1965—1966 гг.) придерживался политических взглядов, радикально отличающихся от взглядов своих родителей; молодые люди гораздо чаще *заостряют* позицию старших, чем занимают противоположную позицию.

К тому же конкретные взаимоотношения детей и родителей во многом определяются общим духовным климатом общества, степенью его идеологической сплоченности. Ученые-психологи предлагали примерно одинаковым группам подростков-шестиклассников в США и в СССР воображаемые ситуации, позволявшие проверить их склонность участвовать в действиях, не одобряемых общественной моралью (жульничать при тестировании, отрицать свою ответственность за причиняемый материальный ущерб и т. п.). Оказалось, что американские школьники гораздо охотнее совершают такие поступки, нежели советские. И, что еще интереснее, хотя для советских подростков мнение сверстников так же авторитетно, как и для американских, направление этого влияния существенно различно. Когда американским школьникам говорили, что их друзья узнают об их поступках, противоречащих общепринятым нормам, это лишь стимулировало ребят к таким поступкам. У советских же подростков обнаружилась обратная тенденция, так как здесь подростковый коллектив разделяет основные ценности общества взрослых, исходит из тех же главных задач. Конечно, так бывает не всегда («ложное товарищество» и тому подобное). Но все-таки система ценностей нормального ученического коллектива представляет у нас скорее специфическую вариацию системы ценностей «взрослого» общества, нежели ее отрицание.

Таким образом, усложнение механизмов социализации ребенка и изменение взаимоотношений возрастных групп не лишает общество возможности целенаправленно воспитывать у молодого поколения нужные черты. Ослабление непосредственного влияния **конкретных** взрослых (родителей, учителей) восполняется усилением средств опосредованного общественного воздействия (книги, кино, телевидение), содержание которых легче планировать и направлять. Коммунистическое воспитание молодежи — общая задача семьи, школы, пионерских и комсомольских организаций, литературы и искусства под руководством партии. Важно, однако, всесторонне продумывать и изучать стратегию этой работы, учитывая не только индивидуальные особенности ребенка и его конкретные взаимоотношения с родителями, учителями, сверстниками, но всю «социальную ситуацию развития» в широком смысле слова. И главное — всегда помнить, что воспитуемый не пассивный объект воздействия, а такой же субъект, как и воспитатель.

говорят дети

Дима, 5 лет.

Спрашивает:

— Этот палец как называется?

— Средний.

— А этот — старший? А этот — подготовительный?

— Пчелы мед делают и в магазин относят?

Эдик, 5 лет.

Летом в деревне увидел табун жеребят:

— Мама, смотри — лошадиный детский сад!

Саша, 3 года.

— Папа, ты меня чудесно любишь?

— Какие у плоскогубцев черствые зубы...

— Я думал, есть пуговицы взрослые, а они все маленькие...

Переодевается:

— Никак не могу рубашку из тела вынуть!

Упал. Сам себе говорит:

— Упал, несчастный...

Лариса, 2 года 6 месяцев.

— Я немножко открыла глаза и смотрела шепотом...

Записали наши читатели: Т. Белоносова (г. Петрозаводск), Л. Мухамедиева (г. Чирчик Узбекской ССР), Л. Гузенко (г. Одесса), Р. Лаевская (г. Киев).

[illegible]

Нужно заметить, что такое применение тестов вызывает резкий протест прогрессивной общественности тех стран, где проводятся подобные испытания. Книга Дж. Холта «Школа, не достигающая цели», глава из которой публикуется ниже, — еще одно тому свидетельство. Мы вполне можем присоединиться к негодованию, которое вызывает у автора подобное применение тестов. К тому, что пишет Дж. Холт, следует только добавить, что умственное развитие, выявляемое тестами Бинэ-Стэнфорд и рядом других, всегда и неизбежно есть результат условий жизни и воспитания ребенка; оно зависит в первую очередь от культурного уровня среды, из которой он приходит в школу. Понятно, что дети, воспитывавшиеся в семьях с относительно высоким уровнем благосостояния, — дети адвокатов, профессоров, крупных государственных служащих и т. п. — в массе стоят по умственному развитию выше, чем дети малоквалифицированных рабочих, фермеров, а особенно безработных. Все это представляется бесспорным. Но коварство тестов состоит в том, что, применяющие их, ходят из совершенно иной предпосылки. Утверждают, что с их помощью якобы можно определить не уровень развития, а природные данные детей. Но для такого предположения нет никаких оснований, ибо не существует способов, с помощью которых можно было бы вычленил, выделить в результатах тестов то, что определяется исключительно природными данными. Пренебрежение этим обстоятельством приводит к тому, что «способным», а значит, и предназначенным продолжать образование оказываются неизменно дети из обеспеченных слоев общества; для детей из «низов» этот путь в большинстве случаев оказывается закрытым. И дается это якобы на основании объективных психологических испытаний. Разумеется, психология тут ни при чем.

38

применяемых в школе, — тесты успешности, или достижений. Эти тесты есть, собственно, объективированные методы учета школьной успешности. Очевидно, пока в современной школе существует необходимость сравнения и учета успехов ребят, нужно работать над тем, чтобы способы такого учета были возможно более совершенными и объективными. Это неизбежный путь: ведь системы образования, в которой нет учета знаний, на деле пока не существует. Поэтому вряд ли можно согласиться с Дж. Холтом, когда он осуждает сам принцип таких испытаний. Тут его критика должна быть воспринята лишь как критика дурного использования тестов успешности. Конечно, не должно быть ни запугивания, ни натаскивания детей. К сожалению, натаскивание остается нашим врагом при очень многих формах учета знаний, и беда здесь, конечно, не в тестах. Напротив, в каком-то смысле они могут улучшить дело, если сумеют освободить учащихся от субъективизма и случайности при проверке знаний. Замечу, кстати, что построить тест успешности, чтобы он удовлетворял всем необходимым требованиям, — дело совсем нелегкое.

Наконец, в публикуемом отрывке речь идет о некоторых психологических исследованиях умственного развития дошкольника. Думается, что Дж. Холт не совсем правомерно связывает их с проблемой тестирования, да и критика его, в частности в адрес Ж. Пиаже, далеко не бесспорна. Но это уже тонкости, не имеющие к тому же непосредственного отношения к главному направлению полемических ударов Дж. Холта.

В целом же публикуемая глава безусловно заслуживает внимания читателя, интересующегося вопросами воспитания.

К. ГУРЕВИЧ,
старший научный сотрудник
Института общей и педагогической психологии
АПН СССР

Джон ХОЛТ

Почти все воспитатели сегодня уверены, что тесты — это необходимая часть образования. Я с этим решительно не согласен. В лучшем случае тестирование принесит больше вреда, чем пользы, в худшем — оно просто мешает развитию личности.

...В определенных обстоятельствах тесты необходимы. Если человек хочет играть в оркестре, стоит послушать, как он играет. Если он собирается работать с туристами, он должен показать знание иностранного языка. Если ему нужно получить разрешение заниматься проектированием, он должен доказать, что знания его в данной области достаточны и что выстроенное им здание не рухнет.

Похожие тесты люди устраивают сами, проверяя собственные знания. Музыкант исполняет гаммы и контролирует себя при помощи метронома. Игрок проводит массу времени на теннисном корте, тысячи раз повторяя удары, чтобы добиться необходимой точности. Студент проверяет свои знания с помощью карточек, отвечая самому себе на вопросы и сравнивая ответы

с образцом. Короче, всякую тренировку можно рассматривать как способ проверки, выявляющий мастерство и знания обучающегося.

Но тестирование в школах не имеет ничего общего с этим. Как правило, учащихся проверяют вовсе не для того, чтобы они доказали свою способность исполнять выбранную ими деятельность, не принося при этом вреда людям... Тестирование в школах проводится с различными целями, и надо заметить, что мы не всегда честны в этих своих целях. Для большинства — и для самих себя — мы, учителя, говорим, что мы подвергаем детей тестированию, чтобы узнать, чему равны их знания и что можно сделать, чтобы улучшить их. На 95 процентов это ложь. Тесты используются по двум причинам: первая — запугать учеников и заставить их действовать согласно нашему желанию; вторая — получить основание для раздачи наград и наказаний (на чем и держится наша образовательная система). Мне ясно одно: чем большие последствия влечет за собой использование определенного теста, тем меньше можно узнать с помощью его, и еще меньше он вдохновляет ученика в процессе обучения. Причин для этого много. Одна из наиболее очевидных и наиболее важных заключается в том, что внимание ученика, знающего, что о нем будут судить по результатам тестов, от изучаемого материала переключается на сами эти тесты; для него самым важным оказывается не изучаемый курс и не значение курса, а личность экзаменующего. Обучение из поиска превращается в борьбу разумов. Экзаменатор, кто бы он ни был, больше не наставник и не помощник, он враг.

Чувство, что тесты — ловушка, а экзаменатор — противник, я испытывал сам довольно часто, даже когда проверяющий не имел надо мной никакой власти. Один из моих студентов любил вырезать из газет и журналов клише «Проверь самого себя»; однажды он подскокил ко мне в школьном коридоре, размахивая листом бумаги: «Давайте посмотрим, насколько вы умны? Знаете ли вы, как водить машину?» и что-то еще в том же духе. В конце концов я почувствовал, что на меня нападают, что кто-то хочет сделать из меня дурака. Если учащиеся задают мне вопросы по этим самым вопросникам (а я редко позволяю это делать), то я ловлю себя, что при этом думаю примерно следующее: «Интересно, где здесь может быть ловушка? Что у него на уме, у этого парня?» Я на состязании, таком же нервном и напряженном, как и при игре в шахматы.

Если тестирование превращается в поединок с врагом, который появился из-за засады, чтобы уничтожить тебя, то законны все и любые средства, чтобы перехитрить его. Задача, стоящая перед учащимся, не из легких: узнать, что у учителя на уме, или заставить его думать, что ты знаешь то, чего на самом деле не знаешь. Во всяком случае, нельзя судить о ребенке на основании того, что ему во время проверки было не по себе — как, впрочем, и его учителю. Если об учителе судят по результатам, полученным во время тестирования, то он должен объединиться со своими учениками, чтобы перехитрить общего врага любыми способами.

Я занимался одно время с пятиклассниками, у которых были достаточно высокие показатели, согласно проверке минувшего года, но которые, как оказалось потом, не умели ни вычитать, ни складывать. Каким же образом были получены результаты? Благодаря усердному натаскиванию учителей. Мне и самому приходится этим заниматься. Я говорю при этом: «Не обращай внимания на то, что знает ученик, и на то, что он может подумать. Проследите, чтобы по этим проверочным тестам у детей были приличные отметки». Разве это не называется обманом?

Глава из книги Дж. Холта «*Underachieving school*» дается в сокращенном переводе из американского «Журнала для родителей» («*Parent's magazine*»), 1969, № 9.

Должна ли проверка тестами превращаться в ловушку?

Кто-то однажды сказал, что его учителей не интересовали его знания, они больше всего хотели обнаружить, чего он не знал. Это в основном так и есть, и не потому, что учителя злы, но потому, что сама система тестирования построена на отделении овец от козлий. Давайте рассмотрим проблему тестолога. Учащийся, знающий о предмете хоть что-нибудь, знает о нем достаточно, чтобы писать на данную тему часами. Я, к примеру, не изучал историю Америки с 8-го класса и быстро забыл все, что я учил. Как бы мало я ни знал или думал, что не знаю, я помимо воли нахватался отрывочных знаний во время беспорядочного чтения различной литературы. Если бы меня попросили написать все, что я знаю и понимаю в области американской истории, то получилось бы очень много страниц. Как можно проверить мои знания в этой области (не говоря, допустим, о человеке, который занимается историей) в течение часа или даже трех часов? Это невозможно. Если учитель даст своим ученикам тест, который позволит им показать, как много они знают, то время, отведенное на проверку, истечет скорее, чем запас информации у школьника; учитель вынужден будет оценивать всех своих учеников одинаково. Для того чтобы как-то провести отличие между ними, учитель должен задавать такие вопросы, на которые, по крайней мере некоторые, не смогут ответить. Короче, вам нужно будет обнаружить невежество, чтобы можно было «объективно» решить, кто же достоин поощрения и кто наказания.

Все это не единственная причина моего отрицательного отношения к тестам.

Тесты почти всегда деморализуют ученика, привыкшего работать медленно. Они благотворно влияют на интуитивно мыслящего, азартно относящегося к испытаниям человека и ставят в проигрышное положение тех, кто привык добросовестно и вдумчиво подходить к вопросам. Они особенно отрицательно воздействуют на бескойных учеников, которым важны результаты тестов. Из-за своей боязни они абсолютно не способны показать истинный объем своих знаний, и каждый тест, с которым они не справляются, увеличивает их страх перед следующим.

Может быть и так, что там, где тесты срабатывают лучше всего, они и приносят больше всего вреда. Мне приходилось беседовать со способными и успевающими учащимися о тестировании и классификации. Меня поразило, что многие из них говорили примерно следующее: «Но если нас не будут проверять и оценивать, как мы сами узнаем, выучили ли мы хоть что-нибудь?» Слышать такие признания печально. Я вспоминаю малышей двух-трех лет, которые постоянно сравнивали свой разговор с разговором людей вокруг. Я вспоминаю знакомых мне детей пяти-шести лет, которые учили себя читать, отмечая для себя каждое новое слово на странице, постоянно сравнивая то, что они делают, с тем, что уже сделано, то, что они не знают, с тем, что они знают. И я вспоминаю своих пятиклассников, сдающих мне работы по арифметике и взволнованно спрашивающих меня: «Правильно?» Они смотрят на меня как на сумасшедшего, когда я говорю: «А как ты сам думаешь?» Они уже сейчас верят, что правда не имеет ничего общего с реальностью или здравым смыслом. Правильно тогда, когда учитель говорит, что это правильно, а узнать это можно, только спросив учителя.

Пожалуй, самое большое зло, которое мы приносим детям, — это то, что мы не даем им научиться самим определять ценность чего-либо и, таким образом, разрушаем их веру в то, что они вообще способны на самостоятельные суждения.

Все, что я до сих пор говорил, относилось к ис-

пользованию тестов в системе обязательного обучения. Но у меня есть и другие возражения, относящиеся к системе, которой вообще не свойственны методы запугивания и принуждения. Эти возражения основываются на моих представлениях о природе мысли, знаний, обучения и образования...

...Даже если наше общество научится когда-либо ценить по-настоящему самопознание человека, все еще останутся причины, которые помешают проникнуть в сознание других людей, особенно если речь идет о детях. Обдумайте следующее описание небольшой части одного английского фильма, сделанного, чтобы выявить степень усвоения материала по арифметике в классе. Диалог в фильме смоделирован по экспериментальным задачам, разработанным известным швейцарским психологом Жаном Пиаже. Сцена показывает взрослого и мальчика шести или семи лет, перед которыми на столе лежат три тюльпана и шесть или семь маргариток.

Взрослый. Чего больше на столе — маргариток или цветов?

Ребенок. Маргариток.

Взрослый. Больше маргариток. Правильно. Мне просто интересно, не больше ли здесь цветов, потому что маргаритки — это тоже цветы, не так ли?

Ребенок. Да.

Взрослый. А тюльпаны — это тоже цветы?

Ребенок не отвечает.

Взрослый. Да?

Ребенок. Да.

Взрослый. В общем, и то и другое — цветы, но только вот эти маргаритки. Поэтому я и думаю, что цветов больше, чем маргариток.

Ребенок. ...

Взрослый. Это понятно?

Ребенок (после паузы). Нет.

Взрослый (улыбаясь). Так чего больше: маргариток или цветов?

Ребенок. Маргариток.

Когда я впервые прочитал об опыте Пиаже «часть — целое», мне показалась возможной ситуация, что дети сравнивали одну часть (маргаритки) из класса цветов с другой частью (тюльпаны), а не вообще с группой цветов. Это тот тип сравнения, который естественно провести, в котором есть хоть какой-то смысл. Больше того, если ребенок с самого начала понял вопрос «Маргаритки — цветы?», как и предполагалось, то он откажется от него как от глупого: он и в самом деле глупый. Если бы кто-нибудь спросил меня, кого в моей семье больше — мужчин или людей, я бы спросил в ответ: «Вы шутите?» или «Что вы имеете в виду?» Предположить, что спрашивающий хочет, чтобы я воспринял вопрос всерьез и впрямую, я, разумеется, не мог бы.

Разрешите мне предложить вам другой опыт. Предположим, у нас есть две фотографии: на одной — все дети семьи, на другой — вся семья, дети и взрослые. Предположим, мы спрашиваем детей: на какой фотографии больше людей? Можно ли верить, что какой-нибудь ребенок старше четырех лет даст неверный ответ? Что же в таком случае происходит в сознании детей, когда с ними проводят опыты «часть — целое»?

Я подозреваю, что причина все та же — дело в том, что созданная ситуация — словесная, и дети просто не понимают определенных слов и связей и поэтому не могут иметь в виду то, что имеем в виду мы.

Таким образом, даже если бы все из нас, включая маленьких детей, знали свои собственные мысли, ситуация тестирования все еще содержала бы в своей структуре два больших дефекта.

Первый вызван языковыми ограничениями. Спрашивающий не может абсолютно ясно выразить в вопросе

то, что он хочет узнать, в то время как отвечающий не может полностью выразить в ответе то, что он хочет сказать.

Второй дефект вызван тем, что почти в любой такой ситуации существует элемент последующего суждения, а это не может не влиять на мысли и слова обоих участников. Спрашивающий, в зависимости от цели созданной ситуации, не может в какой-то степени не помогать отвечающему или, наоборот, не уводить его в сторону от правильного ответа. Отвечающий, в свою очередь, не может не гадать над тем, что нужно противоположной стороне, и, опять-таки, в зависимости от ситуации, решает, стоит ему отвечать правильно или нет.

Мне вспомнился второклассник, умный, очень непокорный мальчик, который спокойно не мог говорить о своих родителях по причинам, мне неизвестным. Я пытался против его воли — и потому безуспешно — обучить его чтению. Однажды наш школьный психолог, разумная и тонко чувствующая женщина, дала мальчику тест Бинэ-Стэнфорд.

«Вы знаете, что интересно в результатах теста? — сказала она потом. — На более трудном уровне у него больше правильных ответов, чем на более легком». Мы пришли к выводу, что мальчик боялся давать очевидные ответы на легкие вопросы из опасения, что тестолог сыграет с ним какую-нибудь шутку.

...И последняя, окончательная и неизбежная проблема тестолога. Есть ответ, который он должен получить. Как он будет добиваться его? Что он должен говорить? Если вопрос будет слишком ясным, то он дает ответ вместе с вопросом. Мои пятиклассники, как и вообще большинство детей, мастерски умеют заставить учителя так ставить вопрос, чтобы он в себе сохранил ответ. Если вопрос не совсем ясен, то его могут не так истолковать; и учитель, как многие воспитатели и психиатры, по «неверным» ответам может прийти к весьма сомнительным выводам об ученике.

Мы можем знать лишь малую часть — и то приблизительно — того, что заключено в сознании другого человека. Почему это должно тревожить нас? Нет никакой причины для этого, если только мы не ставим себе единственной целью избавиться от собственного беспокойства и ощущения неблагополучия.

Что нужно настоящему образованию (воспитанию) — так это вера и мужество. Вера в то, что ребенок хочет, чтобы в его жизни был смысл, и что для этого он будет по-настоящему работать. И мужество — позволить ему действовать самому, без надобности не тыкать его и не вмешиваться в каждый шаг. Неужели это так трудно?

ЛЕТНИЙ СТОЛ

Как много нужно сделать летом и прежде всего — дать организму «прийти в себя» после тяжелой зимы и после небогатой витаминами весны.

Все знают: летом главное — зелень, овощи, фрукты. Но вот прошел первый восторг перед редиской, укропом, и в середине лета они появляются на столе не так уж часто — привыкли, надоело да и лень возиться с этими салатами — чистить, мыть, перебирать. Но надо помнить: в салате, укропе, петрушке, луке особенно много необходимых для организма аскорбиновой кислоты (витамина С) и никотиновой кислоты (витамина РР). И пользы они приносят больше, чем аптечные. Кроме витаминов, в этих же продуктах содержатся минеральные вещества, крайне необходимые для роста и развития ребенка.

Поэтому — обязательно! — делайте ребенку блюда из овощей. Если не любит — примените хитрость, терпение, выдумку, но приучите к ним, не отступайте. Любит колбасу — украсьте бутерброд петрушкой или укропом, к мясному блюду приготовьте овощной гарнир. В июне делайте свекольники, в августе — супы с белоочанной напустой. К вторым блюдам пореже подавайте макарон, почаще — молодую картошку с маслом, со сметаной.

В августе не опаздывайте, начинайте вводить в меню различные рагу из овощей, блюда из несправедливо забытой тынвы, из кабачков.

Конечно, все лето на вашем столе должны быть ягоды, фрукты — не меньше чем 200 граммов. Дети с удовольствием едят ягоды с сахаром, молоком, со сливками, пьют смешанные соки из ягод, фруктов, овощей — они особенно богаты минеральными веществами.

В августе яблоки, груши, сливы и вишни давайте не только свежими, но и печеными, кисели и компоты.

Можно подумать, что мы призываем вас стать на лето вегетарианцами. Нет, нет, не нужно забывать о наших всегдашних продуктах — мясе, рыбе, твороге, яйцах, крупах, макаронных изделиях. Не забывайте о сливочном и топленом масле, кефире, ацидофилине и, конечно, о молоке. Но если вы колеблетесь — мясо или рыба? — возьмите рыбу.

Мы хотим предложить вам примерное меню на один день, отвечающее требованиям детского организма:

З а в т р а к.

Картофель молодой со сметаной.

Редис со сметаной.

Кофе с молоком.

Булка с маслом.

О б е д.

Щи зеленые.

Котлета мясная.

Макаронные отварные с маслом.

Ягоды, фрукты или компот из свежих фруктов.

П о л д н и к.

Нефир

Булочка.

Яблоко или ягоды.

У ж и н.

Омлет.

Салат из свежих овощей со сметаной.

Чай с молоком.

Хлеб ржаной.

Печенье.

Напоминаем вам: блюда не должны повторяться чаще чем 1 раз в неделю; не предлагайте на ужин остатки еды от обеда, не давайте нашу дважды в день, не готовьте винегреты с вечера, не давайте молоко в перерывах между едой.

Это очень простые правила, но нарушают их чаще, чем можно было бы предположить.

Только тогда, когда вы будете выполнять их неуносительно, когда на вашем столе в течение всего лета будут появляться все летние дары природы и ваш ребенок будет есть их с удовольствием, вы сможете сказать себе, что вы сделали все, что в ваших силах.

Г. КИСТЕНЕВА,
кандидат медицинских наук,
научный сотрудник Института питания
Академии медицинских наук СССР

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
политический обозреватель АПН

В марте был опубликован очередной Демографический ежегодник Объединенных Наций, в котором сообщается, что население Земли к середине 1970 года достигнет 3,6 миллиарда человек.

Прирост населения Земли составляет сейчас 1,9 процента в год. С учетом сложных процентов, то есть процентов на проценты, такой темп означает удвоение каждые 39 лет.

Никогда на человеческой памяти население так быстро не росло. Причина, однако, вовсе не в том, что у людей стало больше детей. Фактически рождаемость в целом для всего человечества даже немного понизилась. Зато резко упала смертность — прежде всего детская смертность, а также смертность от эпидемических и инфекционных заболеваний. В результате успехов медицины разница, получаемая после вычитания числа смертей из числа рождений, резко

возросла. В печати многих стран стали писать о «демографическом взрыве».

Однако в наши дни проблема народонаселения не является глобальной — она сама как бы расселена по «национальным квартирам». В разных странах она не только решается по-разному, но и ставится по-разному. Некоторые страны проводят политику поощрения рождаемости, другие — политику сокращения рождаемости, третьи пустили все на самотек.

За средними статистическими данными скрываются большие различия. В Южно-Африканской Республике ко всем белым супружеским парам власти обращаются с настоятельной рекомендацией иметь по крайней мере пять детей, лучше больше. Ясно, что такая рекомендация продиктована стремлением находящихся у власти белых расистов увековечить свое господство.

Решающее влияние на демографические процессы оказывают социаль-

но-экономические условия. В социалистических странах забота государства о матери и ребенке, бесплатное медицинское обслуживание, неограниченные возможности в получении образования оказывают влияние на поведение семей. Социалистический строй создает благоприятные условия для разрешения демографических проблем.

Чтобы познакомиться с проблемой народонаселения совершим «демографическое путешествие» по отдельным странам.

● индийский „красный треугольник“

Когда три года назад численность населения Индии перевалила за полмиллиарда, то праздника в стране не устраивали, никто пятисотмиллионно-

го младенца не поздравлял, а тогдашний президент страны воспользовался случаем, чтобы заявить: «Это сигнал опасности, и если мы будем его игнорировать, то рискуем погибнуть».

Сейчас численность населения страны превышает 540 миллионов человек. Каждый год рождается 21 миллион детей, умирает 8 миллионов человек. 21—8=13. Результат вычитания превышает число жителей Австралии. Каждый год в Индии добавляется по «новой Австралии».

Индийская экономика не в силах «вернуть в себя», то есть обеспечить сначала пищей и образованием, а потом работой, столь большой прирост.

Сами по себе дети не виноваты. Без вины виноватыми их сделал колониальный грабёж, от которого страдали их отцы и деды. Колонизатор столь долго паразитировал на теле индийского народа, выпил так много крови, не удивительно, что до сих пор народ ослаблен.

За годы независимости страна добилась успехов, и нет сомнения, что экономическое и культурное развитие в сочетании с назревшими социальными преобразованиями дадут со временем каждому индийцу работу, пищу, кров, одежду, счастье. Но на сегодняшний день проблема стоит столь остро, что требует поисков решения со всех сторон.

Политика ограничения рождаемости в этих условиях рассматривается индийским правительством как важнейшее подспорье экономическому развитию.

Повсюду в Индии можно увидеть символ — красный треугольник, обращенный вершиной вниз. Он означает, что в данном здании находится женская консультация, куда может каждый обратиться за бесплатным советом и помощью по вопросам семейного планирования.

Самый большой красный треугольник, в три этажа, висит на одном из зданий в Дели. Здесь разместились Департамент семейного планирования министерства здравоохранения. Он руководит деятельностью 1605 городских центров, 4600 сельских центров и 16 150 местных отделений.

По четвертому пятилетнему плану на цели семейного планирования выделено 2290 миллионов рупий. В отличие от недавнего прошлого проблема сейчас заключается не в нехватке средств, а в нехватке врачей и медицинских сестер.

Главная задача — убеждение под девизом: «Счастливая семья — это маленькая семья». Под «маленькой» подразумевается семья с тремя, а лучше с двумя детьми.

Главное препятствие — сила привычек и традиций. Далеко не все обычаи оправданы в современных условиях, но они освящены веками или рели-

гией, и по этой причине критерий разумности отвергается как не относящийся к делу. Велика сила привычки. Одно из традиционных пожеланий индийской девушке, вступившей в брак, гласит: «Будь матерью восьми сыновей!»

В Индии — миллионы коров и буйволов, но никто нигде никогда не заикнется о возможности потребительского к ним отношения, как это практикуется в других странах. Коровы священны. И вот они бродят по городским улицам и проселочным дорогам, бесхозные, ребрами наружу; заглядывая в их грустные глаза, думаешь, что они втайне завидуют своим европейским соплеменникам, которые хотя и кончают жизнь насильственной смертью, на бойне, но зато регулярно, а во многих случаях даже по-научному питаются.

240 миллионов коров и буйволов существенно отягощают продовольственный баланс страны, мало чем это компенсируя.

Примеры своеобразных индийских трудностей на пути к решению стоящих перед страной проблем можно было бы продолжить почти до бесконечности. Скептики утверждают, что ничего здесь с программой контроля над рождаемостью не получится.

Однако уже есть основания констатировать сдвиг с мертвой точки. В стране свыше 90 миллионов супружеских пар детородного возраста (14—45 лет для этой страны). Различными методами семейного планирования удалось охватить свыше 5 миллионов пар. Правительство полно решимости продолжать разъяснять, убеждать, помогать, а многие другие развивающиеся страны внимательно следят за индийским опытом, потому что им приходится иметь дело с аналогичными проблемами.

● оар: не больше двух

В качестве второго примера страны, считающей сокращение рождаемости важнейшей национальной задачей, можно привести Объединенную Арабскую Республику.

При взгляде на карту ОАР кажется большой страной, занимающей северо-восточный угол африканского материка. Это, однако, географическая иллюзия — практически все ее население живет в Нильской долине, составляющей лишь 3,5 процента от общей площади страны. Плотность населения здесь 830 человек на квадратный километр.

Население республики — более 30 миллионов человек, прирост превышает 750 тысяч человек в год.

Высотная Асуанская плотина, построенная в стране с помощью Советского Союза, дает возможность увеличить площадь возделываемых земель, то есть практически площадь страны, на целую треть. Но... за время ее строительства и наполнения водохранилища население ОАР также увеличилось на одну треть, и на каждого придется столько же плодородной земли, сколько и раньше. Положение напоминает ситуацию в сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». Там нужно было бежать во всю прыть для того, чтобы остаться на том же месте.

«Рост населения, — говорится в Национальной хартии Арабского социалистического союза, — является наиболее опасным препятствием на пути египетского народа к быстрому и эффективному повышению уровня производства в стране».

В ОАР создан Высший комитет по семейному планированию в составе министров и заместителей министров. С 1966 года ведется массовая пропагандистская кампания по ограничению числа детей в семье двумя. Открыты тысячи центров семейного планирования. Мусульманское духовенство обещало правительству свое сотрудничество и стало более гибко толковать некоторые догмы ислама. Основное препятствие, как и в других развивающихся странах, — сила привычки, обычаев, традиций, весь склад мышления феллаха.

● японский феномен

Страной, которая не только решила ограничить численность своего населения, но и добилась в этом успеха, является Япония. Здесь в прошлом рождаемость всячески поощрялась. В 1947, 1948 и 1949 годах число новорожденных достигало 2700 тысяч.

В сентябре 1948 года был принят «Закон о евгенической защите», отменивший все запреты на средства контроля над рождаемостью и легализовавший аборт.

Уровень рождаемости упал с 34,3 человека на тысячу жителей в 1947 году до 16,8 — в 1961. Средняя японская семья насчитывает теперь 4 человека против 7 до войны.

Причины успеха «японского феномена» служат предметом бесконечных споров специалистов. Большинство объясняет этот успех специфическими причинами: широкая грамотность и отсутствие религиозных и культурно-ханжеских ограничений на обсуждение в печати вопросов пола дали японцам возможность получить соответствующую информацию.

● пустая колыбель франции

Примером страны с энергичной политикой поощрения рождаемости является Франция. Здесь аборт был запрещен еще уголовным кодексом 1810 года, принятым при Наполеоне. Закон 1920 года запретил женщинам пользоваться средствами контроля над рождаемостью. И тем не менее после 1935 года число рождений было меньше числа смертей: французы начали вымирать.

Правительство пыталось действовать не только запретами, но и поощрением: была разработана система семейных пособий.

В марте 1945 года генерал де Голль обратился к французам с призывом: «За 10 лет — 12 миллионов крепкойшей» За 23 года, с 1946 по 1968, население страны увеличилось с 40,5 миллиона человек до 50,1 миллиона. Однако около половины прироста приходится на иммиграцию, особенно из Алжира. Призыв генерала осуществлен не был, хотя уровень рождаемости и поднялся с 14,6 новорожденных на тысячу жителей в 1938 году до 18,1 — в 1964.

Но, увы, после 1964 года уровень рождаемости во Франции стал вновь падать. В 1966 году он равнялся 17,4 рождения на тысячу жителей, в 1968 — 16,6.

Как сами французы объясняют движение вспять?

Они ссылаются на замеченную с 1964 года общую для всех индустриальных стран тенденцию к падению уровня рождаемости до показателя 18 и ниже и прироста населения до уровня 1 процента в год и ниже.

Кроме того, отмечается дороговизна жизни, неустойчивая экономическая конъюнктура, рост безработицы, неуверенность в социальных последствиях быстрых перемен в современной промышленности. А в целом, как писала газета «Монд», «трудно назвать конкретные причины в области, где тесно переплетаются материальные и психологические факторы».

● как американцы числом просчитались

В 1976 году Соединенным Штатам исполнится 200 лет. Хотя времени до юбилея еще много, к нему уже разворачивается всесторонняя подготовка. Предлагаются различные идеи. Одна из них была высказана учеными-де-

мографами на конференции в Аспене в штате Колорадо. Они предложили назвать 1976 год «годом демографической паузы». Имеется в виду объявить в этот год «мораторий на рождение» и сделать его «стерильным», то есть бесплодным, как библейская смоковница.

Это смелое предложение выглядит тем более неожиданным, если принять во внимание, что сейчас в США и без того самая низкая рождаемость за все время существования этой страны. В 1969 году, например, родилось 3,6 миллиона младенцев, тогда как в 1957 году, при меньшей численности населения, их появилось свыше 4,3 миллиона. Население страны растет на 1 процент в год — это значительно ниже среднегодового прироста в 1,9 процента, не говоря уже о 2,9 процента, темпе прироста населения для стран Латинской Америки.

Несмотря на эти сравнения, печать США пестрит статьями о надвигающейся опасности. Газета «Уолл-стрит джорнэл» пишет, например: «Хотя за последние годы уровень рождаемости в США резко упал — частично благодаря росту потребления предупредительных таблеток — население тем не менее продолжает увеличиваться вызывающими отчаяние темпами». Журнал «Юнайтед Стейтс нью энд оупд рипорт»: «Официальные лица предупреждают, что, если мы будем сидеть сложа руки, нас захлестнет людским половодьем».

Подобного рода причитания могут показаться странными: ведь у США большая территория, благоприятный климат, огромные ресурсы, развитые промышленность, сельское хозяйство, транспорт — и на все это 203 миллиона жителей. Им-то что беспокоиться?

Но они беспокоятся.

Официальный разговор начал президент Ричард Никсон, обратившись в июле прошлого года со специальным посланием к конгрессу о проблемах роста населения в мире вообще и в США в частности.

Президент предупредил, что если дело будет продолжаться так, как оно шло до сих пор, то к концу столетия появится на свет 100 миллионов новых американцев. И далее президент задал несколько вопросов:

Где они будут жить?

Каким образом они получат образование?

Кто обеспечит работой такое большое количество людей?

Как обеспечить их всех необходимыми медицинским обслуживанием? И т. д.

Чтобы отыскать ответы на эти вопросы, Никсон предложил создать комиссию по росту населения и американскому будущему.

Высказанные президентом опасения немедленно поддержали научные ав-

торитеты. Профессор Престон Клауд, председатель комиссии по ресурсам при Национальной академии наук, заявил, что нынешняя численность населения США превышает оптимальную для этой страны цифру. Советник президента по вопросам науки д-р Ли Дюбридж со своей стороны добавил: «Было бы весьма желательно выдвинуть для нашей страны в качестве цели сокращение прироста населения до нуля». Секретарь по проблемам здравоохранения, образования и социального обеспечения Роберт Финч, выступая в феврале в Вашингтоне, посоветовал молодым не обзаводиться более чем двумя детьми. Студенты откликнулись созданием общенациональной организации «Нулевой прирост».

Конечно, американцам виднее, как им жить. Тем не менее при обсуждении проблемы народонаселения они запутывают некоторые причинно-следственные связи. Самая богатая капиталистическая страна, рассуждая абстрактно, могла бы с точки зрения наличия средств обеспечить сто новых миллионов и жильем, и образованием, и медицинским обслуживанием. Но загвоздка — в капиталистическом способе производства, ставящем на первое место не заботу о человеке, а прибыль. По этой причине в США и сейчас, при 203 миллионах, существуют проблемы нищеты, голода, которые официально признаются, но которые тем не менее не решаются. Естественно, что официальные лица опасаются роста масштабов такого рода неприятных проблем параллельно с ростом населения страны. Но дети здесь ни при чем.

Проблему народонаселения в США связывают также с проблемой борьбы с загрязнением окружающей среды — дескать, чем меньше будет людей, тем чище будут реки, леса, воздух и пр. Однако и здесь речь идет прежде всего о бережливом отношении к природе. Оно всегда было органически чуждо хищническому американскому капитализму. До поры до времени варварская эксплуатация природных богатств страны сходила с рук, но теперь Америка расплачивается мертвыми реками и озерами, пыльными бурями, загрязненным побережьем. Серьезной стала проблема мусора, куда девать 48 миллиардов почти нержавеющих консервных банок, 26 миллиардов бутылок, которые выбрасывают за год американцы, и пр. Но и здесь все упирается не в количество жизни, а в качество жизни. Она просто не на тех началах организована.

Тезис о перенаселенности Америки служит для отвлечения внимания от подлинного решения проблем американского общества на путях социальных преобразований.

СВЕТКИН ГОСТЬ

Рассказ

Марина БОНДАРЮК

Художник Г. Калиновский

Он вошел в длинный, слабо освещенный коридор. Везде двери. Везде тихо. За одной дверью вдруг что-то быстро протрещало и смолкло. Потом снова протрещало и смолкло. Он понял — пишущая машинка. И он отошел от этой двери. Постучал рядом — ни звука. Постучал в дверь напротив — ни звука. Но он почувствовал, что за этой дверью живут. Он еще раз постучал и еще с большей уверенностью подумал: там живут. Из-под двери шел запах — кисловатый, теплый, многослойный запах жилья. За его спиной пахло холодом и стало светло. Из двери, где стучала машинка, вышла женщина в зеленой форме и в берете.

— Ты что тут делаешь? — спросила женщина, тускло глядя мимо него.

— Я постучал, — сказал мальчик.

— Туда? — Глаза ее оживились, заблестели. Он заметил, что она сильно косит. — Там спят.

Она вдруг подошла и через его голову толкнула дверь. Дверь сразу раскрылась, и стала видна комната с занавешенным окном. У окна — кухонный стол без ножек. Рядом — кровать, а на ней действительно кто-то спит: свешивается рука к полу. Громко тикает будильник. И крепко пахнет всем тем, что слабо витало у дверей.

— Ну, — сказала женщина, отступая в коридор. Она чего-то ждала. Чтобы он убедился, что там спят, и ушел? Но он и так ей поверил. Или чего-то другого она ждала, для чего и распахнула дверь? Он не знал, что делать, и тут рука, свешивающаяся с кровати, со-

гнулась в локте, приподняв одеяло, а из-под одеяла вывалились волосы. И глухо прозвучало: «Света!» Он попятился и хотел убежать. Но дорогу ему загоразживала женщина в форме, ее зеленая грубая юбка. А в комнате зашуршало, заскрипело, и юбка перед ним исчезла. На кровати сидела женщина в жеваном халате — она так и спала в халате — и глядела на него, сильно сощурившись, словно в глаза ей бил свет. Но в комнате был полумрак.

— Так, — сказала женщина, медленно раскрывая глаза, и по лбу ее побежали морщины. — Ты пришел к Светлане?

Он быстро кивнул, но лицо его стало смущенным и лживым, и он был уверен: ему не поверят.

— А Светлана еще из леса не вернулась. Но ты ее подожди, посиди тут.

Мальчик снова кивнул: обрадовался, что сошла ему ложь, и по другой причине.

А женщина встала, надела туфли и отдернула занавеску. И комната сразу показалась неубранной, унылой.

Рядом с кухонным столом на полу лежала кучка старых игрушек вперемешку с растрепанными книжками и стоял табурет, а на нем — будильник. Он нерешительно продвинулся к табуретке; хотел сесть, но будильник мешал. Женщина поняла его и переставила будильник на подоконник. Он еще больше обрадовался, стараясь не выдать себя, уселся. И сердце быстро и мелко застучало.

Что ему мешало тотчас приняться за дело? Женщина разрешила бы, ничего не сказала бы во всяком случае... У нее такое лицо, не такое, как у других родителей. С таким лицом не говорят «нет», когда можно сказать «да», с таким лицом говорят чаще «да», когда надо сказать «нет», — от забывчивости, от усталости, от равнодушия. Она к нему отнеслась как ко взрослому, и ничего ей не было странно — ни его приход, ни распахнутая дверь, ни его выжидательная поза. А что-то все-таки его удерживало, хотя и он уже целиком вошел в игру, которой надоумила его тетя Люба; и в этой игре ему везло. Светки дома не оказалось, и мать у нее странная, не выпроводила его, и это все укрепляло игру, и подмывало действовать, а он не действовал.

Женщина молчала. Он смотрел на ее спину — женщина водила тряпкой по подоконнику: подтирала пролитое. Потом из-за цветка в горшке достала что-то, завернутое в газету, подержала в руках, встряхнула и задвинула за цветок. Повернулась к нему. И все молчала. И глаза у нее были молчаливые, ничего в них не было — только цвет: светло-ярко-зеленый, как у дочки. Вдруг она снова схватила за сверток и быстро с ним вышла из комнаты.

Он только наклонился к игрушкам, как она вошла и внимательно посмотрела на него. Глаза ее не казались уже такими яркими, но они тепло смотрели на него и видели его.

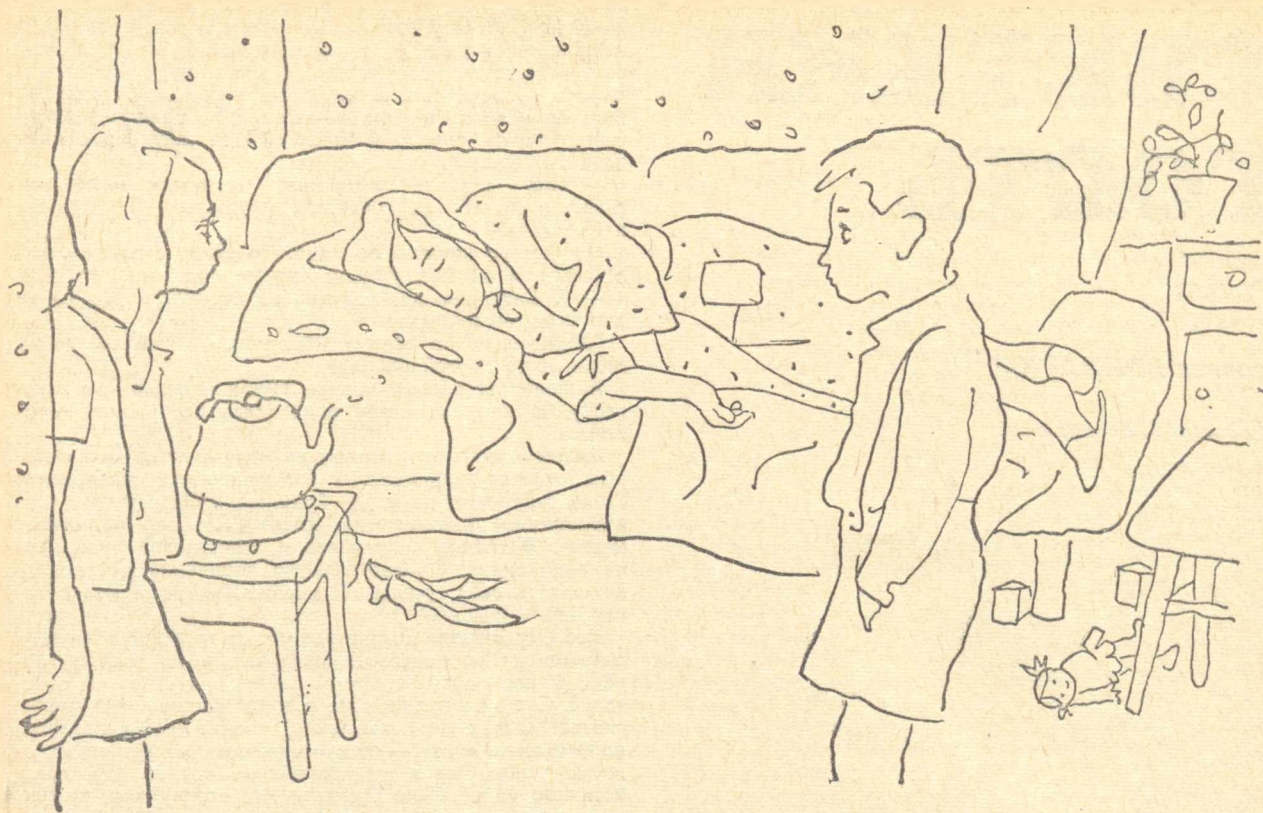
— Как тебя зовут? — спросила она.

— Владик.

— Поиграйся, Владик. Вот Светланины игрушки.

Опять ему повезло! Она разрешила ему порыться в игрушках. Она толкала его на это, буквально толкала. И ему ничего не оставалось, как сесть на пол и, притворившись равнодушным, взять в руки первый облезший кубик. И тут его нерешительность пропала. Стараясь действовать бесшумно, он хватал одну вещь за другой, измазался обо что-то липкое, быстро перебрал все и, уже томясь разочарованием, под самым низом, на полу, нашел то, что искал.

Женщина, пока он возился, несколько раз выходила и успела переодеться в юбку и кофту. Он оглянулся на нее, держа в кулаке свою находку, хотел сказать ей что-то, что — он еще не придумал, а придумывая, успел

удивиться: все-таки она была молодой, а не старой. Женщина сказала:

— Тебе там темно на полу, — и включила свет. Еще она сказала: — Значит, ты дружишь с моей дочкой? — Потом она сказала: — Это очень приятно. — А он от ее слов чувствовал себя глупо и трудно. Рука его, сжимающая остроконечный предмет, заныла. И то, что он должен был сказать этой приветливой женщине, показалось непроницаемым. Он ничего не смог сказать бы, хоть целый вечер тут просиди. Тетя Люба, подучившая его, ушла вдаль, расплылась, забылась. Он почувствовал, что вышел уже из игры. На него что-то давило все ошутимей, и это — он вдруг понял — был стыд.

Тетя Люба вчера вечером, когда он, зареванный, вышел во двор, сказала: «Это она — никто другой. Все время ворует. Сколько раз я ее уже подлавливала. Надо бы ее проучить». — «Может, я его еще потерял», — сказал он смущенно. «Не потерял, не потерял. Светка стащила». И тетя Люба сказала ему, чтобы он прямо сейчас шел к ее матери и вместе с ней пересмотрел все Светкины вещи. «Никуда она этот орден, конечно, не спрятала. И не думает, что к ней придут его искать». Тетя Люба воодушевленно стала его убеждать сделать все, что она ему велит. Она даже встала со скамейки и крадущейся таинственной походкой пошла проверить, дома ли Светкина мать. Вернулась и сказала, загадочно и скорбно поджав губы: «Сегодня-то не ходи. Дома, но ты не ходи». На следующий день тетя Люба его поймала и послала в «пожарку» — так назывался подъезд, где жила Светка.

Он не хотел идти, а потом вдруг загорелся важностью

и хитростью этого дела и к тому же вспомнил, как отец вчера после ужина накричал на него.

Стыдно ему было до ужаса, а женщина села на кровать и, все так же приветливо улыбаясь, стала с ним разговаривать. Удивилась, узнав, чей он сын. Оказывается, с его мамой она часто сталкивалась в магазине, иногда разговаривала, вдвоем они как-то училили вороватую кассиршу и с тех пор даже немного подружились.

Тут он покраснел. А она сказала:

— Светы как долго нет. Я есть захотела. Давай попьем чаю.

И встала. И вдруг покачнулась. Каблук подвернула, что ли? Она включила электрическую плитку, стоявшую тут же у двери, взяла чайник и вышла.

А он хотел броситься вон из комнаты, но понимал, что это совсем уж глупо. Руку жгло, словно он положил ее на рдеющую раскалившуюся спираль. Он разжал кулак и положил в карман. Но его продолжало жечь, и жжение это было где-то внутри него, а не в руке.

Вошла женщина и поставила чайник на плитку. Вода немного расплескалась и зашипела. Женщина села на кровать и снова с ним заговорила. Она сказала, что это хорошо, что он пришел. Славный мальчик. Умник, это видно сразу, воспитанный. Мама у него замечательная, и сам он просто замечательный, и она не знает, что бы тут она без него делала. А этой девчонки все нет и нет. Эта девчонка ее сведет с ума. Но раз она дружит с таким хорошим мальчиком...

Он опять покраснел. А женщина замолчала, и он с

удивлением заметил, что она дремлет: откинула голову и закрыла глаза. Он еще посидел немного, почувствовал, что у него затекли ноги, и поднялся с пола, стараясь не шуметь.

И тут распахнулась дверь, и на пороге встала Светка. Она посмотрела на кровать, потом в угол мимо кухонного стола и тогда только перевела взгляд на него. Она шагнула в комнату, словно бросилась в пропасть. Он сделал шаг ей навстречу.

— Ш-ш-ш, — зашипела она, как змея. Он испуганно остановился. — Ш-ш-ш, — снова зашипела она.

— Понимаю, — одними губами сказал он, — понимаю. — И оба они посмотрели на кровать, а потом друг на друга. Она старалась понять, нашел ли он то, что искал. Она, конечно, заметила, что ее игрушки сдвинуты и перевернуты. А он старался... он старался... он сам не знал, что же он старался... просто глаза его стали горячими.

Он шел сюда хитрым сыщиком, а сейчас чувствовал себя вором. Он пришел в гости и украл что-то или заложил мину замедленного действия. Он уйдет, а мина взорвется или обнаружат пропажу. Но ведь украл вообще-то не он, а она. И все-таки он тоже украл, теперь уже — у нее. А может быть, она и не краля, просто узяла поиграть и сама бы ему вернула... И это ему показалось очень верным, — конечно, это так. И хотя в этом случае он действительно оказывался ужасным негодяем, диверсантом и вором, все равно в этом было облегчение — все становилось на свои места, становилось понятным. И лучше ему и в самом деле выглядеть негодяем, только бы не было этой странной комнаты, этой чудной уснувшей женщины, этих несчастных Светкиных глаз.

Он не мог больше смотреть на Светку и опустил голову.

Он услышал или почувствовал, как в комнате появился кто-то новый. Это была косоглазая женщина в форме. Она делала какие-то знаки Светке, манила ее к себе. Но Светка не двигалась и тоже делала ей какие-то знаки. И лицо ее становилось все злее. Куда уж злее! — ему даже показалось, что это и не злость, а что-то другое — мука. Женщина в форме казалась огромной в проеме двери, а Светка перед ней — маленькой. Но женщина безуспешно на чем-то настаивала, а Светка сопротивлялась. И женщина перестала объясняться знаками. Она покачала головой — очень-очень осуждающе. А Светка уперлась ногой в дверь. Тогда женщина сама прикрыла дверь, но прежде сказала:

— Так нельзя. Я же думала у вас что-то случилось. Дверь распахнута, а ты стоишь, не заходишь. Так ничего?

— Ничего, — сказала Светка.

В комнате стало тихо. Спящая женщина тонко свистела носом. Заклокотал чайник. И Светка бросилась к плитке. Пока она ее выключала, повернувшись к нему спиной, он вынул орден из кармана и положил на табуретку. И вышел в коридор.

В слабо освещенном коридоре было по-прежнему тихо. Машина не стрекотала. У входной двери за спиной он услышал шаги. Бежала Светка. Не видела она его, что ли? — прямо с разбега наткнулась на него и отскочила. В кармане у него звякнуло.

...Он пришел домой и отдал орден отцу. Отец положил его в коробочку с защелкивающейся крышкой. Коробочку он спрятал в ящик письменного стола. Ящик закрыл на ключ и повернулся к сыну. Он уже больше не сердился. Он сказал:

— Ты понял, что это не игрушки? Тебе дали посмотреть, и надо было сразу вернуть, а не таскать неведомо куда. Ты понял? Ну и хорошо. Чего же ты плачешь?

ДЕТСТВО замечательных людей

Какое значение имеют детские впечатления для формирования личности? Мне кажется, порой — решающее. Чем раньше просыпается интерес и любознательность, тем больше успевает сделать человек.

Мать Дмитрия Менделеева управляла маленьким стекольным заводом, производившим аптекарскую посуду.

Шустрый большеголовый мальчик, вцепившись в материнскую руку, впервые взглянул в печь, где огонь превращал в стекло песок, известь и соду. В долгих беседах со стеклянными дел мастерами из детского любопытства выростала его любознательность, которая затем превратилась в неуемную — до самого последнего часа жизни не утоленную — жажду познания, рассказывает биограф Менделеева.

«На стекольном заводе, управляемом моею матушкой, получились первые мои впечатления от природы, от людей и от промышленных дел», — вспоминал Д. И. Менделеев.

В октябре 1856 года двадцатидвухлетний магистр физики и химии защитил вторую диссертацию — «О строении кремнеземистых соединений». В ней речь шла о химии стекловарения.

Позднее одну из своих работ великий ученый предвещал словами: «Это исследование посвящается памяти моей матери ее последышем. Она могла взрастить его только своим трудом, ведя заводское дело; воспитывала примером, исправляла любовью и, чтобы отдать науке, вывезла из Сибири, тратя последние средства и силы».

Умирая, завещала: избегать латинского самооблечения, настаивать в труде, а не в словах, и терпеливо искать научную правду... Заветы матери считают священными Д. Менделеев».

Маленький Константин Циолковский запускал бумажные змеи, на которых поднимал в спичечной коробке шестиногого пассажира — таранана.

Четырнадцатилетний Циолковский соорудил воздушные шары из папиросной бумаги, сконструировал коляску, движимую ветром. Потом мальчик смастерил высотомер. Пользуясь отцовской астролябией, он из окна комнаты определял расстояние до пожарной каланчи, потом проверил результат измерением. В детских занятиях основателя ракетоплавания и космонавтики фантазия сочеталась с точным расчетом.

Пятнадцатилетний Александр Яковлев из тонких сосновых планок, обтянутых бумагой и скрепленных гвоздями и клеем, построил модель планера. В школьном зале она пролетела около пятинадцати метров. Юный конструктор впоследствии стал одним из создателей нашей авиации.

Двенадцатилетний гимназист Алексей Шахматов увлекся накоплением слов из различных языков. Он именовал филологию «миллой» и посвящал ей свои силы.

«Можете посмотреть на мой филологический бюджет за эту неделю, т. е. приход и расход, — сообщал он домой, — у отца ученика 4-го класса я купил за 50 санскритских слов и три готских слова — 60 islandских. За 40 персидских слов и 8 арабских — 50 финских и литовских. У дяди ученика 3-го класса — я купил за 257 древнегерманских слов — 60 редных готских слов.

За 64 санскритские — еврейскую азбуку и готские спряжения и склонения. За 70 кельтских — 340 санскритских, еще не всех выданных».

Я называю покупкой — обмен, и, конечно, дают только-только копию со своих слов; торговля производится через сыновей».

Но юный Шахматов не только собирал. Он и экспериментировал. «Я составил филологические теоремы, т. е. истины, требующие доказательств; доказываю и алгеброй».

Так начинал выдающийся русский языковед, много сделавший для сравнительно-исторической грамматики.

(Из записей заслуженного учителя школы РСФСР С. А. ГУРЕВИЧА)

добрый сеятель

В. А. Сухомлинский. ПАВЛЫШСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА. М., «Просвещение», 1969.

В. А. Сухомлинский. СЕРДЦЕ ОТДАЮ ДЕТАМ. Киев, «Радянська школа», 1969.

Я открываю научно-педагогический труд с суховатым подзаголовком «Обобщение опыта учебно-воспитательной работы», и вдруг глаз падает на слова «Школа радости». И сразу пробуждается глубоко личное, глубоко эмоциональное отношение к книге.

Школа радости. Такое сочетание слов не сразу доходит до сознания из-за своей непривычности. Школа труда — конечно! Школа прочного усвоения наук — обязательно! Но школа радости?

И тут возникает у меня острое детское воспоминание. Девятнадцатый год. Вторая годовщина Октябрьской революции. Толпа подростков на булыжной мостовой. И ощущение древна от планата, который я держу в руке. Другой конец держит мальчишка, мой одноклассник. Два сшитых вместе полотнища алого кумача, а на них — горящие серебряным блеском удивительные слова: «Школа труда и радости приветствует Советскую власть!» Мы плохо одеты, у нас стынют ноги, но мы не замечаем этого. Мы точно летим над этими лужами, над булыжником, над всей улицей. Нас несет восторг первооткрытия. Потому что революционные сквозняки продувают насквозь нашу школу и она на наших глазах превращается из места унылой зубрежки в школу труда и радости. Рядом с нами идут наши учителя, пионеры советской педагогики...

Автор книги, которую я держу в руках, тоже относится к той категории воспитателей, которые умеют сделать каждый школьный день неповторимым, умеют одухотворить учебную повседневность высокими нравственными идеалами. Автор уважает в каждом своем ученике человека, и тот становится сотворцом учителя в возведении здания школы радости.

О талантливом педагоге Василии Александровиче Сухомлинском много писали и пишут. Да и сам он щедро делится с читателем мыслями и опытом. И вот

перед нами две его новые книги, изданные в течение 1969 года в Москве и в Киеве.

Мне представляется, что ключ к пониманию педагогического кредо Сухомлинского лежит в его короткой формуле: «Задача школы не только дать знания, но и счастье личной духовной жизни».

Это очень глубокая мысль. Потому что гармоничная личность не складывается в результате одного только высокого развития интеллекта, под воздействием одного только потока информации. Если при этом отсутствует жизнь чувства, если скорости нашего столетия захлестывают человека, лишая его бескорыстной радости познания мира, познания других людей, то он скудеет духовно. Односторонний рационализм ведет к невосстановимым потерям в нравственной жизни личности.

И Сухомлинский показывает учителям и родителям, как надо работать, чтобы «искра, загоревшаяся в юном сердце, не погасла», чтобы «в процессе овладения знаниями каждый ребенок переживал человеческое достоинство, чувство гордости...» В десятках и сотнях описанных приемов воспитания и обучения показано, что каждый должен испытать счастье труда и счастье познания. Только тогда будет гармонично обогащаться личность ребенка, а его моральный рост не отстанет от роста его образованности.

В Павлыше ребенка ведут так, чтобы он привыкал с самого раннего детства помогать людям, говорить правду, смело высказывать в глаза то, что думаешь о человеке, о поступке, о событии. Привыкал к этому так же, как привыкаешь умываться, убирать свою комнату. А потом, когда повзрослеешь, эта привычка быть честным, добрым, правдивым превратится в твердое нравственное сознание. И ты будешь жить так, «чтобы добро, честь и справедливость приносили личную радость», а проявление лицемерия, несправедливости вызывало ощущение личного горя и потребность вступить в борьбу.

Решающее место в педагогической концепции Сухомлинского принадлежит непосредственному общению детей с природой, соприкосновению к творчеству самой жизни. Читатель идет вслед за учителем и его малышами-приготовишками, будущими первоклассниками, по лесам и лугам, включается в их игры и фантазии и начинает осязаемо ощущать силу учительского обаяния, результативность учительского труда.

От этих первых прогулок с учителем, которые неизгладимо врежутся в память, у ребенка по мере взросления пробуждается любовь к труду, к работе в школьном плодовом саду, на винограднике, в парниках и теплице, на молочной ферме.

В Павлышской школе — культ свежего воздуха. Именно в этом основа крепкого здоровья учеников. С редкостной убедительностью развивает автор мысль о прямой зависимости учебных успехов ребенка от состояния его здоровья. Приводит в доказательство истории отдельных детей. Настаивает, чтобы педагоги следили за калорийностью детского питания, за тем, чтобы растущий организм не надрылся непосильной зубрежкой. И главное — воздух, воздух... Школьная усадьба в Павлыше — это своеобразная фабрика кислорода. Весной и осенью часть уроков в младших классах проводится на открытом воздухе. В каждой семье села по совету школы строят для школьников зеленые беседки, где дети учат уроки.

В рамках рецензии не охватишь всего опыта Павлышской школы, не отметишь всего неоценимого, что делается здесь для физического, трудового, нравственного, умственного воспитания детей. Я хочу остановиться на том, что считаю основным пафосом этих двух книг, основной идеей, за которую страстно борется автор. Это вопрос о подлинности наших воспитательных усилий, вопрос о борьбе с педагогической бутафорией.

Атмосфера непримиримости ко всему показному, фальшивому царит в Павлышской школе. Здесь учителя боются не только за то, чтобы учащиеся хорошо усвоили те мысли, какие им прививают, но главным образом за то, чтобы дети искренне разделили эти мысли, чтобы формировались продуманные убеждения, которые дети готовы отстаивать. А это возможно только в том случае, если выполняется настоятельный совет Сухомлинского — терпеливо выслушивать суждения учеников, вступать с ними в спор как равный с равным. «Не бойтесь спора! — призывает директор Павлышской школы. — Они отрицают для того, чтобы еще больше убедиться в справедливости истины. В этой юношеской склонности к отрицанию, в молодой дерзости, в кажущемся недоверии нет ничего опасного...»

Если ученик привыкает, не боясь окрика, высказывать свое подлинное мнение, пусть даже до поры неправильное, то и в работе, связанной с приобретением знаний, он проявляет умственную и волевою активность. С каким наслаждением читаешь и пере-

читываешь обильные примеры, приводимые Сухомлинским для доказательства его основной мысли! Они показывают, сколь многого может добиться учитель, когда он убежден, что умственный труд должен затрагивать интересы личности, что образование надо рассматривать только с точки зрения роста личности ребенка, «игры» его интеллектуальных и волевых сил.

Учеников не ограждают от жизненных сложностей и конфликтов. Зато стараются вооружить их для справедливого разрешения таких сложностей.

Сухомлинский горячо возражает против того, чтобы детям давали заучивать высокопарные приветствия для собраний взрослых. Его не умиляет выражение заданных чувств. Любую, пусть косноязычную, но собственную фразу, сказанную школьником, он ценит выше заученного красноречия.

С этих же позиций Сухомлинский подходит и к развитию спорта. В Павлышской школе главное внимание уделяется не тем ученикам, которые могут добиться спортивных рекордов, а, наоборот, детям со слабым здоровьем.

«Нельзя превращать спорт из средства физического воспитания всех детей в средство борьбы за личный успех. Нельзя разжигать нездоровые страсти ажиотажем борьбы за мнимую честь школы... Спорт становится средством воспитания, когда он — любимое занятие каждого».

...Школа радости. Собственно, этим именем у Сухомлинского обозначена описанная им «предшкола» — школа шестилеток, прививающих в общении с природой, с учителем и другими детьми и коллективной жизни, к учению. Но, думается, можно отнести это название и ко всей Павлышской школе, которой руководит Сухомлинский. Радость познания. Радость творческого труда. Радость приобщения к искусству. Каждое утро, встречаемое манящим предвкушением чего-то увлекательного, нового, общего и вместе с тем личного, сокровенного...

Мне хочется особо выделить вопрос о том, как строит директор Павлышской школы свои отношения с учителями, какова роль Сухомлинского как воспитателя воспитателей. И в этом деле во главу угла поставлен тот же высокий нравственный критерий, та же подлинность благородных чувств. А что может быть важнее этого для поддержания идеи учительского служения!

Педагогический коллектив Павлыша — это прежде всего сообщество единомышленников. Сухомлинский отстаивает свое директорское право самостоятельно подбирать учителей из людей, разделяющих его педагогические убеждения. Вот как рисует Сухомлинскому образ хорошего педагога: это тот, кто любит детей, умеет дружить с ними, помнит, что сам был ребенком, тот, кто хорошо знает свою науку, умеет раздвигать перед учениками ее сегодняшние горизонты, кто начитан в психологии и педагогике... Еще очень хорошо, если у учителя золотые руки, если у него есть свое трудовое увлечение.

Здесь, в Павлыше, учитель может позволить себе роскошь трудовых, научных, эстетических увлечений. Потому что здесь бережно относятся к его времени, не допускают задержанности педагога формальными требованиями, мешающими его творческому росту. «Мы не допускаем, чтобы самостоятельная работа учителя превратилась в писанину», — говорит Сухомлинский. Здесь не требуют от учителя письменных отчетов, сводят к минимуму всевозможные планы и конспекты. Здесь исключен инспекторский тон при обсуждении уроков. И если директор ходит на уроки учителя, то и учитель посещает уроки директора. Только один день в неделю отводится здесь на педагогические заседания. Остальное время — для самостоятельной работы, для чтения. Книголюбие — один из краеугольных камней, на котором стоит эта школа. Большие библиотеки, общие и личные, постоянные обсуждения прочитанного, сознательно подчеркнутые предпочтения, отдаваемое книге сравнительно с кинематографом и телевидением. Чтение расценивается здесь как основной источник интеллектуальной радости и для учеников и для учителей.

...Недавно я прочла одну рецензию на книгу Сухомлинского, в которой воздавалось должное таланту этого педагога, но одновременно высказывалась мысль, что вряд ли возможен второй Павлыш, поскольку педагогика не химия и каждый опыт в этой области дает новый результат.

Как-то очень не хочется становиться на эту точку зрения. Наоборот, я надеюсь, что чем шире будет распространяться замечательный опыт Павлышской школы, тем все больше одаренных и ищущих педагогов захотят воспользоваться им, применить его и в своей практике. При этом они, конечно, внесут в этот опыт и то новое, личное, чем богат каждый шаг на пути к уму и сердцу растущего человека.

Е. АКСЕНОВА

его скала, его твердыня

Сид Чаплин. СОГЛЯДАТАИ И ПОДНАДЗОРНЫЕ. Перевод с английского О. Сороки. Художник А. Блох. М., «Молодая гвардия», 1970.

Книга эта с секретом и открывается не сразу. Название — «Соглядатаи и поднадзорные» — отвечает лишь одной из внешних линий сюжета, словно приглашая читателя разобраться самого, что тут главное.

Английский писатель Сид Чаплин, родившийся в семье потомственных шахтеров, прекрасно знает жизнь пролетариев и симпатии свои отдает рабочей теме. Советскому читателю знаком его роман «День сардины» — о нелегкой судьбе рабочего паренька Артура Хаггерстона. Вот и в новом романе Сиды Чаплина любовно выписан небольшой английский городок, рабочие кварталы вдоль Дороги. Однообразная и все же привычно-втягивающая страда кузнечного цеха — она дает молодому Тиму Мейсону по прозвищу Тигр ощущение гордости своими руками, своим умением.

Тешащая самолюбие воскресная мужская свобода, торжественный рейд по всем местным барам и пивным, мир дешевых духов и простеньких приключений. Так жил до сих пор Тигр Мейсон, «невисокий рабочий паренек петушиного веса и задиристости...»

И на пороге новой семейной жизни заботы его наивные и больше внешние: как он выглядит, что скажут о нем гости на свадьбе, приятели по цеху, донимающие ухмылками и солеными подковырками. И жаль беззаботного мужского братства гуляк и сердцеводов. И донимает мальчишеский страх перед бесповоротностью этого шага. И девушка, которую он любит, сейчас кажется незнакомой, пугающе враждебной. Меньше всего думает он о ней, о ее мыслях, чувствах, страхах. И так далеки от него мрачные рассуждения старого Питера о молодоженах: «Они друг другу чужие и будут чужими еще черт знает сколько».

Постепенно из-за бытовых картинок, которые порой даже корябят некоторой вульгарностью, встает все отчетливее внутренняя тема книги: как же это происходит, как два донные отдельные человека создают новое, качественно иное целое, имя которому — семья?

Тигр Мейсон и Джин Кидд — как будто удачная пара. Но как поначалу далеки они друг от друга. Он еще «не принял» ее как личность, не подозревает о том сложном и увлекательном мире, в котором она была как дома. И в то же время не желает делить с ней свой потаенный мир мечтаний и стремлений. Он ревниво хранит неприкосновенность своей души, «которая вовеки не должна достаться Джин в добычу». И немало еще искусов — врагов возникающей семьи. И призрак однообразия, плоского прозябания. И почти неизбежное для молодоженов испытание родней. Ведь притираются друг к другу не просто два характера — два мира, два различных уклада, вьезшихся в каждого с детства. И на каждом шагу миры эти сталкиваются, засыпая осколками семейный покой. Что для Джин — родная стихия, то для Тигра чужеродно.

Молодые поселяются у родителей Джин. Тигра невыносимо раздражает бестолковый галдеж этого дома, и как разодета Глэдис, сестра Джин, и как ведет себя за столом ее муж Джетро, и как мгновенно, при всех вспыхивают между ними склоны, перепалки. И как забит и неслышен в доме отец Джин!

И все же Тигр и прав, и неправ. Молодым часто не хватает широты взгляда, чтобы понять: чужое не нравится не потому, что плохо, а потому, что не свое, не привычное. Как знакомым всем молодоженам, живущим под родительской кровлей, эти мельчайшие поводы для раздора. И стоит посмотреть, как осторожно старается Джин провести свою неокрепшую семью через эти рифы и пороги.

Она чутьно угадывает, когда Тигра корябят нравы ее семейства, и дает ему понять, что тут она на его

стороне. Она понимает, когда надо, вопреки угрозам матери, настоять на том, чтобы навестить родителей Тигра, и когда отпустить его одного к своим. Когда дать ему отпор и как сообщить ему неприятное — не сразу, а подготовив его. Исподволь наблюдает она за мужем, изучает его силу и слабость. Медовый месяц — это, оказывается, еще и напряженная работа мысли, исследование незнакомого существа, от которого будет теперь зависеть каждый шаг твоей жизни.

Постепенно Тигру открываются ее человеческие качества. Покоряет ее готовность разделить его печаль, способность утешить. Ее мужество, ее решимость. Так мечтала она о собственном доме, так противилась желанию Тигра снять пока хоть какую-нибудь квартиру. Но она чувствует, что для настоящей семьи необходим свой угол. И осмотрев грязную, запущенную квартиру на той самой улице, о которой прежде она и слышать не хотела, Джин без сил опускается на ящик из-под апельсинов и говорит сивоз слезы: «Вселимся». Она уже овладела умением отказываться от своего желания, когда этого требуют интересы семьи. И отец Тигра уважительно говорит: «Храбрая у тебя жена».

В буднях и тяготах возникают новые узы. И уже Тигр ищет в себе новый дар — сделать что-то приятное, добром, а не упрямством перебороть разномыслие. И уже от всяких сторонних соблазнов пылкого, увлекающегося парня удерживает страх — «не простой лишь страх скандала, а страх непоправимо сломать что-то прочное, быть может, долговечное». И уже не нужны засовы и ограды на душу: всякая радость и тревога, всякая мысль — их общее достояние. Родается новая, чуткая связь между ним и этой женщиной, когда каждое его движение эхом отдается в ней, и ее мир, ее огорчения и желания уже не могут восприниматься для него как что-то чужое и отдельное. Он ощущает, как бесконечно она ему верит, как бесконечно от него зависит — и тем словно обязывает его к силе, мужеству перед лицом жизни. «В этом-то и суть супружества: бросаешь в общий котел и слабость свою, и убогий свой запасец силы, а приходишь пора, и черпаешь оттуда — силу».

Не равно, не гладко протекает становление семейного очага. И очень правдиво и откровенно рисует это автор. Не раз еще домашний лад взорвут новые бури. То Тигр снова ошечитится, когда Джин ловит его на слабость, там, где он дрогнул, отступился; то затоскует о бывшей холостяцкой вольнице. Еще и еще неизбежные испытания — ребенком, который врывается неожиданным гостем, грозя уже слаженному союзу двоих, и безденежьем, и угрозой бездомности.

Но во всех этих бурях и неурядицах исподволь становится все глубже и серьезнее характер Тигра. Он взрослеет, мужает, ищет свое место в мире среди людей.

И тут нам открывается еще один пласт этой книги. Действие ее не замыкается в семейные рамки. Семья, как бы говорит Сид Чаплин, — это необходимый оплот для того, чтобы твердо шагнуть по жизни, исток и опора характера.

Тигру двадцать три года. Мы встречаем его в пору смутной неудовлетворенности, поисков себя, какая бывает у каждого. В ту пору, когда решается — плыть по течению или против. Довольствоваться протоптанной колеей — работа, еда, свой уголок — или тебе нужно еще что-то в жизни. Это глухое беспокойство толкает Тигра к отцу. У него ищет он илюк и себе. Он ощущает разгадку в том, каким был отец в молодости, — в его широкой общительности, готовности всегда привести в дом людей — тех, кто дарит пищу мысли в ответ на чашку чая, и тех, кто «пал духом и брюхом», особенно в трудные послевоенные годы, когда все было по карточкам. Сколько их было — тех, что «приходили унылые, а уходили веселые!» И, видно, Тигр унаследовал этот драгоценный дар. Люди чувствуют в нем надежность, силу, тянутся к нему, ждут от него поддержки. Джин понимает: природный дар — «дар обращать на себя людское внимание; дар принимать все близко к сердцу и глубоко задумываться обо всем».

«Человек для людей», человек, который становится для всех окружающих центром притяжения, источником силы... Откуда берутся такие люди?

Сид Чаплин показывает, как человек идет к этому призванию, как он пробивается еще неосознанно в нескладном, неумелом парне. И все же он еще не готов к этому призванию. При всей своей симпатии к герою автор не скрывает его слабостей. С поразительным знанием тайных струн человеческого сердца рисует Чаплин, как трудно вступить на этот путь.

Тут надо преодолеть вековую заповедь: «Иди своей дорогой, не встречай, куда не просят, будь благодарным — и всякая напасть тебя минует. Не встречай. Занимайся своим, не суй носа в чужие дела». Это ввелось издавна, об этом твердит и мать: «Дру-

гим тут еще пособлять — когда еле успеваешь самому себе и семье пособить, чтоб ко дню не пойти».

Тут мало только желания помочь людям. Тигр долго не может понять, как дать выход этой своей тяге к людям. Отец старается разжечь искру, дает мятущейся мысли Тигра направление во вне, в широкий мир, заставляет задуматься о «миллионах и миллионах бедолаг». «Когда ты по ноздри в сытости, когда глаза и уши заняты, забыты всякой всячиной, то и не задумываешься о главном... А проблема перед нами немалая... Держи глаза настежь открытыми, высматривай знамение времени». Так тянется преемственная нить от его собственной молодости, от крупных рабочих стачек и волнений в давние годы кризиса, годы трудовой солидарности, профсоюзной борьбы.

Надо преодолеть еще один иску — «пробиться», «выйти в люди». И еще — одолеть страх потерять работу. Тревога за жену и ребенка... Автор честно показывает: не так уж напрямик Тигр вступает в бой. Но раз сробел, Тигр не находит себе места.

Такой проверкой на пути к людям стала для Тигра встреча с Тустепом. Это своеобразнейшая личность, находка писателя. Бывший боксер, «живая легенда Дороги», для которого помощь людям стала главным делом жизни. «Всегда он в гуще заварухи — будь то выселение, уличная драка или выборы». Он сам признается: «Меня хлебом не корми, дай лишь просветить людей, организовать, сплотить». Как говорит Тигр, еще долго «люди не перестанут попадать в беду. Для того Тустеп и существует — для тех, кто в беде. И по-моему, от него прямая польза». Для Тигра это проба, один из вариантов пути.

И тут по-новому поворачивается семейная тема. Прежде Тигр думал: жена — это так, для дома, а решения и поступки, связанные с большим миром, — сугубо мужское дело. А оказывается, этой неотделимой половине твоего «я» вовсе не безразлично, как поведешь ты себя за стенами дома, будешь ты мужествен или труслив, верен своим убеждениям или отступишь от них. Какая неожиданность для Тигра, когда Джин, так мечтавший о собственном доме, Джин, уже ждущая ребенка, осуждает его за то, что он не присоединился к Тустепу, не встал с ним в пикет перед судейскими, выселяющими из дому четыре семьи. «Конечно, нас теперь ребенок свяжет по рукам и ногам, и дом купить не на что будет... Но все равно, раз решился, значит не вилай, не отступай». Она же требует, чтобы он, переступив через свою обиду, помог опустившемуся приятелю: «Мы ведь за него в ответе». И в серьезной размолаке с жизнью, когда Тигр чувствует, что люди от него чего-то ждут и требуют, и не хватает сил, и мир кажется лишь онеможенным нервоотрепкой, Джин возвращает ему мужество, оказывается ему опорой. Вот в чем истинная суть семьи. Он в мире с Джин — и отступает глухое чувство бессилия перед судьбой. Джин — его скала, его твердыня.

Нет, не только домашние заботы нести им вместе. Вместе выходить в большой мир, расти в себе человека. Самые исконные женские заботы толкают Джин к широкому взгляду на мир. Она думает о будущем своего ребенка. «Дай бог, чтоб мы не единственной опорой ему в жизни были». Думаешь о себе — думай о людях. Эту ответственность за все, что происходит при нас, ощущают они оба. И когда в квартале вдоль Дороги назревает кровопролитная резня — хозяева по извечному рецепту, чтобы отвести гнев бедноты от себя, натавливают народ на припиль, на чужаков, на цветных, Тигр выходит один против разъяренной толпы. Пусть пока неумело — озверелую толпу словами не проймешь, — и все же в сознании многих это оставит свой след. И прощаемся мы с Тигром тогда, когда он снова затевает борьбу с хозяевами, решается на отчаянный шаг, рискуя лишиться крови для жены с крохотным ребенком. В конце книги Тигр уже становится преемником отца. Мы чувствуем это и по такой детали: на похоронах отца только у него достало сил и внимания, несмотря на поразившее его горе, подумать о незнакомом старике, неизвестно откуда появившемся на похоронах. Это чисто отцовская черта — внимательность и отзывчивость.

«...Никто и не заговорил с ним. А он, должно быть, знал отца. Кому-то из нас надо же поблагодарить». И разговор с этим стариком открыл ему истинную суть его отца и цену прожитой им жизни — если человек из такой дали миль и лет приехал проводить того, с кем тридцать лет не выдался, если за это время не потускнела память о нем. И самое главное, что открыл ему старик: «Если бы явился проводить его все те, кому он помог тогда, выслушал, посочувствовал, то они бы и не уместились тут». Быть может, это высшая оценка человеку.

Так книга Сиды Чаплина приводит к самым важным раздумьям о месте человека в жизни.

Э. КУЗЬМИНА

ХОТЕТЬ — ЗНАЧИТ СТРЕМИТЬСЯ

Т. Илатовская. КЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ БЫТЬ? М., «Знание», 1969.

«...Может ли человек стать господином собственной судьбы, может ли он «сделать» самого себя, создать свою собственную жизнь?» Эти слова Антонио Грамши приведены в качестве эпиграфа и одной из глав брошюры Т. А. Илатовской «Кем ты хочешь быть?».

«Я хочу стать штурманом дальнего плавания, эта профессия мне нравится с детства», — написал один десятиклассник, отвечая на вопрос анкеты, которую Т. Илатовская провела в выпускных классах двух школ Новополюца. «Мне кажется, — не без оснований замечает автор брошюры, размышляя над анкетами, — что ему никто не объяснил значения слова «хотеть». Хотеть — это стремиться, добиваться, делать усилия».

Да, конечно, «хотение» Манилова, мечтающего о лавках с товарами на построенном в его воображении мосту, или Обломов, который, лежа на диване, совершал в полудреме великие «подвиги», ничего общего не имеет с настоящим, практически действенным стремлением к цели, свойственным герою нашего времени. Но вот вопрос: к чему стремиться, чего добиваться, в каком направлении прилагать усилия, «делая» самого себя? Над этим вопросом и размышляет вместе с читателем Илатовская.

Автор, к счастью, пользуется не только данными собственных наблюдений, а довольно широко использует материалы теоретических работ экологов, социологов, педагогов, психологов. К примеру, данные новосибирских ученых, приводимые в брошюре, свидетельствуют: больше половины десятиклассников ошибочно представляют себе даже самое близкое будущее. Так или иначе, учиться по окончании школы рассчитывают более 90 процентов выпускников, в действительности же поступают в вузы или совмещают работу с учебой в лучшем случае немногим более трети.

Впрочем, зачем, как говорится, ума искать и ездить так далеко, эти проблемы сегодня — на каждом шагу вокруг нас.

Верно подмечается старомодность представления об интеллигентном человеке как человеке интеллигентной профессии. «Многие десятиклассники стремятся в вузы только потому, что и школа, и родители сызмальства внушают им, что не попасть в институт, то бишь не стать человеком интеллигентного труда, стыдно», — пишет автор. В подтверждение своего тезиса об истинной интеллигентности как стремлении к интеллектуальному совершенству приводится конкретный пример — молодого кузнеца с «Уралмаша» Германа Гаврилова.

Герман — настоящий ас своего дела, его паровой молот доставляет ему кучу неприятностей, но Герману нравится все время преобразовывать, совершенствовать машину. К тому же он любит стихи, увлекается литературой (в школе советовали поступать на филологический), заядлый футболист, турист, рационализатор высокого класса. И в машиностроительной технике учится не для того, чтобы уйти от молота, а просто у него потребность больше знать, лучше уметь. Что и говорить, отличный парень Герман Гаврилов, в наши дни таких становится все больше. И все же... Вспоминается, как недавно рассказывала одна знакомая учительница музыки, недавняя выпускница консерватории, о своей свадьбе с молодым рабочим, во многом напоминающим Германа. Он покорила ее друзей и подруг открытым характером, широтой знаний, красивым голосом, остроумием. И все же после свадьбы многие сказали ей: «Знаешь, Николай, конечно, очень мил, но выйти замуж за простого слесаря...» Так что ориентировка молодежи не на интеллектуальное совершенство, а на вполне утилитарное стремление «заполучить приличную, то бишь «интеллигентскую», должность», как пишет Илатовская, явление еще весьма распространенное.

Рассказ о Германе Гаврилове — эпизод в книжке «Кем ты хочешь быть?» — своего рода уступка автора сегодняшнему дню. «Сегодня мы еще не в силах оторвать человека от станка, трантора, подземного комбайна. Завтра это станет счастливой необходимостью. Нарастающая автоматизация требует все новые кадры». Кадры для автоматизации нам нужны, об этом спорить не приходится. Но случайно, например, математический факультет педагогического института имени В. И. Ленина в Москве готовит не только учителей математики, но и программистов. К этому разумному решению пришли после того, как значительная часть учителей математики «явочным порядком» переквалифицировалась в программисты. Но вот станет ли «счастливой необходимостью», да еще завтра, отрыв человека от станка? Не носит ли брошюра в этой своей части следов той пролетевшей по страницам фантастических романов и некоторых популярных изданий концепции, согласно которой в скором будущем люди будут лишь нажимать на кнопки и заниматься чисто интеллектуальным творчеством, а всю черную работу, связанную с добычей материальных благ, возьмут на себя умные машины? «Инженер у электронных гигантов — чернорабочий конца XX века. Высшее образование становится нормой», — утверждает автор. Но позволяет ли тогда права те мальчики и девочки из Новополюца и сотен других городов и сел, которые в своих ответах на вопрос анкеты дали «джентльменский набор» профессий. Почему же автор не только удивлен, но даже несколько обижен, что никто из этих молодых людей, которые как раз и будут главной производительной силой общества в конце века, не изъявил желания заниматься сервисом, сельским хозяйством, бухгалтерией? Именно эти области, согласно вышеприведенному пророчеству, в первую очередь могли бы стать управляемыми с электронных гигантов.

Нет, давайте все же брать вещи такими, каковы они в действительности. Пона что нормой становится среднее образование, и становление его нормой общеобязательной потребует еще и некоторого времени, и немалых усилий. Думать же, будто проблема производительных сил общества и концу века будет решена инженерами у автоматизированных устройств, — это, мягко говоря, утопия.

К сожалению, этой утопической идее как бы подчинен в значительной своей части материал всей брошюры. Сообщив читателям, что Писарев в четыре года говорил и писал на четырех языках, а Моцарт в семь лет выступал в королевских концертах, автор довольно подробно рассказывает о воспитании детей в двух семьях. В одной из них четырнадцатилетний мальчик становится студентом математического факультета университета. В другой — девятилетний ребенок успешно учится в пятом классе, такое же развитие обнаруживают и остальные подрастающие дети. Разумеется, факты такого рода весьма интересны для науки, но их надо изучать, а не делать предметом сомнительной рекламы. Недавно популярнейшая «Неделя» на первой полосе поместила огромное фото: четырнадцатилетняя девочка окончила с золотой медалью школу и поступила в университет. Пусть учится на здоровье! Но, собственно, в чем смысл таких публикаций? Уж не в том ли, чтобы побуждаемые тщеславием родители во все возрастающих масштабах начинали требовать перевода их вундеркиндов через класс и через два? Настоящая проблема сегодняшнего дня — подтянуть дошкольное воспитание в семье и детском саду к требованиям программ первого класса, помочь шести- и семилеткам осилить эту нелегкую программу...

Размышляя над вопросами, поднятыми в брошюре, было бы несправедливо поставить здесь точку. Программа программой, но развитие творческих способностей, на котором автор особенно настаивает, действительно важнейшее условие формирования разносторонней личности. Характерен в этом отношении разговор автора с одним из «фэзмшатов», воспитанников физико-математической школы. Т. Илатовская спросила его, читал ли он Пришвина или Паустовского. Тот рассеянно ответил: «Нет!» — «Не попадались?» — «Нет, просто жаль было времени».

«Он красиво говорил, интересовался научной фантастикой и прилично решал задачи. Но он не умел радоваться занату, любить сказки Андерсена и думать — не об интегралах или квантовых скачках, а просто о жизни, о том, что такое добро и зло. Это его не интересовало».

И потому он никогда не станет Галуа, перед именем которого он преклоняется», — с грустью заключает автор.

Приходив на память еще один эпизод из жизни «фэзмшата», о котором писала как-то газета. В дождливый осенний вечер в интернате стала протекать крыша, потолок в зале намок. Заметившая это де-

журная воспитательница прибежала к старшим воспитанникам.

— Беда, ребята, надо помочь скорее заделать крышу!

Никто из «интеллектуалов» даже не повернул головы, лишь кто-то проворчал:

Нам некогда, завтра контрольная по начертательной геометрии...

Тут уж дело не просто в одностороннем развитии творческих способностей, но в воспитании чувства гражданственности, которое Т. Илатовская справедливо называет вершиной педагогических усилий.

Не случайно известный летчик-испытатель в беседе с автором брошюры подчеркнул необходимость как можно раньше воспитывать у детей чувство ответственности.

— Недавно Маринка, дочь, собралась со своим классом на экскурсию, — рассказывал летчик. — Спрашиваем: куда поедете? Не знают. На чем поедут, где сбор — тоже не знают, уточняй в школе, перед отъездом... Никакой заботы — их соберут, отвезут. Это мелочь, но она характерна.

Да, весьма характерна, разумеется, не только для школы, но в неменьшей степени и для семьи. Обстановка безответственности и беззаботности во многих семьях приводит к таким, например, курьезам, что пятнадцатилетний парнишка предпочитает съесть весь хлеб, масло и колбасу, имеющиеся в доме, всухомятку, чем поджарить уже купленные котлеты, отварить макароны, разогреть суп и пообедать.

Другая тенденция, напротив, в проявлении у некоторых подростков излишней житейской умудренности, в наличии у них таких взглядов на жизнь, приобритости которые можно лишь с «черного хода».

Как видим, в брошюре поставлено немало весьма острых проблем. Не всегда автор намечает верные пути их решения, некоторые же только ставит в виде вопроса перед читателями, но одно бесспорно: книжка будит мысль, вызывает чувство озабоченности, сознание, что подготовку молодежи к жизни и в школе, и в семье необходимо совершенствовать.

Л. ГОРДИН,

кандидат педагогических наук

Недавно выпущено ...

Борисов П. М. Может ли человек изменить климат. М., «Наука», 1970. 192 с. с илл. 35 000 экз. 31 к. Зильберштейн И. Разыскания о Тургеневе. М., «Правда», 1970. 48 с. 100 000 экз. 6 к.

Картавцева М. И. Родители просят совета. М., «Знание», 1970. 64 с. 118 000 экз. 12 к.

Кисин И. Е. Поиски новых лекарств. М., «Знание», 1970. 64 с. 80 000 экз. 12 к.

Крепин М. С. Трудный класс. Записки учителя. Л., Лениздат, 1970. 142 с. 10 000 экз. 17 к.

Круглый год. 1970. Худож. О. Верейский. М., «Дет. лит.», 1970. 343 с. с илл. 100 000 экз. 1 р. 32 к. (Для младших школьников).

Музыка — детям. Вопросы муз. эстет. воспитания. Сост. Л. Михеева. Л., «Музыка», 1970. 191 с. с илл. 10 000 экз. 70 к.

Образцов С. О том, как в ледяной пустыне родился маленький пингвин. О том, какие у него были приключения. О том, как он вырос и стал большим. Фото А. Кочетова. М., «Малыш», 1970. 48 с. с илл. 200 000 экз. 29 к. (Для дошкольников и младших школьников).

Победа. Писатели о подвиге Ленинграда в Великой Отечественной войне. Вступит. статья Д. Гранина. Л., Лениздат, 1970. 364 с. с илл.; 8 л. илл. 100 000 экз. 87 к.

Сарьян М. С. Из моей жизни. Вступит. статья А. Гончарова. М., «Изобразит. искусство», 1970. 382 с. с илл. 1 л. илл. 2 р. 22 к. (Автобиографические воспоминания известного армянского художника).

Соколова Н. Шины шуршат по асфальту. Повести и рассказы. М., «Сов. писатель», 1970. 511 с. с илл. 100 000 экз. 86 к.

Хрипкова А. Г. Разговор на трудную тему. Заметки о половом воспитании. М., «Педагогика», 1970. 60 с. 300 000 экз. 9 к.

Челобатарев Д. Ф. Долголетие. М., «Знание», 1970. 80 с. с илл. 60 800 экз. 15 к.

всегда с нами

Творчество, излившееся в жизнь

Перед нами сегодня предстанут пластинки с записями произведений Чайковского.

Появление в доме новой пластинки — маленький, но очень радостный праздник. Не обязательно иметь страсть коллекционера, чтобы составить фонотеку. Коллекция имеет уже самостоятельное значение, принцип собирания пластинок филофонистами особый, зачастую он мешает непосредственному слышанию музыки.

Можно иметь много разных соображений о музыке, но самый верный путь ее познания — проникнуть в глубь самой музыки, в ту жизнь, которая сохранена в ней, выражена в ней.

Нет имени музыканта более популярного среди слушателей, чем имя Петра Ильича Чайковского. Даже люди, не имеющие близкого отношения к музыке, в большинстве своем знакомы с его известнейшими произведениями, и не только знакомы с ними, но и понимают их, чувствуют их соединенность со своей жизнью, ощущают в них резонанс тому или иному своему состоянию.

В чем же причина такого глубокого проникновения этой музыки в нашу жизнь?

Всю жизнь Чайковского заполняло творчество, его композиторская деятельность. Его естественной, жизненной потребностью была ежедневная работа за столом, ежедневная концентрация творческой энергии. Каждое проявление жизни в нем самом и вокруг него Чайковский стремился запечатлеть тут же нотными знаками, воплотить эту музыку в жизнь, сделать каждый значительный для него момент непреходящим.

А поскольку жизнь самого Чайковского является жизнью человека, сомневавшегося в себе, человека, часто испытывавшего взлеты и спады, несшего в душе своей противоречия, то в его музыке многие и разные люди слышат как бы свою собственную жизнь. Гений Чайковского-композитора сумел вобрать в себя все проявления жизни. Потребностью его натуры была полная самоотдача, а поскольку он был музыкантом, то высшей и единственной формой выражения творческой самоотдачи было сочинение музыки.

Вот два бессмертных сочинения Чайковского: одно — самое глубокое, последняя 6-я симфония, другое — самое популярное из его произведений, Первый фортепьянный концерт.

Начать хотелось бы с записи, которая связана с моментом, дорогим сердцу многих, с записи Первого концерта для фортепьяно с оркестром в исполнении Вана Клиберна. Концерт был записан Ваном Клиберном с симфоническим оркестром Московской филармонии (дирижер Кирилл Кондрашин) сразу после Первого международного конкурса имени П. И. Чайковского, проходившего в Москве в 1958 году.

Тогда в Москве впервые в таком объеме была играна музыка великого русского композитора. В программу третьего тура пианистов фортепьянный концерт Чайковского входил как обязательное произведение. Все участники финала конкурса — а их было около десяти — играли Первый концерт, играли, сознавая всю важность происходящего для их артистических судеб, играли молодо, с энтузиазмом, раскрывая себя в музыке. Казалось бы, слушая столько раз один и тот же концерт, слушатели должны были истощить запасы душевной энергии, и даже очень большая любовь к этому сочинению не смогла бы заставить их слушать его еще раз. И тем не менее, когда шел заключительный концерт конкурса, в котором Клиберн играл Первый концерт, тысячи людей слушали его в восторженном порыве. Это были люди, заполнившие Большой зал Консерватории, и те, кто включил свои телевизоры для того, чтобы доставить радость от общения с музыкой и замечательным артистом самому себе и тем, кто пришел к ним в этот вечер. Поистине это был праздник!

До сих пор, слушая эту запись, мы говорим: «Как хорошо!» Как естественно входит музыка в комнату, заполняя собой все вокруг!

Именно естественная стихия музыки руководила Чайковским, когда он сочинял свой Первый концерт. И та же стихия ожила, нашла себя в игре Вана Клиберна. Он сумел удивительно непосредственно, может быть даже бессознательно, открыть ее всем вокруг. В совпадении стихий родилось как бы новое творение — Первый концерт Чайковского, исполненный Клиберном.

Первый концерт си бемоль минор, ор. 23 был сочинен Петром Ильичом Чайковским в ноябре — декабре 1874 года и впервые исполнен в Петербурге профессором Г. Кроссом 1 ноября 1875 года, затем, в том же месяце, в Москве — Таневым. Многократно и с подлинным успехом исполнял Первый концерт Чайковского Николай Григорьевич Рубинштейн.

«Вас всех поздравляю с первым русским фортепьянным концертом, написал его Петр Ильич». Это слова из письма восемнадцатилетнего Сергея Ивановича Танеева — ученика Чайковского — от 17 декабря 1874 года.

«Концерт Чайковского — произведение замечательное, — писал выдающийся русский критик, со-

временник и биограф Чайковского, Герман Ла-рош. — Он не похож ни на один из тех концертов, в которых современные мастера — Рубинштейн, Лист, Литольф, Брамс, Сен-Санс, — каждый по-своему, старались обойти торную дорожку. Свежесть и самобытность этой вещи вдвойне приятны в наше время...» Действительно, концерт звучит свежо, музыка его так проста, характерна и ярка, что он завоевал сердца людей, хотя и не сразу. Простота этой музыки нередко вызывала раздражение у музыкантов. Но, может быть, именно то, что концерт решен однопланово — в радостном эмоциональном ключе, — и позволяет воспринимать его цельно. Эта музыка воздействует неотразимо. Обаянию второй части нельзя не поддаться, настолько нежна эта колыбельная. А первая и третья части вливают в слушающего едва ли не физическую доброту, энергию, радость, заставляют оптимистически воспринимать жизнь вокруг.

В этом произведении сконцентрировалась удивительная проникающая энергия музыки Чайковского. Энергия, которая нашла выход в лучших его вещах, созданных в моменты душевного взлета или внутренней борьбы, то есть в моменты высшей концентрации огромных творческих сил. И здесь мы прежде всего думаем о 6-й симфонии, созданной композитором незадолго до смерти в 1893 году.

Состояние Чайковского в момент создания произведения было высшим выражением душевного кризиса, который Чайковский пронес через всю жизнь. Внутренняя раздвоенность, борьба с самим собой, частая потеря веры в себя, болезненная восприимчивость характерны для Чайковского. Такие состояния то преследовали его — и это ясно отражалось в его сочинениях, — то оставляли — и тогда его творчество приобретало иной, более светлый характер. В 6-й симфонии, которой автор дал название «Патетическая», попытки вырваться из трагедии неудовлетворенности выражены особенно сильно. Свобода изложения симфонии, совершенство воплощения жизни, которой жил в этот момент сам Чайковский, поистине поразительны. Это — лебединая песнь композитора, который скончался через девять дней после впервые исполненной под его управлением симфонии.

Весь трагизм этого произведения, отчаянность всех его попыток вырваться к свету, уход в глубь человека, его интимнейших психологических проявлений — все это ярко и сильно воплотил в своей интерпретации 6-й симфонии выдающийся дирижер современности Евгений Мравинский. В этом замечательном исполнении отразилось и своеобразие мышления, стиля Мравинского — дирижера и музыканта, и глубина великого создания Чайковского. Идея композитора воплощена в строго логически обоснованном развитии; какие бы то ни было эмоциональные «перехлесты», какая бы то ни было болезненность — исключены; перед нами — высокая трагедия...

Исполнение Мравинским этой симфонии (записанное на пластинку), как и других произведений Чайковского, остается образцом проникновения в сущность творчества великого русского композитора.

Прошло уже почти сто лет с тех пор, как концерт для фортепьяно и 6-я симфония были исполнены впервые, а музыка эта живет и поныне, она стала неотъемлемой частью нашей жизни. Невозможно представить ни творчество Чайковского, ни вообще русскую музыку без этих творений.

Вслушаемся же в эту музыку. С ней мы войдем в гармоничный мир наших чувств.

Елена ЗАЙЦЕВА

ДАВАЙТЕ

ПОИГРАЕМ!

Ф. ИПОЛИТОВ,
кандидат
психологических наук

Час потехе— важный час

а как у вас?

Говорить о значении игры для воспитания ныне как-то даже неловко — столько про это написано уже, столько лекций прочитано. Золотые слова корифеев педагогики — от Ушинского (в ходе игры ребенка можно учить успешней и быстрее, чем на обязательных уроках) и до Макаренко (каков ребенок в играх, таков во многом будет в жизни, когда подрастет), — кажется, ныне известны не только взрослым, но и дотошным современным детишкам. Родители дошкольников знают: если чем ребенок готов заниматься в любое время и всегда с охотой, так это игрой. Если же дитя вошло в школьный возраст, оно, увы, пытается играть иной раз и на уроках, и на переменах, и дома, когда ему давно пора усаживаться за тетради. Итак, ребятам доказывать значение игры явно не надо. А взрослым? Попробуем представить, как ответили бы папы и мамы на такие вот вопросы:

1) Сколько часов в среднем они играют со своими детьми, скажем, за месяц?..

2) Зачем и для чего осуществляется эта полезная деятельность?..

По первому вопросу точные цифры предсказать трудно, но кое-что можно предвидеть. С дошколятами наверняка играют больше, а со школьниками — не столь уж часто (уроки учить надо, а не пустяками заниматься!).

По второму, видимо, ответы будут примерно такими: «Я играю с дочкой, когда есть время и она

уж очень просит поиграть с ней». «А я играю, если сын весь день вел себя хорошо, ничего не набедакурил. Так сказать, в качестве поощрения». «А я, говоря по правде, затрудняюсь вам сказать. Ну, есть настроение — поиграешь с сынишкой, нет — нет... Как когда...»

Есть и дипломаты, есть и искренне наивные люди: «Знаете ли, взрослым лучше не вмешиваться в детские игры. У детей свой мир, своя психология, мы там гости незваные...»

Такие речи часто лишь отговорка, реже — плод действительно неудачных попыток. Да, дети не любят, когда старшие «лезут» в их игры. Дети реагируют не словом, так делом: игра тускнеет, расстраивается. Может, и впрямь надо оставить их в покое? Разве педагоги не установили истину: всем детям всех возрастов необходимы своего рода «заповедники», «зоны полного суверенитета», где они абсолютные хозяева, куда взрослым лучше не вмешиваться?

Что можно сказать на это? Ну, во-первых, полный суверенитет вряд ли возможен: так или иначе, а взрослым время от времени приходится вмешиваться, хотя бы для того, чтобы унять не в меру разошедшихся ребят. Так стоит ли ограничиваться одними «надзирательскими» обязанностями?

Второе: не надо бояться неудач. Никаких душевных шрамов и зловещих последствий не оставит неудачная попытка поиграть с собственным ребенком.

Наконец, естествен и такой вопрос: коли речь идет о школьниках, как быть с пресловутой перегрузкой? И не собирается ли автор статьи добавить еще кулек-другой в увесистую корзину бесчисленных педагогических «надо»?

Здесь позвольте автору обратиться к собственным воспоминаниям. В бытность школьником ему довелось сидеть за партой с товарищем по фамилии... обозначим его З. Учился этот З. средне, ничем особенным не выделялся. Подошел четвертый класс, начались азы географии. И тут внезапно для всех З. обнаружил потрясающую эрудицию: он, казалось, помнил наизусть все, что было изображено и написано на большой классной карте страны. После нескольких сенсаций на уроках З. рассказал вот что: года полтора пред тем у него надолго слегла в больницу мать, и дома по вечерам за мальчиком присматривал отец. Чтoб парнишка не скучал, папа поста-

рался его занять чем мог и придумал игру по карте, висящей дома: отец подходил к карте, высматривал там что-нибудь, а потом говорил сыну: «Найди Салехард». Тот кидался к карте, а отец переворачивал минутные песочные часы. Успел обнаружить Салехард — тебе очко, не успел — ноль. Затем точно так же давал отцу задачу сып. И тоже с часами. После одной-двух проб они стали играть до 20, а потом до 40 очков — кто первый наберет такую сумму. Когда играли просто так, когда — на мытые посуды или на «лезь под стол». У отца хватило такта на мелкие хитрости, оживлявшие игру: то он напoказ «выискивал» Печору где-то близ Владивостока, то сыну загадывал Улан-Батор, поведив пальцем где-то в Финляндии. Так почти ежедневно занимались отец и сын несколько недель, пока не вернулась домой мама. Папа поспешил передать сына на ее попечение, ему стало вечно некогда, про игру мало-помалу забыли, и сам юный З. спустя полтора года был немало удивлен, как легко ему оказалось «впервыезнакомиться» с картой в четвертом классе...

требует умения

Вот мы и подошли к главному. Игра не самоцель, не дополнительная нагрузка для старших, не пикантная приправа к черному хлебу школьной науки. Игра в семье — прежде всего средство, способ, инструмент. Во множестве педагогических книг и статей упоминается находчивый родитель, которому долго не удавалось приучить к аккуратности и порядку своего сына. Стоило заметить, что у этого нормального ребенка есть нормальная тяга и интерес к матросам, линкорам, капитанам и т. д., стоило лишь полусушить объявить пареньку: «Давай вот эта комната будет линкор, я боцман, а ты матрос первой статьи», — как нудная до слез процедура уборки преобразилась. Панины приказы стали боцманской командой, и «экипаж» вполне лихо накидывался на «палубу».

Придирчивый читатель заметит: да, конечно, можно без конца приводить примеры удачного применения игры в воспитательных целях. Ну, а как насчет неудачных? Ведь и с той же корабельной палубой

можно насчитать немало противоположных историй. Папа предлагает ребенку прибрать палубу, а тот ведет себя как матрос-анархист из «Оптимистической трагедии»?..

Отчего же бывают неудачи? Есть тут за что уцепиться или все в воле случая? Другими словами, умение играть с детьми вообще, с собственными в частности — это «божий дар», природное искусство или такое же мастерство, как все в педагогике: одним дается чуть ли не само собой, другим — после известной тренировки, ценой проб и ошибок? Конечно, справедливо второе, а не первое.

ЕСТЬ СВОЯ МЕТОДИКА

Существует вполне определенная методика игровых занятий, с четкими советами и запретами. Некоторые из ее положений приходится усваивать больше на опыте, сладком или горьком. Но многие положения достаточно просто прочесть, продумать и запомнить. Любому разумному взрослому человеку они доступны и даже немедленно претворимы в дело. Поскольку все методические правила игр — результат разбора ошибок и неудач, лучше так их и запомнить — «со знаком минус»: не «что делать», а «чего избегать».

Итак, чего *не надо* делать, играя с детьми?

Первая заповедь — нельзя сохранять позицию превосходства, мину и манеры солидного лица, снизошедшего до пустяковой забавы. Игра возможна только на равных, с одинаковым интересом.

Кстати, раз игра идет на равных, то и обязанности должны быть равными. И не должно быть чрезмерного превосходства одной стороны над другой — а то какой интерес?.. Поэтому надо «поддаваться» ребенку, если вы сильнее в игре: давайте ему возможность время от времени вас обыгрывать (но чтобы он верил вашему проигрышу, не то выйдет та же самая снисходительность). С другой стороны, есть дети и подростки с нездоровым самолюбием, готовые без конца играть с заведомо слабым партнером, лишь бы все время испытывать чувство превосходства и победы. Им нужна не игра, не борьба и победа, а только победа без борьбы, без опасности, без риска! Это очень многозначительный и опасный признак. В детских кол-

лективах не любят таких игроков — ведь они норовят выйти из игры, когда она не в их пользу, не соблюдают правила, пускаются на разные хитрости, лишь бы не оказаться побежденными. Понаблюдайте за ребенком в ходе игры, примечайте все беспристрастно, не будьте и в этом смысле снисходительны к своему малышу, не давайте отцовской (а особенно материнской) любви себя ослепить.

Вторая заповедь — добровольность. Нельзя приказывать: «Валя, через час будешь со мной играть! Готовься, убирай-ка там своих кукол». Впрочем, конечно, можно это произнести... разок-другой, а потом, скорей всего, Валя будет стараться вовремя удраť к подружкам, прихватив игрушки. Не стоит и упрашивать: «Валюша, сыграй-ка со мной в «города»!..» — тоже ведь получится нарушение принципа «на равных».

Как лучше действовать? Можно начать игру с кем-то из взрослых, постаравшись, чтобы она была веселой и оживленной, а дитя пусть поглядит и само попросит принять его. Можно предложить сыграть (словно между прочим — если сама игра знакома уже), а коли у младшего партнера нет настроения — то и не надо.

Можно начать с поддразнивания («Ты у Вовки выиграла случайно, вон я никогда не пробовал, а и то тебя обыграю в пух и прах!.. Что, разве нет? А ну, давай попробуем»).

Можно начать и так: «Вот я вчера видел, дети играли в такую игру (описать условия). Ты ее знаешь? Давай попробуем». А можно даже сослаться, что игра требует каких-то способностей: «Давай проверим, какое у тебя внимание».

Короче говоря, способов множество — важно лишь, чтобы любой из них «завлекал» ребенка в игру.

Третья заповедь — не надо стремиться к чинности. Побольше задора, азарта, даже преувеличенного, побольше непосредственности в откликах на любые перипетии игры! У вас всегда должно быть в запасе несколько реплик и метких слов, которыми можно подзадорить юного противника.

Четвертая заповедь — семь раз отмерь. Иначе говоря, игры (одну или несколько) нельзя проводить смаху, непродуманно, без подготовки. То есть это можно один-два раза, в порядке исключения, для собственной тренировки или от «нечего делать». А вообще — прежде чем затевать игру надо «проиграть» ее всю мысленно.

ЧТО ЭТО ДАЕТ?

А как оценить педагогическую ценность игры, ее психологическое содержание (что она дает ребенку, что развивает?). Общий путь рассуждения здесь таков: если игра требует от ребенка ловкости, — значит, она и развивает это качество. Если игра требует памяти на слова, — значит, она тренирует память на слова. Если в игре побеждает самый находчивый и сообразительный, — значит, именно эти свойства и будут исподволь крепнуть и расти у ребенка в данной игре. Любой человек с житейским опытом, научившийся маломальски соразмерять свои силы с жизненными задачами, вполне в состоянии представить себе (по описанию новой, незнакомой ему игры), как все должно идти. А по этому представлению вполне можно судить о тех качествах — и физических, и психических, — которых она требует (и которые развивает!). Вот, скажем, довольно нелепая игра в «города»: вы называете — Ростов, ваш партнер должен назвать любой город на букву В. Так до тех пор, пока кто-то не застрянет (нельзя называть один и тот же город больше одного раза), исчерпав все свои познания. Бывают варианты: или ставят песочные часы, или один игрок, назвав свой город, начинает быстренько считать до десяти. Как бы то ни было, любому ясно: для игры надо: а) знать названия городов хотя бы в количестве нескольких десятков; б) уметь различать начальную и конечную буквы. Значит, эта игра для школьника, успевшего познакомиться с картой, а малышу-шестилетке, даже если он уже читает, она не особенно подойдет.

Взять совсем иное — салки («пятнашки»). Классическая детская игра, в разных вариантах бытующая у многих народов.

Так вот, что дает эта игра детям? Кое-что видно сразу: бегают, визжат, хохочут, тратят избыточную энергию. По-ученому, стало быть, — развитие двигательных навыков, сердечно-сосудистой, а также дыхательной систем. Дальше: раз есть правила и нормы, — значит, действует общественное мнение, какой-то коллективизм, какое-то приучение к морали, к уважению других и всеобщему дружному равенству в игре — тоже неплохо. Неудачливые водящие осмеиваются, ловкие и находчивые награждаются почетом (часто аб-

солютно не заметным для всех взрослых вокруг). Отсюда — желание отличиться, подражать догоняющего, а в последний момент увернуться. Это уже какая-ни есть смелость и находчивость. Прибавьте возможность выручить товарища, отвлекая водящего на себя (очень частая ситуация). Прибавьте и развитие глазомера в движении — куда бежать, когда свернуть и пр. Хорошая игра, недаром она интернациональна и охватывает детей от 5 чуть не до 15 лет! Жаль только, что в городе не всегда есть место ее затеять...

Примерно так же можно оценить любую игру. Если вы ее видели где-то — очень хорошо, вспомните и прикидывайте, что из нее можно извлечь. Если знаете только по описанию — постарайтесь сперва представить весь ход и детали игры «в уме».

Итак, четыре главных методических правила организации игр: равноправие, добровольность, задор, подготовка. От первого к последнему — трудность все больше. Играть «на равных» может кто угодно, если захочет. Задор обеспечить уже не так легко, а подготовка и продумывание, пожалуй, всего трудней с непривычки: никогда заранее не знаешь, какая мелочь может оказаться важной и причинить неприятности.

Зато что хорошо: все эти каноны проверяются одним и тем же — ребенку должно быть интересно, весело! Если это достигнуто — считайте, вы на верном пути. А коли наоборот, тогда приходится разбирать неудачу по каждому из этих пунктов — не от первого ли все сорвалось?.. Не от третьего ли?..

мера времени

Начало, «затравка» игры — важный момент, но и конец тоже нужен разумный и своевременный. По вечерам сплошь и рядом дети легко перевозбуждаются, начинают то дурачиться, уже выходя из рамок игры, то просто «разгоняются» так, что трудно их остановить. Уже час играете, и два, а дитя умоляет: еще! Если и вы поддадитесь возбуждению, можно испортить все дело, закончив его слезами и нервотрепкой. С другой стороны, и здесь игра оказывается сильным индикатором — каков характер ребенка? Насколько вы, старшие, можете предсказать его поведение наперед, если знаете ситуацию?.. Что касается советов

насчет концовки нашего мероприятия, то лучше всего, по-видимому, два варианта: либо «спустить дело на тормозах»: покажите, что вы и сами устали, что игра вам надоела — это действует безотказно, передается и внушается в большинстве случаев неплохо — либо быстро выключайтесь из игры, моментально превращаясь из равноправного партнера в полноправного родителя, у которого много важных взрослых дел. Первый вариант хорош для возбудимых, нервных (а значит, легко внушаемых) детей. Второй — во всех случаях, когда родители отучили ребенка от капризов и приучили к священному «снелзья».

Если выбранная вами игра непривычна и сложновата для ребенка — постарайтесь упростить ее, отменить некоторые правила, а потом ввести их заново. Тут вот что важно: постепенное «вхождение в игру» за несколько вечеров нужно не только для ребенка (ему не по силам одолеть все сразу), но и для вас, старших. Вам ведь тоже не сразу удастся вести игровые занятия в системе. А это совершенно необходимо. Один вечер, одно занятие мало что даст, нужен ряд, цикл. Скажем, неладно у вашего ребенка с математикой. Вы начинаете незаметно склонять дитя к занимательным задачам, загадкам, головоломкам, числовым играм. Вы рассчитываете, что убьете несколько зайцев: и поборете неприязненное отношение к этому предмету (раз идут двойки — какая уж тут любовь к математике...), и незаметно прощупаете, на чем именно спотыкается юный математик, что ему не дается. И, наконец, потренируете его именно на том, что не дается. Можно все это взять за один вечер?.. Конечно, нет. Первые вечера уйдут на то, чтобы сами-то вы освоились, научились вести игру, а не плестись за ребенком, за случайными скачками его настроения и сообразительности. И вот как раз очень удобны для этого игры с усложнением.

стимулы и нагрузки

Если при этом у старших хватит терпения и умелых рук на такие аксессуары, как раскрашенные настенные таблицы (наподобие футбольных) с тщательным учетом штрафных очков, с продолжением таблицы в течение многих вечеров, это не будет лишней на-

грузкой, а, наоборот, превратится в добавочный способ оживить игру, в источник новых впечатлений и переживаний для ребенка.

Ну, а такое «приложение» к играм, как торжественные финалы, чествование победителей, вручение призов? Конечно, вряд ли стоит это делать после одной игры или даже нескольких партий в течение нескольких вечеров. Нет, уж коли призы и церемонии (разумеется, с достаточной долей юмора), то в финале — как завершение какой-то длительной «игровой программы». Пожалуй, главное здесь, чтобы призы и награды (да по возможности и весь шуточный церемониал) были неожиданными для детей — ведь внезапное всегда действует сильнее.

Могут спросить: о каких призах, таблицах, турнирах может идти речь, когда в семье один-единственный ребенок? Ну, во-первых, все сказанное, видимо, имеет силу и для одного ребенка, то есть для двух партнеров в игре (либо трех — родители и ребенок). Во-вторых, конечно, при малейшей возможности вам следует вовлекать во все эти затеи не только своих детей, но и их товарищей по школе или по дому.

Единственный случай, когда начинать этого не стоит, — это если ваш ребенок чрезмерно робок, застенчив, не умеет постоять за себя. Парадокс?.. Ничуть. Поиграйте с таким ребенком раз десять-двенадцать, пусть он научится от вас дюжине-другой новых, незнакомых ему забав, затей и головоломок, пусть он натренируется в них и тогда — пусть идет со своим занимательным багажом в класс или во двор. Сыграют — а он, «основоположник», наверняка окажется не последним в освоенных играх. Вот ему и уважение, и внимание товарищей, а это, что ни говори, прибавляет уверенности. А если с самого первого раза включить его в группу сверстников, то вполне может быть, что другие дети, попроворней, обгонят его в самом начале (и тогда может дело дойти до того, что он в слезах будет отговаривать папу от игр).

„обратная связь“

...Сегодня в педагогике, как и во многих сферах деятельности, распространен кибернетический термин «обратная связь». В педагогике это прежде всего непрерывный контроль за результатом вос-

питательных или учебных усилий старших.

Разумеется, эту самую обратную связь надо стараться держать и в игре. Не только играть, а незаметно поглядывать и прикидывать — как все получается? Как отражается на ребенке? Все ли в нем отзывается и работает так, как вы ожидали и загадывали?

И вот здесь создаются «пожницы», противоречие. С одной стороны, стало быть, надобно постоянное наблюдение. А с другой стороны: что ж это получится за игра? Дети всегда достаточно чутки, чтоб уловить напряженное внимание старших, его направленность не на саму игру, а на что-то другое. Хуже того: для организатора игры желательно и чуть ли не обязательно самому загореться азартом и задором. Каково ж это будет с непривычки — и гореть, и приметливо наблюдать за ребенком?

Из подобного противоречия имеется несколько выходов. Один — перенести наблюдение «на потом»: припомните ход игры и особенности поведения юного партнера позже, задним числом. Второй выход — замаскировать свои пристальные взгляды под чисто игровой интерес. Третий и, кажется, наилучший выход: обратите ваш наблюдательский интерес в игровой на самом деле, безо всякого актерства. Ведь если подумать, это на самом деле интересно — проследить за проявлениями ума и характера собственного сына или дочки! Здесь неизбежно, рано или поздно, вы узнаете и само и свое дитя с небывалой стороны, наткнетесь на многие немалые неожиданности.

Последний — не так-то простой — вопрос: а где все-таки доставать сами игры? Обязательно ли их должны придумывать сами родители? Это хорошо, конечно, коль хватит изобретательности. Но существует несколько десятков всевозможных игровых сборников — для учителей и массовиков, для вожатых и пионеров, спортсменов и математиков, для юных музыкантов и лингвистов. Разумеется, далеко не всякий из них можно приобрести в безраздельное пользование, но в библиотеках они, во всяком случае, имеются. Кроме того, есть немало журналов, детских и взрослых, где регулярно печатаются описания игр. Улучите часок-другой, зайдите в читальню, выпишите в тетрадку десяток игр, какие вам придутся по душе, и — в добрый час!

погремушка Юпитера

«В устье великого Нила, вблизи берегов Канабида», один из «семи мудрецов», Солон Афинский, беседовал с Псенофисом — жрецом из Гелеополя. Шел VI век до н. э. «О, греки, греки! — воскликнул жрец в конце разговора. — Вы настоящие дети!» С тех пор не было, кажется, ни одного историка — искусств, философии, социальных отношений, — который не повторил бы вслед за Псенофисом: «Античность — детство человечества».

И как у всякого детства, у античности свои игрушки. Славные среди эллинов лакедоняне были известны Пелопоннесу, Криту и Малоазийским колониям не только своими «спартанскими» (по имени столицы Лаконии), суровыми нравами. Спартанцу Архитасу приписывалась честь

* «К таким людям принадлежали и Фалес Милетский, и Питтак Митиленский, и Биант из Приены, и наш Солон, и Клеобул Линдский, и Миссон Хенейский, а седьмым между ними считается лакоонец Хилон» (Платон, «Протагор», 343).

изобретения погремушки, и вся Греция передавала рассказ Ксенофонта о том, как хромой Агесилай — царь Лакедемона, гроза персидских сатрапий, — ездил верхом на палочке, играя в лошадки со своим сыном.

Игрушки встречали эллина при рождении и сопровождали в могилу. Первая из них становилась амулетом, хранила от порчи, несчастья, предательства. Деревянными ласточками встречали весеннее обновление природы — Персефону, вернувшуюся из мрачного Аида на зеленую землю. Игрушки приносили в храмы, посвящали всеильным богам. В элевсинских таинствах — мистическом культе Деметры и Вакха — участники священной процессии несли в дар «лилейно-раменному» богу переполненную корзину игрушек.

Римляне, ревнивые к чужой национальной славе, оспаривали приоритет Архитаса. Древнеиталийский миф вложил первую во вселенную погремушку в руку маленького Юпитера. Согласно преданию, прапогремушка представляла собой звенящий шар, составленный из золотых кружков.

Как и в соседней Греции, игрушки встречали граждан Великого города сразу при рождении. Мальчику на девятый день, девочке на восьмой родственники, знакомые, слуги и рабы дарили металлические вещицы: золотые и медные мечи с именем отца, топорники с именем матери, две соединенные руки, звездочки, фигурки зверей и животных... Подарки назывались на шнурок и надевались на шею.

Археологические раскопки, отрывки рукописей, росписи сосудов, детали фресок рассказывали об античной игрушке довольно много. Задолго до начала нашего летоисчисления крутились жуки на длинных нитках, разлетались заполненные свинцом бабки, уличные разносчики продавали мячи, обручи, кубари.

Мячи обычно сшивали из разноцветной кожи и набивали волосом, тряпками, травой.

Обручи выгибали из железа, привешивали к ним колечки для большого шума и подгоняли либо одной палочкой, либо двумя, изогнутыми, с шариком на концах. Часто встречаются археологам оловянные человечки, буквы костяной азбуки, щиты, волчки, деревянные кони и повозки, барабаны, кимвалы. Но, судя по числу находок, наибольшей любовью детей и спросом родителей пользовались трещотки. Считалось, что их шум и звон обладают магической способностью отгонять злых духов.

Античные образцы остроумны и разнообразны. Трещоткам придавали и неожиданные геометрические формы и привычные очертания животных — лошадей, утон, овец. Самым стандартным прототипом была плодовая свинья — частливая в потомстве, она слыла покровительницей детей.

Но все же в игрушечных уголках первенствовали куклы. Их делали из простой и слоистой кости, дерева, глины, воска. Иногда это был всего лишь грубый чурбанчик без рук и без ног. Или — с тонкими палочками вместо них, а кисти и ступни намечались тогда углублениями на воображаемых запястьях и щиколотках.

Дорогие куклы — верх мастер-

ства и изобретательности. В богатых одеяниях из пурпурных тканей, с янтарными или костяными украшениями, с роскошным приданым — обстановкой, утварью, игрушечными особняками и загородными виллами, эти куклы могли изумить самые избалованные взгляды. Пишный расцвет пластических искусств угадывался за кукольными торсами, вырезанными с глубоким знанием анатомии. Высокие законы прекрасного, трагического и смешного управляли мастерами, лепившими кукольные лица. Они столь же выразительны и характерны, как театральные маски. Прически этих кукол сложные и изящны, а руки и ноги свободно сгибаются в суставах.

Театральные куклы-марионетки, естественно, еще более подвижны. После знакомства с ними известие об античной автоматической игрушке уже не покажется фантастическим. Подлинность его сиреплена авторитетом Аристотеля — учитель Александра Македонского упоминает игрушечный механизм, приводимый в движение течением ртути и песка.

Кукольные уголки маленьких римлян пополнялись десятки раз в году — с каждым триумфом, обрядовым торжеством, праздничными публичными играми, посвящением в таинства, датой рождения, наречения имени... Игрушечное великоление все возрастало, и наконец его приносили в дар домашним богам: ларам и пенатам — хранителям и покровителям очага. Римский мальчик становился юношей.

В. ШАТЧЕНИН

овладеваем вниманием

Хорошо развитое внимание — обязательное условие успеха в любой деятельности.

Совершенствовать внимание можно и нужно, конечно, в первую очередь в жизни, учебе, труде. Но отлично помогут и специально подобранные игры-упражнения.

мгновенный взгляд

Ведущий кладет на стол 7—10 горошин. Играющий, бросив на них лишь быстрый взгляд, должен определить их количество.

Ведущий постепенно увеличивает число горошин на одну-две, меняя и тому же их расположение.

То же самое делается со спичками (без головок). После многих ежедневных упражнений (примерно через месяц) горошины раскладываются вместе со спичками, количество тех и других доводится до 15—20.

Еще одно упражнение такого типа: определить, на какую сумму разложены на столе 8—15 монет.

слушай одновременно нескольких

Двое произносят одновременно два разных слова. Задача водящего — различить их. Если это ему удалось — трое, а затем и четверо одновременно произносят три (четыре) разных слова. Если водящий справляется и с этим заданием, пусть двое, а затем трое произнесут одновременно две (три) разные короткие фразы.

Победит тот, кто продержится дольше.

что выполнять?

Играющие становятся шеренгой перед ведущим, который отдает команды и одновременно делает движения: руки вперед, вверх, в стороны, вниз. Команды и движения большей частью не соответствуют друг другу.

Помощник ведущего дает через разные промежутки времени то один, то два свиста. При одном свисте играющие должны выполнять команды, а при двух свистах — подражать движениям ведущего.

Игра требует большого внимания, поэтому вначале темп не может быть быстрым; только хорошо

потренировавшись, можно ускорить темп.

Тот, кто ошибся несколько раз, выбывает из игры. Двое, оставшиеся последними, считаются победителями.

повторите!

Ведущий договаривается с играющими, чтобы они повторяли за ним только тогда, когда он говорит слово «повторите».

«Повторите — стол». (Играющие говорят: «Стол».)

«Повторите — окно». (Играющие говорят: «Окно».)

«Скажите — улица». (Все, сказавшие «улица», выбывают из игры.)

«Повторите — девочка». (Некоторые повторяют лишь с опаской и опозданием. Они тоже выбывают из игры.)

«Пожалуйста — мяч». (Повторившие «мяч» — выбывают.)

Игра заканчивается, когда остается человека два-три.

зашифруйте слова

Напишите на большом листе бумаги числа от 1 до 33 (по числу букв алфавита) и расставьте по одной букве под каждым числом в произвольном порядке:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
в	л	у	э	а	в	ц	г	ё	ж
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
и	ы	д	ю	р	й	б	ш	м	ъ
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
о	ч	с	х	щ	н	я	т	ь	п
31	32	33							
к	ф	е							

Пусть кто-нибудь скажет любое слово, например «кинематограф», и кандай, пользуясь этой таблицей, возможно быстрее письменно заменит буквы этого слова цифрами: к и н е м а т о г р а ф

Игру можно усложнить, зашифровав небольшое предложение: у щ е л ь е с В о л о д ь е 3 2 5 3 3 2 2 9 3 3 2 1 2 1 2 1 1 3 3 3 1 6 с е м ь у т р а 2 3 3 3 1 9 2 9 3 2 8 1 5 5

сосчитаете ли?

Ведущий набирает такие предметы, которых всегда много под руками, — карандаши, ручки, спички, столовые ложки, вилки, ножи — и раскладывает их один за другим, не соблюдая никакого порядка.

Пусть они легли следующим образом: карандаш, спичка, карандаш, нож, карандаш, карандаш, спичка...

Нужно узнать, сколько всего ножей, спичек и т. д., но считать можно только следующим образом: первый карандаш, первая спичка, второй карандаш, первый нож, третий карандаш, четвертый карандаш, вторая спичка...

Да, чтобы так считать, нужно большое внимание.

Е. ГЕЛЬФАН

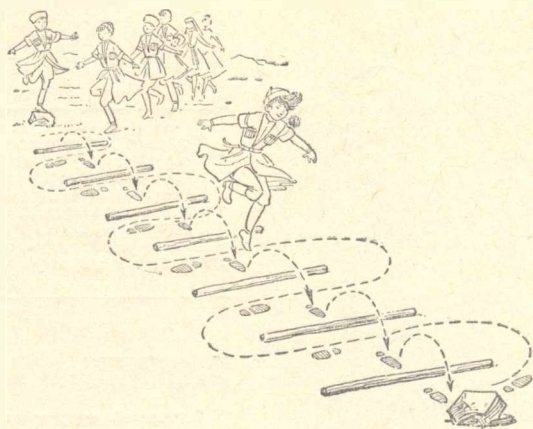
народные игры

сахреоба

Игра эта распространена в Грузии. На землю кладут несколько палок на расстоянии 50 сантиметров одна от другой. Прыгая на одной ноге, надо обойти змейкой три раза все палки. Затем следующий тур: играющие прыгают через палки, ставя ступни перпендикулярно палкам. Обратно возвращаются тоже прыжками, только ступни должны быть параллельны палкам.

Каждый раз, пройдя все палки, игрок имеет право отдохнуть — для этого в начале и конце пути кладут камни.

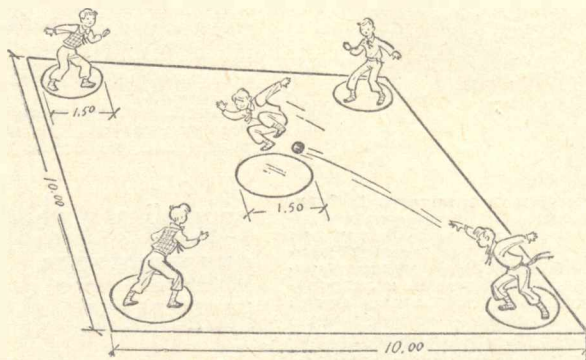
Заканчивают игру обычно прыжком с палки на палку. Выигрывает тот, кто, не нарушая правил, быстрее выполнит все задания.

квинтас

Это литовская игра. На ровной площадке вычерчивается квадрат со сторонами 10 метров. По углам и в центре чертят круги диаметром 1,5 метра. Кругов пять, и игроков тоже пять (отсюда и название игры «квинтас»).

По жребию одному из играющих выпадает быть «квинтой». Он становится в центральный круг, а остальные — в углы. Перебрасывая мяч, они стараются улучшить удобный момент и метнуть его в «квинту». Но тот внимательно следит за мячом и ловко увертывается от него — подпрыгивает, приседает, пригибается и даже ложится, стараясь дольше продержаться в почетном центральном круге. Игрок, попавший мячом в «квинту», занимает его место. Продолжительность игры 5 минут. Если за это время никто не смог попасть в «квинту», тот считается победителем и может остаться в центре квадрата, а круги по углам занимает новая четверка.

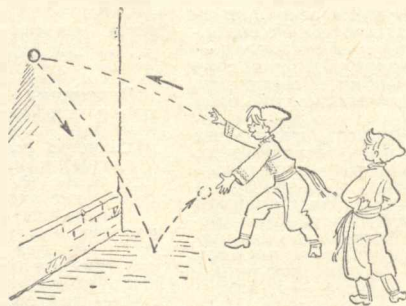

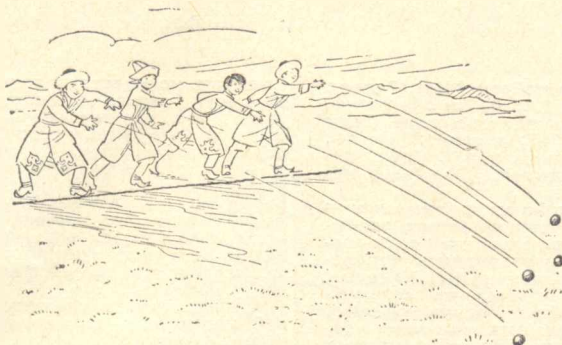
зайчик

Этнографы наблюдали эту игру на Украине. Проводится игра у стены. Бьют мячом в стенку так, чтобы он, отскочив от нее и ударившись о землю, вновь подскочил. Ловить мяч можно только после удара о землю. Заранее обуславливается, как его ловят — левой, правой или двумя руками. Каждый правильно пойманный мяч дает очко.

Если играющий промахнулся или допустил ошибку, он должен передать мяч следующему. Когда мяч обошел всех играющих (лучше, чтобы их было не больше пяти), первый бросает снова. Он ведет счет очкам с того момента, как потерял право хода.

Обычно играют до 50—100 очков. Кто победил, может выяснить только после хода игрока, завершающего очередь.

бурук-тепек

В Казахстане эту игру проводят на обширных площадках. Одновременно играют 15—20 человек. У играющих мячи разного цвета или с номером. Желательно, чтобы они были одинакового веса.

Встав на линию старта, играющие одновременно бросают свои мячи как можно дальше. Следующий бросок — с места, где упал твой мяч. Тот, чей мяч после трех бросков пролетел дальше остальных, считается победителем.

лунг-мэгар

«Лунг-мэгар» в дословном переводе с молдавского означает «длинный осел».

Игра проводится между двумя командами.

«Всадники» по очереди разбегаются и прыгают на спину игроков первой команды, стараясь пролететь как можно дальше, чтобы осталось место для следующего. Первый, вскочивший на «длинного осла», должен сохранить равновесие и не упасть со спин соперников, которые делают все, чтобы сбросить седока. Если тот коснулся земли хотя бы одной ногой, он теряет право продолжать игру.

Если земли коснутся более чем три «всадника», команды меняются ролями. Но бывает так, что все «всадники» успешно выполнили свою задачу. Тогда после прыжка последнего стоящие считают до десяти, стараясь всяческими способами сбросить противников. Если никто не упал, «всадники» повторяют свой заход. Кто выиграл три захода — победил.

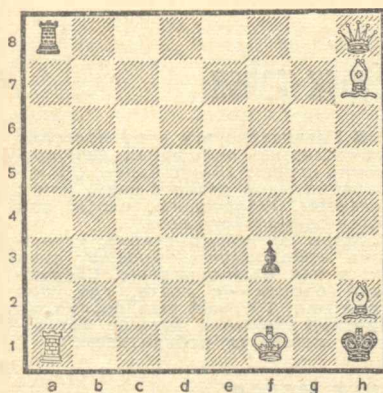
сокур-беркут

Записана эта игра в Киргизии во время этнографических походов студентов Педагогического института имени В. В. Маяковского. Участники образуют круг. Выбирают одного «сокур-беркута» («слепого орла»), которому завязывают глаза, и пять «перепелок».

«Сокур-беркут» должен поймать «перепелку». «Перепелки» прыгают, приседают, неслышно переходят на противоположную сторону круга, но не выходят за его пределы. Пойманная «перепелка» занимает место «слепого орла». Может оказаться, что одну из «перепелок» поймали трижды. Тогда весь состав играющих меняется.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта СССР

на 64 клетках

В арсенал новичка

Вы перевортываете листок налendarя, а на обороте — шахматная задача с подписью «Мат в два хода». Как нужно приступить к ее решению?

Следует знать: 1) в таких задачах ходят первыми и объявляют мат всегда белые, 2) решить задачу на мат в два хода — это значит найти за белых такой ход, после которого ни один ответ черных не спасет их от мата.

Разберем решение двухходовой задачи И. Хохолоуша.

Итак, поищем за белых ход, который обеспечил бы мат. Рука опытного решателя сразу тянется взять черную ладью. Что ж, попробуем...

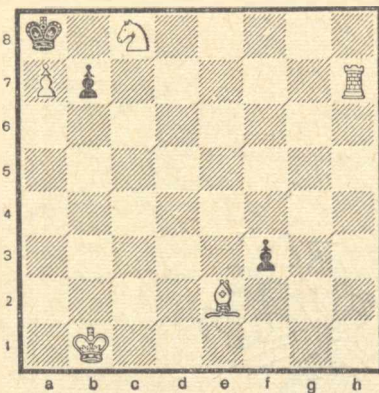
1. Л: а8. У черных два ответа. При 1. ... f2 мат делается — 2. Се4Х. Но при 1. ... Кр: h2 мата нет. А раз у черных есть ответ, спасающий от мата, то, значит, наша проба — 1. Л: а8 — неудачная.

Пробуем 1. Ф: а8. Но опять после 1. ... Кр: h2 мат не выходит.

А что, если сделать первый ход не «на авось», а так, чтобы создать угрозу мата? Например, 1. Сg3. Теперь черным угрожает 2. Сg8Х, найдется ли у них защита? При ходе 1. ... f2 или ходах ладьей по восьмой линии угроза исполняется — 2. Сg8Х. Не помогает черным и 1. ... Л: h8, ибо белые получают тогда другую возможность — 2. Крf2Х. Остаются ходы ладьей по вертикали. Если 1. ... Л: a1+, то 2. Сb1 — ход, одновременно защищающий от шаха своего короля и открывающий убийственный шах королю черных. Мат! Если 1. ... Ла2 (чтобы при отходе слона h7 закрыть от шаха путем Лh2), то 2. Сс2Х. На 1. ... Ла4, 1. ... Ла5, 1. ... Ла6 белые играют соответственно 2. Се4Х, 2. Сг5Х, 2. Сg6Х. Так

что? Решение найдено? Нет. Делаем черными ход 1. ... Ла7 и обнаруживаем, что дать мат не можем! (Если 2. Сg8+, то Лh7, а если 2. Крf2+, то Л: a1.) Значит, ход 1. Сg3 к решению не привел: у черных нашлась защита.

При дальнейшем размышлении над первым ходом белых возникает мысль: а нельзя ли пойти слонном h2, чтобы затруднить попадание черной ладьи на h7? Конечно, можно! Надо перекрыть седьмую линию — 1. Сс7! Задача решена! Остается проверить решение: убедиться, что ни один ответ черных от мата их не спасет. Сделайте это.

если оглянуться назад

Чатуранга, попавшая в четвертом-пятом веках из Индии в Иран, пришлось по вкусу иранцам. Она стала называться «шатранг». К лучшему изменились правила игры:

были изъяты кости, и ходы перестали зависеть от слепой воли случая, а результат партии — от везения;

в шатранг играли уже не вчетвером, а вдвоем. На доске вместо «полководца» появился «шах», а рядом с шахом ставился «ферзь» (по-персидски ферзин — «советник шаха»);

перестали снимать вражеского шаха с доски, а начали играть до мата.

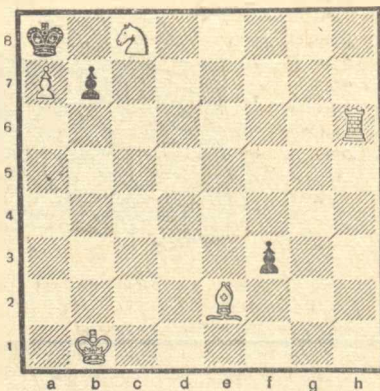
Откуда же взялось это правило — играть до мата, а не до уничтожения всех фигур? И чатуранга и шатранг отображали военные сражения. А в те века у восточных народов даже в самой горячей битве вражеский царь был не прикосновенным для всех неравных ему по рождению или по положению. Когда, например, армянский царь

Пап, сам не участвовавший в бою, упрекнул своего полководца Мушега в том, что тот не убил албанского царя, а лишь прогнал с поля боя, Мушег ответил:

— Равных мне врагов я всех истребил, а те, кто имеет венец, равня не мне, а тебе. Сделай милость, как я убил равных мне, так и ты убей равных тебе. А я никогда не поднимал руки на венценосцев и не подниму, даже если меня оурут убивать.

А впоследствии сложился и другой неписанный закон: царь тоже не мог казнить захваченного венценосца, а заточал его навсегда в «замок забвения», где держал законным золотыми цепями.

В седьмом веке арабы завоевали Иран и познакомились здесь с шатрангом. По-арабски слово звучало как «шатрандж». Хорошо играть в шатрандж было очень почетно. Например, халиф ал-Мамун (девятый век), любивший играть, но игравший плохо, огорчался: «Странно, что я правлю миром от Инда на востоке до Андалусии на западе и не могу справиться с тридцатью двумя фигурами на доске в две яды на две».

близнецы

Не правда ли, позиции на двух последних диаграммах очень похожи? Не сразу найдешь разницу! Все фигуры стоят одинаково, и только ладья в одном положении стоит на h7, а в другом — на h6. А между тем такое минимальное изменение приводит к тому, что решения в этих двух задачах различные. Подобные задачи — с почти одинаковым расположением фигур, но разными решениями — называются близнецами. Автор этих двух задач Вернер Шпекман. Решите их: в обеих мат в два хода.

Ю. БАРСКИЙ

конкурс • конкурс • конкурс • конкурс • конкурс

Сегодня мы отвечаем нескольким корреспондентам.

«Я прислал свою автобиографию еще в фезале, но до сих пор ее судьба мне неизвестна. Прошу дать на нее отзыв».

«...События в моей жизни мало. Училась, работала, вышла замуж, есть дети. Даже ездила мало и мало что видела. Но пережито немало и хорошего, и всяких больших и малых трудностей. И передумано немало и о себе, и о людях, и о детях, конечно, в первую очередь. Неужели, думаю, кому-нибудь интересно читать об этом, если я решусь писать!»

Жизнь нашего тринадцатилетнего автора, как видно проходит неплохо и поэтому своим письмом он доставил нам радость. Но обращаемся к детям, которые присылают на конкурс такие или почти такие сочинения. Дорогие ребята! Конкурс автобиографий — конкурс для взрослых. Подольше поживете на свете, побольше узнаете людей, или, как выражаются, наберетесь опыта, — тогда с полным правом сумеете рассуждать с жизни. Не обижайтесь, такой ответ вовсе не значит, что редакция не хочет читать детских писем. Наоборот, мы любим разговаривать с вами, только не в порядке конкурса, а просто так. Поэтому если будет у вас какой случай обратиться в «Семью и школу», — пожалуйста.

Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

„СКВОЗЬ жар души, СКВОЗЬ хлад ума ...“

В собраниях Валентин Александрович сидел букой, не разговаривал. Все привыкли и ждали нивка головы, короткого жеста, особенно взгляда выразительных, хранящих усмешку глаз. Крупные споры разрешались иногда этим взглядом. Знания и безупречный вкус Серова ценились художниками и критиками самых разных направлений. Слава не покидала его, удачливость сопутствовала во всех работах. Но с годами он становился все более суровым и молчаливым. Можно было подумать, что ему вообще неохота разговаривать с людьми. Он умер вдруг в 1911 году от приступа грудной жабы, сорока шести лет.

В определении сущности его творчества критики скрепили копы. В словах и мнениях не знали удержу. Но уже никто не разводил спорящих, никто не получил право решать и определять.

— Что такое живопись Серова? Урок русской живописи. Серов стремился вперед, сохраняя лучшее наследие прошлых эпох нашей школы.

— Серов был самой большой и самой неправильной жертвой времени... Решая свои задачи, он, в сущности, не мог ответить, для чего он это делает и какой в этом смысл.

— Многие русские дарования бились над тем же, что было заветной целью Серова — найти отечественный канон красоты, свое,двигаемое из поколения в поколение ремесло.

— Его творчество — стон сквозь стиснутые зубы. Существо его искусства вызывает сопротивление опустошенному художнику и сочувствие мучающемуся человеку...

Изумительное мастерство Серова-портретиста не вызывало ни в ком сомнений, но заставляло спорить о существовании его художнических задач.

Если одни уверяли, что он был великим портретистом старого типа, «последним убежденным певцом человечества», другие называли его «сердитым», «жестоким» художником. «В сущности, Серов (в последнее десятилетие) предлагает нам заняться вместе с ним злой игрой: чтобы понять его портреты до конца, вровень с его замыслами, надо, так сказать, подвергнуть их «просвечиванию» — своего рода рентгенизации со стороны зрителя. Только тогда в них выступит подлинное серовское бытие: скелет жабы в каком-нибудь портрете старухи Цейтлин, остов индюка в портрете В. Гиршмана, чучело гусыни в портрете княгини Орловой...»

Можно ли считать, что время примирило всех, кто пытался найти ключ к творчеству художника? Острее видятся нам противоречия эпохи, острее чувствуются закономерности, определившие движение искусства на рубеже двух веков. Но ведь подлинное искусство, подлинное мастерство всегда будет назваться потомкам не до конца понятым, разгаданным.

В конце 1904 года Серов получил письмо от Ильи Семеновича Остроухова, бывшего в то время одним из почитателей «Литературно-художественного кружка», — предложение принять заказ от кружка на портрет Марии Николаевны Ермоловой. Работал в это время Валентин Александрович без пропусков, но от заказов еще не имел привычки отказываться: «Заказывают — пишу, а если бы не заказывали, кто знает, — может, и не писал бы, так, банкруши был бы». Мария Николаевна согласилась позировать после энергичных убеждений Остроухова и близких ей людей: она была непременно скромна и... в какой-то степени предрешена против Серова. Она ценила его по отцу, замечательному композитору и кри-

тику, автору «Рогнеды», «Вражьей силы», слышана была о его матери — Валентина Семеновна, убежденная семидесятилетняя, работала в деревне по оказанию помощи голодающим, организовала народный музыкальный театр, потом народную консерваторию... Но все эти новейшие направления в искусстве!.. Марии Николаевне были чужды искания таких художников, как Врубель или К. Коровин. Ей казалось, что они уведут искусство от его вечных задач. А Серов ведь был близок и Врубелю и Коровину.

«Как взять человека — это главное» — любимая мысль художника. На первоначальном, карандашном эскизе фигура артистки выросла во весь рост. Попробовать глухие черные и перламутровые тона? Попробовать несколько сеансов в фойе Малого театра? Парадный портрет?.. Как великую княгиню или королеванную особу?..

Художник держал себя корректно и властно, объяснялся скупыми фразами. Мария Николаевна подчинилась его диктату. Почувствовала правду в его жестах и ту подлинность артистизма, который выражается в точности и законченности каждого рабочего движения.

На первом же сеансе была найдена характерная поза, поворот головы, найдено фантастическое по простоте пространственное решение.

Чтобы отодвинуть фигуру от стены, передать ощущение воздуха, в зеркале, которое стало фоном портрета, прописывается отраженный угол схода противоположных стен, часть величественного интерьера. Мягко, не назойливо.

Потом начались обычные муки, о которых не подозревали заказчики и зрители. Ведь его, признанного портретиста, портрет, как таковой, не интересовал. Передача сходства, уловление характера — ему было мало такой задачи, просто потому что это было слишком легко, а потому и неинтересно. Еще будучи ребенком, в Абрамцево он вступал в соревнование с признанными мастерами и побеждал их. Влекли ли его лица, судьбы?.. Он никогда не писал «его», а всегда «их». Даже если работал парадные портреты. С удовольствием писал людей, чуждых ему по душевному складу и образу жизни. О, как он их чувствовал, как умел «взять целиком», пластически выпукло обнажив суть. Ироничность не подчеркивалась им. Он далек был от желания писать карикатуры. И когда говорили о «высоком стиле» его портретов, он не протестовал. Ведь называл же Гоголь свои «Мертвые души» поэмой!

Парадные портреты — парад времени. И не был ли он, выразитель современности, в сущности, историческим живописцем?

Про любой портрет любого художника можно сказать, что он выражает свою эпоху, потому что нет искусства вне времени. Но для Серова особенно характерно сознательное стремление к обобщенности, к историческому монументализму.

Почему в портрете Ермоловой для него было так важно отделить фигуру от стены, создать иллюзию пространства и перед фигурой артистки? Только ли для того, чтобы она читалась объемно, как скульптура, как монумент, а если это и так, то какая мысль диттовала подобное решение?..

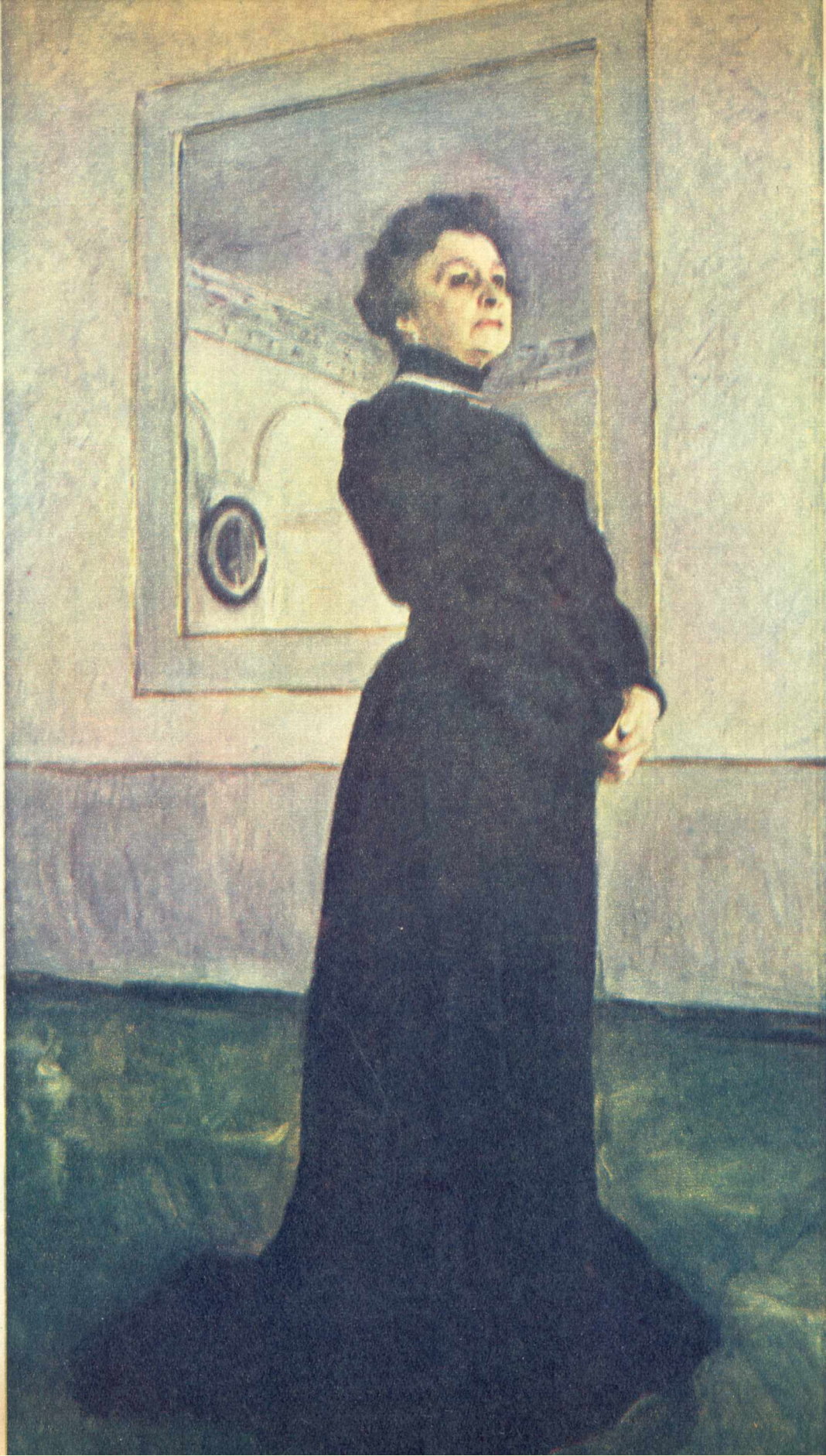
Когда останавливаешься перед портретом Ермоловой в одном из залов Третьяковской галереи, невольно отходишь назад, а потом начинаешь смотреть полотно с разных точек — именно на это рассчитывал художник. Самое интересное, что он и писал его с разных точек. Сначала кажется, что фигура взята как бы с верхней точки: пол дан не узкой полоской, а широкой плоскостью, на которой распластался шлейф платья. Но вот мы приближаемся и уже видим Ермолову снизу: в зеркале нависший потолок, гордое, озаренное внутренним светом лицо актрисы — над нами. Узкое пространство, придавленное темной гаммой тонов в нижней части картины, вдруг раздвигается, наполняется воздухом, высветляется, серые тона розовеют и еще больше контрастируют с тем светом, который в глазах Ермоловой. Для чего нужен был этот прием? Чтобы оживить строгую неподвижную фигуру, чтобы передать взгляд и отношение зрителей, которые рукоплескали актрисе, вознесенной подмостками, ролью, вдохновением? А может быть, это точка зрения эпохи, для которой Ермолова была символом духовной цельности, благородства, мужества, искренней простоты и скромности?..

Серов заставлял зрителей как бы преклонить колена, исполнить высоким, светлым чувством.

Да, он был «сердитым» художником, умным, взыскательным, неподкупным летописцем своего времени. Чем старше, тем больше закованный в броню объективности. Ермоловский портрет вдруг обнажает его человеческую тоску по идеалу, страстное желание найти веру, постигнуть «общую идею». Но он не делает портрет своей повестью, своим лирическим кредо; он остается на позиции выразителя времени.

Он был слишком большим артистом, чтобы пасть жертвой эпохи, он стал ее историком.

Л. ОСИПОВА

*Зовите меня
варваром
в педагогике,
но я вынес
из впечатлений
моей жизни
глубокое
убеждение,
что прекрасный
ландшафт
имеет
такое огромное
воспитательное
влияние
на развитие
молодой души,
с которым
трудно
соперничать
влиянию
педагога“.*

К. Д. УШИНСКИЙ

